

Ноябрь
2015

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

*Проблемы внешней политики, дипломатии,
национальной безопасности*

Московский дипкорпус

Пабло Ансельмо Теттаманти

Чрезвычайный и Полномочный Посол Аргентины в России

США: хаос как мировой порядок?

Андрей Кортунов

Генеральный директор РСМД

Россия в Средиземноморье

Дина Малышева

Главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН

Испанский разлом

Иван Попов

Эксперт в области иберийских исследований

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

Содержание

ПОЛИТИКА

А.Кортунов, А.Фролов. Политика США
в меняющемся мире 6

Во внешней политике - как и в политике вообще - всегда приходится рисковать. Минимизировать риски можно, но только в определенных пределах. И чем шире горизонт планирования, тем легче минимизировать риски. Но так уж устроена политическая система США, что она не позволяет роскоши долгосрочного планирования. Внешняя политика Соединенных Штатов не может планироваться и реализовываться вне зависимости от внутривнутриполитических циклов.

И.Попов. Сложный выбор Каталонии 27

Осень 2015 года принесла Испании новый виток в развитии внутривнутриполитического конфликта, связанного с возможным выходом из ее состава автономного сообщества - Каталонии. 27 сентября по инициативе националистического

руководства автономии состоялись досрочные выборы в региональный парламент. Убедительную победу на них одержала коалиция, сформированная правящей партией «Демократическая конвергенция Каталонии» и левобуржуазными националистами из «Левых республиканцев Каталонии».

Д.Микерин. Каспийский узел: миссия выполняема 43

В отечественной внешней политике каспийское направление относится к числу приоритетных. Каспийское море испокон веку служит естественной защитой южных границ нашей родины, занимает стратегическое положение на пересечении важнейших транспортных потоков между Европой и Азией, в его недрах скрыты богатейшие запасы углеводородов, а его воды являются природной кладовой уникальных биоресурсов.

А.Безруков. Провал механизма принятия внешнеполитических решений в США (военная операция в Ираке) 56

На первый взгляд механизм выработки внешнеполитической стратегии внутри администрации США выглядит как весьма эффективный инструмент определения курса американского государства на международной арене. Среди очевидных достоинств стоит выделить принцип согласованности в формировании и осуществлении решений. Однако череда неудач на Ближнем Востоке предлагает возможность более глубоко взглянуть на систему принятия решений в США.

МОСКОВСКИЙ ДИПКОРПУС

Пабло Ансельмо Теттаманти. К 130-летию установления дипломатических отношений между Аргентиной и Россией 70

В октябре 2015 года Аргентинская Республика и Российская Федерация отметили 130 лет со дня установления дипломатических отношений между двумя странами. Инициаторами этого празднования стали президенты Кристина Фернандес де Киришнер и Владимир Путин, которые приняли это решение в рамках двусторонней встречи.

МИР ВОКРУГ НАС

Н.Литвак. Информационные процессы во французской дипломатической службе 76

Практический интерес представляет рассмотрение современных информационных процессов в дипломатической службе Франции - страны,

стараящейся идти в ногу с основными изменениями в мире, в том числе с научно-техническим прогрессом, и использовать дипломатию в качестве средства достижения целей, недостижимых другими способами.

Б.Зарицкий. Трансатлантическое партнерство:
позиция ФРГ 96

Завершился 11-й раунд переговоров между ЕС и США о создании зоны свободной торговли. Речь идет не только об устранении таможенных барьеров, но и о гармонизации стандартов и регулятивных норм, защите прав инвесторов и целом ряде других «чувствительных» тем. В конечном счете может быть создан новый мегаблок, на который приходится почти 40% мирового ВВП и треть товарооборота международной торговли.

Д.Мальшева. Россия в Средиземноморье: геополитика
и современные интересы 111

В новой версии Морской доктрины России в качестве главных региональных направлений национальной морской политики РФ, помимо Атлантики, Арктики, Тихоокеанской зоны, обозначено Средиземноморье, что предусматривает военно-морское присутствие РФ в Средиземном море в целях «превращения региона в зону военно-политической стабильности и добрососедства». И это, очевидно, неслучайное действие: для России этот регион является важным направлением политики и международного сотрудничества.

В.Филиппов. Руанда: 20 лет спустя 124

Минуло 20 лет со времени на первый взгляд бессмысленной резни в Руанде, стоившей жизни миллиону ее граждан. Однако в свете разворачивающихся в других регионах планеты войн и конфликтов руандийские события заслуживают более детального рассмотрения, поскольку в них усматривается умысел политиков, готовых во имя геополитических амбиций подстрекать националистов и бросать в кровавую мясорубку народы.

Э.Касаев. Актуальные проблемы России на газовых рынках
Европы и Азии 142

Глобализация углеводородного рынка, межрегиональная конкуренция Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, острые политико-экономические решения Запада в адрес нашего государства все сильнее подогревают интерес экспертного сообщества к проблеме конкурентоспособности российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в международном газовом бизнесе.

- Р.Хасбулатов.** Прорыв к европейскому миру, безопасности и сотрудничеству. Несбывшиеся надежды 158
- С.Филатов.** Россия и арабский мир 166
- Е.Арляпова.** Джордж Ф.Кеннан о национализме в мировой политике 179

ГлавУпДК при МИД России

- ГлавУпДК при МИД России представляет
новый проект - жилой комплекс для
инопредставительств на Мосфильмовской улице 189

Андрей КОРТУНОВ:

«Кроме того, надо учитывать, что Америка - страна до сих пор очень провинциальная. Американцы в целом мало интересуются внешней политикой и плохо ориентируются в ее тонкостях. Поэтому идеологам часто бывает легче навязать свою точку зрения обществу: картинка, которую они транслируют, понятна и доходчива. В мире есть «хорошие парни» и «плохие парни», самые хорошие - США и их союзники, самые плохие - все те, кто с Америкой не согласен и упорно не принимает американское лидерство».

Иван ПОПОВ:

«Тот факт, что почти 2 млн. жителей Каталонии проголосовали за политические силы, впервые в постфранкистский период открыто выступившие за разрыв с Испанией, подтверждает реальность угрозы целостности страны. Это констатация серьезнейшего кризиса во взаимоотношениях самого развитого региона Испании с ее политическим центром, причем самое опасное в этом кризисе то, что политическое руководство ни в Мадриде, ни в Барселоне не показывает готовности к поиску компромиссов».

Денис МИКЕРИН:

«Военный потенциал Каспийской флотилии нацелен не на соседние прибрежные государства, а служит противовесом группировке внерегиональных сил, рассматривающих Каспий чуть ли не как свою вотчину. Таким образом, полное разоружение на Каспии привело бы к обратному эффекту - дестабилизации обстановки и вполне предсказуемым последствиям. Избежать этого сегодня позволяет сложившаяся к неудовлетворению внерегионалов атмосфера взаимного доверия и учета интересов друг друга между военно-морскими силами прикаспийских государств».

Алексей БЕЗРУКОВ:

«Стало ясно, что основанная на принципе «сдержек и противовесов» система принятия внешнеполитических решений в США частично утратила собственный потенциал в условиях острейшего внутривнутриполитического и внешнеполитического кризиса, вызванного терактом 11 сентября. Паритет между административными ведомствами оказался нарушенным, а отдельные политические фигуры получили возможность неформального увеличения собственного влияния на процесс принятия решений. Возросший в этих условиях риск внутриведомственных конфликтов был решен либо откровенным игнорированием важных данных, либо их утаиванием».

Андрей КОРТУНОВ

Генеральный директор РСМД,
кандидат исторических наук
akortunov@neweurasia.ru

Александр ФРОЛОВ

Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН,
доктор политических наук
afrolov_53@mail.ru

Политика США в меняющемся мире

Александр Фролов: Сегодня внешняя политика Соединенных Штатов Америки переживает непростое время. Мир вступает в новую эпоху, когда появляется много совершенно новых, в том числе нетрадиционных вызовов, с которыми руководству США приходится сталкиваться. Где-то Вашингтону удается встраиваться в происходящие процессы, в других случаях ситуация начинает развиваться не по его сценарию, и тогда основанная на ряде важных и незыблемых постулатов эта политика дает сбой.

Если говорить об американской политике, может быть, стоит начать не с нее, а с понятий более фундаментальных. А такая проблема, на мой взгляд, кроется в неравномерности развития государств. Очевидно, это в большой степени затрагивает и внешнюю политику Соединенных Штатов, которые вступают в новую для себя ситуацию в мире, вызванную появлением иных точек роста, влияния, размыванием ранее сложившихся центров, структур и понижением

роли традиционных центров силы в мировых делах. И в Вашингтоне не могут не реагировать на это. Сейчас высокий экономический рост отмечается по периферии двух бывших мировых систем. А вот доля США в мировом ВВП снижается: в 2012 году составляла 16,5%, в 2013-м - 16,3%, в 2014 году - 16,1%. Это движение медленное, но вниз. Это - тренд, хотя к таким цифрам нужно относиться корректно. Ребенок растет быстро, взрослый - практически нет. Существуют какие-то пределы роста. Тот же самый Китай, который до недавнего времени демонстрировал чудеса роста, позиционировал себя в качестве мировой фабрики, также вступает в замедление: больше, чем требуется, товаров не произведешь. Сейчас наибольшие темпы роста демонстрируют не «драконы» Юго-Восточной Азии, а те страны, которые «провисали», например Монголия, Афганистан, некоторые африканские государства. А раз они обретают больший экономический вес, то неизбежно будут стремиться перевести его в политическое влияние на разных уровнях. Это объективность, и в США, как представляется, с трудом готовы мириться с нею. Отсюда могут возникать и всякие внешнеполитические перекосы, шарахания.

Андрей Кортунов: Как показывает мировая история, любая страна или группа стран, теряющих свои былые позиции в международной системе, относятся к этому весьма болезненно. Возникает стремление во что бы то ни стало удержать статус-кво, затормозить происходящие изменения, по возможности не делиться с новыми наступающими державами своими позициями и статусом. Именно это мы и наблюдаем сегодня. Ограничусь одним примером - происходящей сейчас борьбой за будущее международных финансовых институтов. Когда-то МВФ и МБРР создавались как западные структуры, в которых доминировали западные интересы и сложились западные традиции. Так, МБРР «по традиции» всегда возглавляет американец, а МВФ - европеец. Соединенные Штаты постоянно имели «блокирующий пакет» в обеих организациях. И сейчас, хотя соотношение сил в мировой экономике и финансах радикально изменилось в пользу незападных стран, США и их союзники всячески тормозят перестройку МВФ и МБРР, а вместе с ними - и перестройку всей международной валютно-финансовой системы. Но историческое развитие не остановить, и если история наталкивается на препятствия, то она всегда ищет и находит обходные пути.

Китай, недовольный отсутствием прогресса в МВФ и МБРР, уже создает свои альтернативные финансовые структуры, тем самым вольно или невольно ослабляя основы западной Бреттон-Вудской системы. Ситуация для американцев неприятная, но неизбежная.

Однако, на мой взгляд, было бы неправильно драматизировать относительный упадок Соединенных Штатов - «запас прочности» американской экономики весьма велик. Посмотрите на статистику экономического роста США за последние пару лет - нам бы такие показатели! Американская экономика, при всех ее многочисленных проблемах, пока остается самой инновационной экономикой в мире. Наибольшее число изобретений регистрируется в США, а не в Китае или Индии. Соединенные Штаты адаптируются к новым реальностям, и подчас очень даже неплохо. Возьмем, например, всем нам хорошо известный «айфон». Он собирается преимущественно в Китае, но компоненты производятся также в Корее, Вьетнаме и во многих других странах. Но все-таки головная компания находится в Купертино (Калифорния) и основная прибыль идет туда. И практически вся та компьютерная техника, которая производится на Тайване или в Индонезии, работает на американских операционных системах. Так что списывать Соединенные Штаты как мирового лидера было бы по меньшей мере преждевременно.

А.Фролов: То, что процессы идут не так быстро, в общем, хорошо. Но тем не менее даже у самого развитого государства все равно должны быть какие-то заделы на будущее. В свое время Барак Обама, когда боролся за президентское кресло, обозначил два момента, благодаря которым Америка сможет в перспективе удерживать мировое лидерство. Это наука и образование. Без них невозможны ни технологические прорывы, ни сами новые технологии, о которых мы говорим. Сейчас сложно сказать, насколько именно на них делается упор в США. Это покажет время. С другой стороны, мы, естественно, не можем и не должны никому подсказывать стратегические направления развития. Но если выбор заделов не будет происходить, то лидерство самым естественным образом постепенно утратится. Военная сила, даже самая современная, сама по себе не решает проблемы лидерства, там действует много и иных факторов - состояние экономики, науки, приспособленность политической системы и т. д. Наука и образование - это важные компоненты развития государства, это своего рода инвестирование средств в будущее.

А.Кортунов: Я бы сказал, что вложение средств в образование и науку - это уже инвестирование не только в будущее, но и настоящее. Мировой рынок научно-образовательных услуг сегодня вполне сопоставим с мировым рынком вооружений, и для многих стран экспорт этих услуг - масштабный и прибыльный бизнес. В том числе и для США, которые остаются лидером на данном рынке. Это не только дополнительные десятки миллиардов долларов доходов, но еще и уникальный ресурс для внешней политики, та самая «мягкая сила», о которой сегодня так много говорят. Но, конечно, и там у американцев есть свои проблемы. В сфере образования США сталкиваются с растущей международной конкуренцией. И если раньше главными конкурентами были другие англоязычные страны - Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, которые могли оказывать аналогичные образовательные услуги высокого качества за меньшие деньги, то теперь на образовательные рынки начинают выходить страны Юго-Восточной Азии, Персидского залива, Центральной Европы, Израиль, тот же Китай и многие другие. Все начинают предлагать образовательные программы на английском языке.

Если же оценивать университетскую инфраструктуру, то нередко она в Китае или где-нибудь в Малайзии даже лучше, нежели в Америке. И китайские ученые все больше возвращаются из Америки к себе домой, видя там для себя большие возможности для профессионального и карьерного роста. Обама смотрит в правильном направлении, но США в этом вопросе уже перестают быть монополистами. В образовании у них тоже накопилось немало проблем, главная из которых - его дороговизна. Стоимость образования бывает такова, что оно становится не по карману даже американскому среднему классу. Я бы сказал, что долгосрочное лидерство США в этой сфере отнюдь не гарантировано, хотя до сих пор американские вузы находятся в первых строчках мировых образовательных рейтингов.

А.Фролов: Вернемся к внешней политике. Сегодня много говорят о теории хаоса, будто США в большей степени причастны к ситуации на Ближнем Востоке, арабским революциям, а теперь еще и заинтересованы в дестабилизации Европы вследствие того, что они сначала создали проблему (беженцев), а затем стали манипулировать ею. Однако здесь не все так просто. Вопрос в том, насколько дестабилизация Европы выгодна Соединенным Штатам? И не могу дать на него однозначный ответ. Да, может, кто-то и дума-

ет, что Европу надо «одернуть». Но, с другой стороны, европейские страны - это самые надежные союзники США, выходит, что, «дестабилизируя ситуацию» в Европе, американцы тем самым размывают союзнические связи. Мой опыт изучения американской внешней политики говорит о том, что в американском истеблишменте могут действовать разнонаправленные силы. Так бывало и раньше, достаточно вспомнить пресловутую комбинацию Иран-контрас середины 1980-х годов. Можно предположить, что какие-то силы внутри страны готовы реализовывать сценарии по дестабилизации, но в целом такие сценарии не отвечают интересам американского общества. Иными словами, как представляется, правящий класс США состоит из двух пластов руководителей - прагматиков и идеологов. Прагматики готовы к компромиссам, к бизнес-схемам в политике, в то время как идеологи (к ним можно отнести и многих неоконгов) следуют некой идеологической линии. Ведь в самом деле, тормозя развитие союзной Европы, США не могут затормозить развитие несоюзных им и конкурентных Китая, Индии, Бразилии и т. д.

А.Кортунов: К анализу внешней политики - в том числе и американской - можно подходить с двух сторон. Есть позитивистский подход, в соответствии с которым внешняя политика государства - это всего лишь общий знаменатель многочисленных групповых интересов: секторов экономики, регионов, социальных и этнических групп и т. д. То есть внешняя политика - некий усредненный вектор, примиряющий и объединяющий все эти групповые интересы. В таком случае задача руководства страны состоит в том, чтобы отрегулировать и зафиксировать очень сложный деликатный баланс разнонаправленных групповых интересов. Чтобы все группы были в той или иной мере представлены и все интересы нашли свое отражение.

Позитивистскому подходу противостоит холистический подход, утверждающий, что национальные интересы не сводятся к среднему арифметическому от групповых интересов. Сторонники этого подхода утверждают, что у каждой страны - и прежде всего великих держав - есть своя уникальная миссия, своя историческая судьба, свое предназначение. И задача руководства - не создавать баланс между разными групповыми интересами, а открыть и обосновать эту миссию, следовать своему предназначению, и, самое важное, привить такое холистическое понимание национальных интересов всему обществу.

Конечно, демократические государства, имеющие сильные институты, располагающие системой сдержек и противовесов, тяготеют к позитивизму во внешней политике. И тем не менее от холистических элементов никуда не деться, что мы и видим на множестве примеров, включающих и Соединенные Штаты. Хотя, разумеется, нужно различать декларативный уровень американской политики и ее «операциональный» уровень. Одно дело - выступления в Конгрессе США или даже пресс-конференции президентов и совсем другое - повседневные решения, принимаемые чиновниками Государственного департамента. Если партия (неважно какая - Республиканская или Демократическая) находится в оппозиции, то ей легче говорить о высоких ценностях и принципах внешней политики, а если она эту политику ведет из Белого дома, то очень часто ценности и принципы уходят на задний план. И тут, естественно, оппозиция начинает разговор о цинизме и двуличии правящей администрации.

Но, конечно, из всего этого не следует делать вывод, что идеологи всегда в оппозиции, и, попав во власть, они становятся прагматиками. Иногда в самом Белом доме продолжается жесткая подковерная борьба идеологов и технократов, причем технократам победа отнюдь не гарантирована. По моему убеждению, решение об интервенции в Ираке в 2003 году Дж.Бушу-младшему навязали именно идеологи типа Ричарда Чейни и Дональда Рамсфелда, а вот прагматики в лице Колина Пауэлла потерпели поражение. И сегодня в администрации Обамы идеологи снова берут верх над прагматиками.

Кроме того, надо учитывать, что Америка - страна до сих пор очень провинциальная. Американцы в целом мало интересуются внешней политикой и плохо ориентируются в ее тонкостях. Поэтому идеологам часто бывает легче навязать свою точку зрения обществу: картинка, которую они транслируют, понятна и доходчива. В мире есть «хорошие парни» и «плохие парни», самые хорошие - США и их союзники, самые плохие - все те, кто с Америкой не согласен и упорно не принимает американское лидерство. Ну, а технократам сложнее - приходится говорить о необходимости компромиссов, о том, что «плохие парни» тоже могут иметь свои законные интересы, что США, вообще-то, должны приспособливаться к меняющемуся миру, а не наоборот и т. д.

А.Фролов: Нас в свое время учили, что внешняя политика - это продолжение внутренней. Но в области внутренней политики наблюдаются весьма странные явления. Последнее время не могу отделать-

ся от такой мысли, что в США как бы копируют не очень удачный советский опыт. Наши мысли объявляются самыми правильными, и они не подлежат никакой ревизии. Для американской внутренней политики это тоже, кстати, характерно. Например, можно думать о неких своего рода разрядках, когда на должность нужно выбрать человека с такими-то и такими данными. Вот в США президентом стал афроамериканец, теперь, очевидно, настает очередь женщины быть президентом (такого в истории еще не было) и можно предположить, следующим кандидатом вполне может стать испаноязычный гражданин США. Это, наверное, и неплохо, большой акцент он может сделать на укреплении связей и позиций на латиноамериканском направлении. При этом как бы на второй план отодвигаются личные качества кандидата, его политический опыт, воля, умение вести государственные дела. Ведь не только набор советников определяет эффективность управления, но и личные качества первого лица. Нет ли в этой ситуации, если выразиться поздней советской терминологией, некоторого налета «застоя»?

А.Кортунов: У нас бытует точка зрения, что где-то в небоскребах Манхэттена или в особняках Калифорнии день и ночь работает некий супертайный масонский орден, закрытый клуб миллиардеров или иная секретная структура, принимающая судьбоносные для Америки решения, а публичное руководство США их лишь реализует. И Барак Обама, например, - всего лишь марионетка в руках у законспирированных реальных хозяев. Не могу согласиться с такой точкой зрения - по крайней мере по двум причинам. Во-первых, если бы такой мозговой центр где-то в подвалах Уолл-стрита разрабатывал и принимал решения, планировал внешнеполитические акции и общую стратегию на десятки лет вперед, то откуда бы взялись столь многочисленные нестыковки, упущения, а то и просто явные ошибки и провалы в американской политике?

Во-вторых, учитывая то, как работает американская система, такого рода деятельность вряд ли удалось бы надолго удержать в секрете. Очень скоро нашелся бы какой-нибудь Джулиан Ассанж или Эдвард Сноуден, готовый во что бы то ни стало «спалить контору».

А.Фролов: Да, такого рода разоблачений не наблюдалось, никто из «обиженных» или «принципиальных» об этом нам не поведал. Сейчас вспоминаю книгу Кермита Рузвельта «Иран: контрперевоз-

рот» о свержении М.Моссадыка в Иране. Так там исход дела очень долго колебался на весах, и все решила настойчивость американцев, с огромным трудом сумевших склонить на свою сторону одного колебавшегося генерала, иначе все могло развернуться совсем не в ту сторону. Как так все можно спланировать, особенно если это касается умонастроенных людей, особенно если на перспективу?

А.Кортунов: Во внешней политике - как и в политике вообще - всегда придется рисковать. Минимизировать риски можно, но только в определенных пределах. И чем шире горизонт планирования, тем легче минимизировать риски. Но так уж устроена политическая система США (к счастью или к сожалению - это как посмотреть), что она не позволяет роскоши долгосрочного планирования. Внешняя политика Соединенных Штатов не может планироваться и реализовываться вне зависимости от внутривнутриполитических циклов. А циклы эти короткие - четыре, максимум - восемь лет.

С другой стороны, удобство американской системы правления состоит в том, что всегда можно «отмежеваться» от своих недавних предшественников. И в этом ее отличие от советской системы во главе с Политбюро ЦК КПСС, оперировавшей более длинными циклами. В США новый президент всегда может сказать, что все, кто сидел тут до меня, были малокомпетентными, плохо информированными и непрофессиональными людьми и я за их действия никакой ответственности не несу.

А.Фролов: Как показывает афганский опыт, практика Политбюро состояла в принятии коллективистских решений, также растворявших ответственность каждого из его членов, но проблема заключалась в том, что состав Политбюро обновлялся крайне медленно.

А.Кортунов: А у американцев обновления происходят постоянно. Так, война в Ираке - это очевидная ошибка администрации Дж.Буша-младшего, причем еще и сопряженная с обманом общественности, когда на трибуну ООН пришлось подниматься Колину Пауэллу с известной пробиркой в руках. Но вот пришли демократы и сказали Америке и всему миру, что, дескать, наши предшественники все вам наврали и вообще ввязались не в ту войну, но мы-то тут совершенно не причем, мы - их оппоненты. Это в какой-то степени выгодно Соединенным Штатам: политическая система позволяет об-

нулить внешнеполитические долги, отмежеваться от действий предшественников. Но, с другой стороны, в этом есть и слабость системы, поскольку при таком подходе говорить о долгосрочном планировании довольно трудно. Да и о доверии к американской политике - тоже.

Сторонники теории заговоров правы в том смысле, что существуют долгосрочные интересы США, которые не меняются в зависимости от того, кто конкретно находится у власти в Белом доме. Но даже эти интересы корректируются. Возьмем хотя бы многолетние утверждения о том, что для США критически важно контролировать Ближний Восток, потому что там нефть и газ, транспортные коммуникации, Израиль и т. д. А что мы наблюдаем сейчас? В США происходит энергетическая сланцевая революция, Америка становится энергетически независимой. Кто мог это предвидеть десять лет назад? Ближний Восток уже и не так нужен как источник углеводородов. С другой стороны, в Америке наблюдается некая усталость от Ирака, Афганистана, гражданской войны в Сирии, есть раздражение в отношении Египта и в отношении нынешнего руководства Израиля тоже. И уже пошли серьезные разговоры о перспективе «ухода» с Ближнего Востока. И как на это реагировать традиционным союзникам США в регионе?

А.Фролов: Думаю, что многие профессионалы, да и просто близкие к внешней политике американцы, видят некую бессмысленность в ближневосточной политике Обамы. Есть ощущение, не знают, что делать. Знает только сенатор Маккейн: в ответ на российские авиаудары по позициям сирийской армии. Отсюда, видимо, возник и состоявшийся недавно разговор между министрами обороны США и России. Надо, наверное, советоваться.

А.Кортунов: Если не бессмысленность, то хаотичность и непоследовательность в ближневосточной политике США более чем очевидны. Один известный и весьма показательный пример. Больше 30 лет Египтом правил Хосни Мубарак, верный союзник США, которого они любили, ласкали, поддерживали в военном и экономическом отношении. И вот начинается «арабская весна». Что делают американцы? Они тут же сдают своего союзника, пытаются договориться с «братьями-мусульманами» исходя из того, что те пришли всерьез и надолго. Американцы рискнули, сделав ставку на «братьев-мусульман». И в итоге проиграли, потому что египетские во-

енные «братьев» прогнали, а Обаме его разворот к исламистам не простили. Может быть, когда-нибудь «братья-мусульмане» вновь придут к власти в Каире, но Обамы в Белом доме тогда уже точно не будет. А на данный момент тот политический капитал, который США создавали в Египте в течение последних десятилетий, оказывается изрядно подмоченным. Ну кто же будет доверять партнерам, которые ведут себя таким образом? Нельзя, конечно, сказать, что в Америке не разрабатывается никаких долгосрочных планов в отношении региона, концептуальных построений типа «Большого Ближнего Востока», но это по большей части теоретические концепции, слабо связанные с текущими реалиями политической обстановки.

А.Фролов: Концепцию для ее воплощения еще нужно перевести в форму плана. В свое время многие американские эксперты не без довольства утверждали, что они (США) своей политикой вынудили Советский Союз на непомерные военные расходы, которые в конечном итоге его подорвали. Очевидно, утверждать подобным образом не совсем корректно, поскольку Советский Союз погубили не военные расходы, а, помимо них, целый ряд иных факторов, включая неэффективность экономики, отсутствие ясных мотивационных начал и т. д. К тому же СССР на военные расходы не вынуждали, а он сам на них сознательно шел, опять же по ряду известных причин. Но если следовать той американской логике, то сегодня США перехватили пальму первенства в военных расходах, которые превосходят военные расходы десяти следующих за ними по этому показателю государств, в то время как эффективность военной мощи, взять хотя бы борьбу с ИГИЛ, все больше ставится под сомнение. Военная мощь США не способна двигать с места иранскую ядерную программу или северокорейскую. Нелепо выглядели оправдания влиятельного генерала, когда подготовленные США на Ближнем Востоке специалисты широким шагом вместе с вооружением ушли к противнику, в результате чего сотни миллионов долларов вылетели в трубу. Сейчас усиливает свои военные позиции Китай, и США будут вынуждены реагировать на это. Китай на 20% увеличит военный бюджет, США тоже? Это непрекращающееся соперничество со всеми в мире неизбежно начнет сказываться на экономике и внутренней жизни, даже если можно подпечатывать доллары.

А.Кортунов: Военные расходы - это всегда напряжение. Хотя, с другой стороны, американцы более эффективно, нежели Советский

Союз, использовали в свое время результаты сокращения вооружений, конверсии, перевода военных технологий в гражданские сферы. Это намного облегчило им жизнь и продолжает работать на американское лидерство и сегодня. Но все же непроизводительные военные расходы являются тяжелым бременем даже для такой страны, как США.

Когда заговариваешь с американцами о военной силе, они не преминут похвастать: вот у нас колоссальный оборонный бюджет, самая современная техника, военные союзы и базы по всему миру, поэтому мы - самые могучие. Но слово «могучий» происходит от слова «могу». Кто более могучий - та держава, у которой больше военный бюджет, больше ракет и авианосцев? Или все-таки та, которая в своей политике добивается тех целей, которые она перед собой ставит? И вот в этом американская логика начинает ломаться. Если главное - способность государства достигать своих целей, то можно ли считать США могучим государством?

Да, Америка - великая держава, да, у нее много современной военной техники, огромный военный бюджет, хорошо подготовленные военные... И что? Если взглянуть на результаты последних военных операций в Ираке, в Афганистане, против ИГИЛ, то естественным образом возникает вопрос: неужели вы считаете это победами США? Неужели это цели, которые вы перед собой ставили?

Нам могут возразить, что это, мол, не вина военных, они свое дело сделали. Возможно, это и так. Но какой смысл наращивать военную мощь, если ее нельзя конвертировать в могущество государства? Если политики раз за разом оказываются бессильными использовать во благо своей страны ее военные «победы»? У меня лично есть большие сомнения относительно эффективности современного военного потенциала США. А перенапряжение в американской экономике чувствуется. Мы видим его уже в статистике госдолга, сократить который в Вашингтоне пытаются много лет, но пока без особых успехов.

А.Фролов: У меня, в частности, имеется своя концепция развития или, если можно так еще говорить, учитывая Украину и Грузию, разрастания блока НАТО. Увеличивая число участников, Североатлантический альянс вбирает в себя государства с весьма разной идеологией, усиливая тем самым свою разновекторность. Союз делается все более расплывчатым, цели его начинают множиться и также расплываться. Он давно уже вышел за рамки изначально очерченной зоны ответственности, шагает в Азию, Африку и теперь, судя по все-

му, в какой-то мере пытается подменить собой Совет Безопасности ООН по всему миру, включая даже Южную Америку. Но эта замена невозможна! Региональная организация не может подменить всемирную. Ведь кого ни возьми - Азию, Африку, ту же самую Южную Америку, - там НАТО однозначно будет восприниматься пришлой чужеродной силой. Хорошо, подвернулась Россия, можно напугать всех Россией и привлечь к какому-то единству. Хотя, если внимательно вдуматься, никто в Брюсселе не сможет вразумительно объяснить, зачем России, скажем, Балтия. При Б.Обаме (начато еще его предшественниками) США не ввязываются в конфликты где бы то ни было без поддержки союзников по НАТО. Вопрос возникает один: вы пришли издалека, какое право вы имеете устанавливать у нас свои порядки?

А.Кортунов: К сожалению, это относится не только к НАТО. Сейчас мы стали свидетелями общего кризиса международных институтов. Можно сказать - системного кризиса. Наглядная иллюстрация - хроника украинского кризиса, когда большинство европейских институтов безопасности фактически самоустранились от попыток его урегулирования, и пришлось создавать совершенно новый переговорный механизм - «нормандский формат». Применительно к НАТО можно утверждать, что определенное размывание альянса происходит. Симптом этого - многочисленные действия США не через механизмы НАТО, а через создаваемые американцами, как говорится, ad hoc коалиции. Эта тенденция понятна, потому что чем больше стран входит в альянс, тем больше разнятся их приоритеты, тем сложнее согласовывать интересы, тем медленнее проходят решения. А современные кризисы разворачиваются стремительно, и любое промедление в принятии решений может стоить очень дорого.

Кстати, еще один симптом неблагополучия в Североатлантическом альянсе - настойчивое желание ряда стран Центральной Европы получить постоянное американское военное присутствие на своей территории. О чем говорит такое желание? Да о том, что эти страны не полностью доверяют НАТО, а если точнее - статье 5 Североатлантического договора. Напомню, эта статья гласит, что вооруженное нападение на одну или несколько стран-участниц будет рассматриваться как нападение на них всех, и если такое произойдет, каждая страна в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную оборону поможет жертве агрессии, в том числе с применением вооруженной силы. Если прибалты или поляки - члены НАТО, то какие

еще дополнительные гарантии им нужны? Какая разница, есть на их территории американские военные или нет? Ведь одинаковая защита обеспечивается всем членам союза. Следовательно, прибалты и поляки не верят 5-й статье Договора и думают, что если что-то произойдет, то американские военные окажутся своего рода заложниками ситуации и США будут вынуждены вмешаться. Мне кажется, что для НАТО это не очень хороший сигнал.

Согласен с мнением, что НАТО как организации неожиданно подфартило с украинским кризисом. Живо себе представляю, как натовские чиновники и генералы достали из шкафов запылившиеся сценарии большой войны в Европе, наставления, повесили на стены кабинетов выцветшие карты времен холодной войны. Вторая холодная война для натовских стратегов - что-то знакомое и понятное. К тому же сулящее дополнительные бюджеты. А вот что касается новых вызовов для Европы и Америки, то тут НАТО похвастаться особенно нечем. Что дальше делать с Афганистаном? Как менять тактику в борьбе с ИГИЛ? Может ли НАТО помочь Европе справиться с миграционным кризисом? Убедительных ответов на эти вопросы пока не слышно.

Тем не менее я не склонен полагать, что если НАТО окончательно развалится, то для России это будет хорошо. Почему? Да потому что если есть НАТО со сложившимися механизмами, процедурами и традициями, то все они оказывают сдерживающее воздействие на горячие головы в генеральных штабах и политическом руководстве стран-членов. Прежде чем что-то сделать, нужно пройти сложные процедуры согласования, утверждения и т. д. В ходе завязавшихся дискуссий, вероятно, что-то удастся скорректировать, отложить или вообще отменить. Если же НАТО исчезнет, то каждый член альянса - в том числе и Соединенные Штаты - будет действовать, как ему заблагорассудится.

Что же касается темы взаимодействия НАТО и СБ ООН, то, думаю, практическое сотрудничество на обозримую перспективу будет крайне ограниченным. Едва ли руководство НАТО готово поставить организацию под контроль Совбеза ООН. А тот никогда не даст НАТО карт-бланша на проведение операций, которые обслуживали бы исключительно интересы США и их союзников.

А.Фролов: Это одна сторона дела. Другая заключается, как некоторым представляется, в понижении степени взаимного доверия.

Примером служат последние разоблачения того, что Агентство национальной безопасности прослушивало лидеров государств - важнейших союзников США по НАТО. Это что, недоверие к ним как к политическим фигурам? Или же подозрения в том, что они что-то могут сделать за спиной Вашингтона? В своей книге «Вызов» относительно балканского кризиса В.С.Черномырдин писал, как он приехал к Ж.Шираку и тот спросил у него, что США намерены делать. Черномырдин удивился: это же ваши союзники, а вы у меня спрашиваете, что они намерены делать! Выходит по Оруэллу: Вашингтон тратит огромные ресурсы, чтобы двигать демократию, чтобы люди могли думать и говорить, как хотят, а потом - не меньшие средства, чтобы узнать, что же они все-таки думают. В этой связи можно только догадываться о том, насколько находятся «под колпаком» руководители малых стран - членов НАТО. Но можно предположить, что вовсе нет, поскольку их функция - выполнять указания. А что касается старых союзников, то ведь еще в советское время Москва соблюдала неписаное правило: за союзниками не шпионить. В Вашингтоне, похоже, презрели этот принцип.

А.Кортунов: Такая проблема, конечно же, существует, и корни ее опять же в особенностях американской политической культуры. Для США, как и для некоторых других великих держав, очень непросто наладить равноправные отношения с союзниками, уступающими американцам по мощи и влиянию. Традиционно, хороший союзник для американцев - этот тот союзник, который безоговорочно признает американское лидерство, во всем соглашается с «генеральной линией» США и действует в соответствии со всеми теми указаниями, которые ему выдаются Вашингтоном. Вспомним, как обострились американско-французские отношения в 60-х годах прошлого века, когда генерал де Голль посмел заявить о желании Франции проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Но это было в условиях холодной войны, и тогда большинство американских союзников так или иначе мирились с проявлением имперского высокомерия Вашингтона. А теперь наступил XXI век, и союзники начинают настаивать на своих правах. И не только французы, но и итальянцы, немцы и другие. Обама, кстати, уловил эти новые настроения и попытался изменить стиль атлантического диалога. Но, как мы видим, от плохих привычек отделаться не так-то легко.

А.Фролов: На самом деле в свое время важно было появление книги о разумной достаточности, как ростка здравого смысла в бессмысленном, практически симметричном соревновательстве. Сейчас нередко приходится задаваться вопросом, а не актуализируется ли эта тема? Что имеется в виду? Как мы выяснили, военные расходы, самая современная военная техника часто оказываются неспособными дать необходимый результат. Десять лет войны США в Афганистане (а это, скорее всего, была именно война, пусть какая-то гибридная, не в таких масштабах, как ранее) дали практически нулевой вариант. Движение «Талибан» не сокрушено, оно действует. ИГИЛ ведет военные действия. И если даже допустить, что и те и другие потерпят поражение, посеянные зерна останутся в головах людей. Может быть, американцам следует задуматься о разумной достаточности?

А.Кортунов: Об этом, как мне кажется, должны думать политики во всем мире. У Обамы были некоторые идеи на этот счет. Например, он неоднократно предлагал сосредоточиться на ядерном разоружении. И российско-американский Договор СНВ-3 - это и его заслуга тоже. Как и соглашение по иранскому ядерному доосье. Но при этом Обама не прекратил программы модернизации американского ядерного арсенала, не отказался от строительства систем ПРО, не заставил Конгресс ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и т. д. Мы уже говорили об американском военном бюджете. Стоит добавить, что США остаются и крупнейшим экспортером оружия в мире. В общем, в американской риторике на эту тему есть изрядная доля лицемерия.

А.Фролов: Два момента касательно политики на региональных направлениях. Недавно посмотрел опросы общественного мнения относительно роли США. Оказалось, что одной из самых антиамериканских стран является... Египет - страна, фактически союзник США на Ближнем Востоке, а примерно 80% египтян отрицательно оценивают политику Вашингтона. И это при том, что США оказывали огромную помощь этой стране, астрономически несопоставимую с тем, что они оказали Украине. Возникает вопрос: или в США сознательно игнорируют те процессы, которые происходят на Ближнем Востоке, или же там сидят люди, которые не хотят изучать ситуацию в арабском, мусульманском мире? Или же в Вашин-

гтоне знают, что такой-то режим (Мубарака) все равно не удержать и вследствие этого лучше встроиться в революционный процесс. Ставка на свержение тех людей, которые им не нравятся, не только не зарождает демократии, но означает хаос. Могу перечислить все арабские страны, где происходили революции, - ни в одной из них не установлено демократическое правление в евро-американском понимании этого слова. Сегодня, например, ситуация в Сирии показывает, что проведенные в этой стране выборы, признанные Западом незаконными, на самом деле имели под собой реальную основу: большинство населения этой страны - за Асада, которому приходится воевать на несколько фронтов. Имею в виду американское экспертное сообщество, в котором много знающих и грамотных людей. Может, к ним не прислушиваются?

А.Кортунов: В этой связи вспоминается процесс принятия решения по Ираку в 2003 году. Тогда американское руководство пыталось использовать экспертное сообщество для просчета возможных последствий военной операции против Саддама Хусейна. Но поскольку Президенту Дж.Бушу очень хотелось покончить с Хусейном, то подбор экспертов был таков, что они изложили исключительно то, что администрация хотела от них услышать. Тогда в дискуссиях была очень активна иракская диаспора США - люди либерального толка, сбежавшие из Ирака из-за преследований Хусейна. Они, конечно же, уверяли Белый дом, что как только коалиция свергнет тирана, то иракский народ сразу же примет демократию, что он к ней практически готов. Это к тому, что американское экспертное сообщество велико, разношерстно, нередко политически ангажировано и очень часто эксперты опираются на свой личный субъективный опыт. Экспертов, конечно же, следует привлекать, но они не способны подстраховать от ошибок. Вернее, никакой отбор экспертов не даст гарантий, что самые важные мнения будут услышаны.

Приведу пример, который прямо касается России. Большинство американских экспертов, с которыми мне приходилось в последнее время обсуждать вопросы российской политики на Ближнем Востоке, сводили цели Москвы к трем пунктам. Во-первых, любой ценой спасти Башара Асада. Во-вторых, максимально ослабить позиции США в регионе. В-третьих, поддержать шиитов в их противостоянии с суннитами. Но ведь это же не просто упрощение, но явное искажение российской политики! Не нынешнего сирийского лидера стремится сохранить

Россия; она стремится сохранить сирийскую государственность, не допустить повторения в этой стране иракского или ливийского сценариев. И как совместить приписываемые Москве попытки вытеснить США из региона с постоянными нашими призывами к российско-американскому сотрудничеству, с позитивным опытом взаимодействия двух стран по иранскому ядерному дозе и химическому оружию в Сирии? А уж про Россию как врага суннитов вообще смешно говорить, если вспомнить, что большинство российских мусульман исповедуют как раз ислам суннитского толка? И стал бы лидер суннитского Египта трижды в год ездить в Москву, если бы Россия занимала антисуннитские позиции? Понятно, что такие «экспертные» суждения вряд ли помогут Соединенным Штатам выстроить рациональную политику в регионе Ближнего Востока.

Если говорить о доминирующем мнении американского экспертного сообщества по вопросам Ближнего Востока сегодня, то оно таково: оттуда надо уходить. Потому, что былой потребности в арабской нефти уже нет, демократии на Ближнем Востоке не построишь - несколько раз уже обожглись, проблемы региона - всерьез и надолго, и Соединенным Штатам надо потихоньку свое присутствие там сворачивать.

А.Фролов: Уйти так просто нельзя, нужно хоть что-то, да оставить. Пока мало чего. Много говорят и небезосновательно, что Вашингтон проигрывает идеологическую битву другим идеологиям, в частности идеологии исламистов - очень простой и доступной для местного населения. Идеи либеральной демократии, особенно по следам революций, себя явно дискредитировали, и исправить ситуацию сложно, по крайней мере в ближайшей перспективе.

А.Кортунов: Хочу сказать, что привлекательность либеральной демократии падает не только на Ближнем Востоке. В России мы наблюдаем аналогичную картину. Даже в Европе на либеральную демократию идет наступление со стороны правых политических партий. Думается, в западном мире на рубеже веков произошла некая абсолютизация идеи демократии своего, западного типа в ущерб иным вариантам социально-политического развития. Вот в арабском мире, например, очень сильна идея справедливости, но само понятие справедливости лежит вне правового поля, это вопрос нашего восприятия окружающей действительности. Легитимность власти тоже далеко не всегда обеспечивается наличием формальных демократических про-

цедур западного типа. На Западе часто говорят об Иране как о теократическом авторитарном режиме, но ведь любому наблюдателю ясно, что в Иране существует своя система политического представительства, там тоже идет сложный процесс учета региональных интересов, интересов социальных групп и этнических меньшинств, иначе механизм власти просто не мог бы работать. А как определить политическую систему в Египте? В Турции? Либеральная демократия, кстати, тоже меняется, и наличие конкурирующих политических систем должно пойти ей в конечном счете на пользу.

А.Фролов: Относительно политики на тихоокеанском направлении. В Вашингтоне планируется перебазировать силы с атлантического направления на тихоокеанское в соотношении 45 к 55%. Но ситуация там несколько отличается от Евро-Атлантики. В Европе - союзники, на Тихом океане есть друзья, но не союзники, масштабы огромны, возможность контролировать ситуацию невелика, к тому же Китай, действуя с позиции медленной силы, наращивает там свои мускулы, там России нет, нет повода спланивать страны против кого-то. Похоже, Обама не знает, как действовать на этом, теперь уже стратегически важном направлении, но не может не действовать, поскольку регион очень важный и динамично развивающийся. Но в отличие от Европы, где хоть какие-то, но существуют механизмы регулирования проблем безопасности, в ТОЗ таких механизмов попросту нет. Кто-то вообще заинтересован в создании оных, в Вашингтоне вообще стремятся к этому?

А.Кортунов: Америка, разумеется, заинтересована в создании новых институтов, установлении общих правил и режимов в этом огромном регионе. Но так, чтобы даже в условиях меняющегося соотношения сил американское лидерство не было бы поставлено под вопрос. Недавняя иллюстрация - строительство Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Это строительство с самого начала было одним из приоритетов администрации Обамы. США хотели бы все это пространство соединить едиными правилами, стандартами, процедурами, которые облегчали бы торговлю, стимулировали инвестиционную активность, помогали защищать окружающую среду и т. д. Хотя эту идею изначально сформулировали не США, а Новая Зеландия и Сингапур, понятно, что в ее основе были, прежде всего, американские интересы. В Пекине сказали: у нас свои интересы, почему мы должны играть по

вашиим правилам? Поэтому Китай сейчас строит свои интеграционные структуры в Азии параллельно с проектами Соединенных Штатов. И, наверное, самая большая опасность для данного региона - это формирование там сначала экономической, а затем и политической биполярности. То есть возникает опасность раскола огромного Азиатско-Тихоокеанского региона на некий континентальный азиатский центр, вбирающий в себя государства Южной и Центральной Азии, и противостоящую центру периферийную структуру, в которую, помимо Соединенных Штатов и их союзников, войдут те страны АТР, которые особенно опасаются дальнейшего подъема КНР. Последствия такого раскола предвидеть сложно, но очевидно, что стабильности и предсказуемости в регионе он не добавит.

А.Фролов: И наконец, поговорим о перспективах американо-российских отношений. Плохо верится в какие-то прорывы, по Крыму мы вряд ли сойдемся, хотя американцам нужно понять, что для России Украина - это все равно, что для Соединенных Штатов - Канада. Представляю, как они себя повели, если бы Россия стала поддерживать силы в Канаде, нацеленные на выход страны, скажем, из НАТО. Но идеология идеологией, а насколько в наших отношениях могут возобладать прагматические начала, ведь именно они могут позволять нам сотрудничать по целому ряду третьих проблем?

А.Кортунов: Если говорить об Украине как таковой, то степень американской заинтересованности в разрешении кризиса нередко переоценивается. Украина - это все-таки главным образом европейская проблема. Европейские страны испытывают и будут испытывать на себе главные негативные последствия кризиса в виде разрушения инфраструктуры, транспортных артерий, в виде новых потоков беженцев, подъема трансграничной преступности, долгосрочных проблем с Россией и т. д. Огромная «черная дыра» в центре Европы будет требовать постоянного внимания, отвлекать ресурсы от других проблем. От Америки Украина далеко. Вот если бы гражданская война велась в той же Канаде или Мексике, то для американцев это было бы жизненно важной проблемой. Пока же США - осознанно или неосознанно - с помощью Украины решают другие свои задачи. Например, задачу восстановления и укрепления НАТО, о которой мы уже говорили. Они давно пытались убедить европейцев в необходимости увеличения военных расходов, укрепления

дисциплины. До Украины это было трудно, сегодня - куда проще. Кроме того, у американцев появляется потенциальная возможность открыть Европу для американских энергоресурсов, потеснив на этих рынках «Газпром» и российские нефтяные компании.

Однако не думается, что американцы намерены постоянно нагнетать ситуацию на Украине, провоцировать дальнейшую эскалацию, чтобы превратить Донбасс для России во второй Афганистан. Приоритетом для США, по крайней мере для этой администрации, Украина точно уже не будет, тем более что Соединенные Штаты не входят в «нормандский процесс». У них есть собственный трек в украинском кризисе в виде значительного влияния Вашингтона на нынешнее украинское руководство. Этот трек - гарантия того, что европейцы не пойдут на слишком большие уступки Москве, а у киевской власти будет возможность апеллировать напрямую к Вашингтону в случае нового обострения ситуации на Юго-Востоке.

Что же касается других регионов, то сегодня уже есть некая сложившаяся модель отношений. В важных для США регионах они сотрудничают с Россией, не расширяя взаимодействия сверх текущей необходимости. США признали вклад России в решение проблемы иранской ядерной программы, они его оценили, но это не привело к изменению позиции США по той же Украине или даже по Сирии. Взаимодействуем мы с американцами и по Северной Корее. А вот касательно ИГИЛ интересы вроде бы совпадают, а желания серьезно сотрудничать нет, поскольку существуют принципиальные расхождения относительно роли в этом нынешней власти в Дамаске. Думаю, что взаимодействие наше будет очень избирательно, а вот прорывы маловероятны. США хотели бы изменить российскую политику, но сделать это невозможно, не меняя политического режима в Кремле.

А.Фролов: Если взять внешний аспект, то итог его президентства, скорее, будет со знаком минус. Поддержка революций на Ближнем Востоке мало что дала. И, наверное, прав однопартиец и бывший Президент США Дж.Картер, недавно заявивший, что Обама испортил отношения со всеми странами, с кем мог, - с Россией, Китаем, Великобританией. Можно сказать, даже с Израилем. В самом деле: перезагрузка с Россией обернулась усилением конфронтационных начал, в отношениях с Китаем возникла подозрительность относительно намерений друг друга, на Ближнем Востоке происходит то, что сами американцы не могут понять. Разве что удалось оторвать от Рос-

сии Украину - это, наверное, самое большое достижение, но опять же непонятно, во что это в конечном итоге выльется.

Две вещи принципиальны. Одним из самых больших недостатков российско-американских отношений является отсутствие постоянного диалога (помимо официального Лавров - Керри). Свернуты экономические связи, не работает межправительственная комиссия. Диалог многое дает в плане поиска выхода из сложных ситуаций. Второе касается региональных проблем. Новые проблемы, и это естественно, мало кто знает, как решать, с какого конца к ним подойти. И только взявшись за них коллективно, начинаешь ощущать варианты их решения. Так и применительно к Сирии, где обозначаются позитивные моменты, начались консультации дипломатов и военных двух стран, США отказываются от требования немедленной отставки Б.Асада, достигнута договоренность о координации действий авиации двух стран. Патриарх американской дипломатии Г.Киссинджер высказался за необходимость поиска путей взаимопонимания с Москвой. Это, безусловно, положительные моменты, позволяющие надеяться на установление диалога.

Тем не менее длительный опыт взаимоотношений США и России говорит в пользу того, что они начинают кардинально меняться только со сменой администраций. Можно предположить, что новая вашингтонская администрация постарается списать все неуды во внешней политике на своих предшественников, обнулить результат и только после ее прихода возможны какие-то реальные и ощутимые подвижки в российско-американских отношениях. Нам с Соединенными Штатами, кстати, соседним государством, партнером (об этом почему-то многие забывают), еще долго предстоит жить вместе и взаимодействовать по широкому кругу международных проблем.

Ключевые слова: внешняя политика США, военная сила, НАТО, Ближний Восток, Украина.

Иван ПОПОВ

Доцент кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД РФ,
кандидат исторических наук
ivanvladpopov@gmail.com

СЛОЖНЫЙ ВЫБОР КАТАЛОНИИ

Осень 2015 года принесла Испании новый виток в развитии внутривластного конфликта, связанного с возможным выходом из ее состава автономного сообщества - Каталонии. 27 сентября по инициативе националистического руководства автономии состоялись досрочные выборы в региональный парламент (является составной частью Женералитата (Generalitat de Catalunya) - исторического органа управления региона, в который также входят автономное правительство и избираемый парламентом президент Женералитата, возглавляющий местное правительство). Убедительную победу на них одержала коалиция, сформированная правящей партией «Convergència Democràtica de Catalunya» («Демократическая конвергенция Каталонии») (ДКК) и левобуржуазными националистами из «Esquerra Republicana de Catalunya» («Левые республиканцы Каталонии») (ЛРК).

Созыв досрочных выборов стал необходим националистам после того, как осенью 2014 года по инициативе испанского правительства правоконсервативной Народной партии (НП) во главе с премьер-министром М.Рахоем Конституционный суд Испании признал

незаконным намерение правительства Каталонии, возглавляемого лидером ДКК А.Масом, провести 9 ноября 2014 года региональный референдум по вопросу о выходе автономии из состава испанского государства. Сдвоенный вопрос, сформулированный националистами для референдума, звучал недвусмысленно: «Хотите ли вы, чтобы Каталония стала государством? Если да, то хотите ли вы, чтобы это государство было независимым?»¹

В итоге каталонское правительство вместо референдума организовало в те же сроки так называемый «процесс гражданского участия», в рамках которого жители Каталонии все же получили возможность ответить на вопрос, предназначенный для референдума. В этом паллиативном голосовании приняли участие 2,3 млн. жителей региона из примерно 5,3 миллиона, имеющих право голоса. Более 1,8 млн. человек ответили утвердительно на оба вопроса. Итоги этой политической акции были оценены сторонниками независимости как их крупный успех, достигнутый невзирая на противодействие Мадрида². Именно в развитие этого успеха автономное правительство и решило провести досрочные выборы в региональный парламент, которые были назначены на сентябрь 2015 года.

В рамках подготовки к выборам националисты выполнили серьезную организационную работу, направленную на консолидацию всех политических и общественных сил, ратующих за отделение Каталонии от Испании. Помимо ДКК и ЛРК в коалицию также вошли несколько влиятельных общественных организаций и видные представители каталонской общественности, выступающие за независимость. Предвыборный блок сторонников отделения получил название «Junts pel Si» (по-каталонски - «Союзы в пользу «да»), и он, за малым исключением, действительно объединил все основные силы, борющиеся за суверенитет Каталонии, независимо от их социально-политической ориентации.

Характерно, что первые три места в избирательном списке блока заняли авторитетные общественные деятели, формально не связанные с политическими партиями. А.Мас как лидер правящей «Конвергенции» и руководитель «Левых республиканцев» О.Жункерас заняли соответственно четвертое и пятое места в списке блока националистов. При этом участники объединения договорились, что кандидатом на пост президента Женералитата от объединения станет А.Мас.

Предвыборный блок националистов заранее объявил выборы «плебисцитарными», рассчитывая одержать на них убедительную

победу, что должно было придать легитимность результатам «процесса гражданского участия» 9 ноября 2014 года и подтвердить, что большинство жителей Каталонии выступают за отделение региона от Испании. Конкретно националисты ставили перед собой задачу получить абсолютное большинство мест в парламенте при том понимании, что число голосов, поданных за сторонников независимости, должно было превысить 50% от числа участвовавших в голосовании 27 сентября 2015 года.

Исходя из таких установок, националисты заявили, что безусловная победа станет для них мандатом от каталонских избирателей на формирование чрезвычайного автономного правительства, главной, если не единственной, задачей которого будет согласование с испанским правительством условий «отсоединения» региона от Испании³. Официальная программа блока националистов отводит 18 месяцев с момента проведения выборов на переговорный процесс с Мадридом для определения условий выхода региона из состава Испании. После этого должны быть проведены «учредительные» выборы в Женеалитат, на которых все партии - участницы блока за независимость выступают уже самостоятельно. Сформированный в результате новых выборов парламент и должен будет провозгласить независимость Каталонии⁴.

Выборы 27 сентября прошли при рекордной явке избирателей - 77,44%, имеющих право голоса (ранее такое количество избирателей в Каталонии привлекали только общеиспанские парламентские выборы, и то далеко не все). Убедительную победу одержали сторонники независимости Каталонии. Объединение ДКК и ЛРК получило 62 места в Женеалитате. Еще десять мест (против трех на выборах в 2012 г.) получила в парламенте радикальная левая националистическая партия «Candidatura d'Unitat Popular» («Кандидатура народного единства» (КНЕ)⁵. Таким образом, у сторонников независимости имеется в автономном парламенте абсолютное большинство мест, что рассматривается блоком ДКК и ЛРК как зеленый свет для процесса отделения. Итоги голосования подтвердили дальнейшее укрепление политических позиций радикальных сторонников независимости региона.

Радикализация сепаратистских настроений в Каталонии нашла подтверждение в том факте, что бывший многолетний союзник «Конвергенции» по правящей коалиции христианско-демократический Unió Democràtica de Catalunya («Демократический союз Каталонии» (ДСК) в июне 2015 года вышел из двухпартийного объединения, будучи не

согласным с жестким курсом руководства «Конвергенции» и лично ее лидера А.Маса на отделение от Испании. Умеренно националистическая позиция и традиционный настрой на диалог с Мадридом на этот раз сыграли против ДСК. Получив чуть более 2,5% голосов, каталонские демокристиане вообще не прошли в автономный парламент впервые за все время после демократизации.

Справедливости ради, надо отметить, что победу радикальных сторонников самоопределения нельзя трактовать как безоговорочную. Во-первых, на предыдущих выборах в 2012 году, выступая порознь, ДКК и ЛРК в сумме получили 71 депутатское место, на девять больше, чем сейчас, и на три места больше, чем нужно для абсолютного большинства. Во-вторых, что еще важнее, за партии, прошедшие в Женералитат и не поддержавшие требование отделения Каталонии от Испании, проголосовали 51,7% избирателей, а за сторонников независимости - 47,7%⁶. Таким образом, результаты плебисцита, о котором националисты так много говорили применительно к этим выборам, оказался не в их пользу.

Среди партий, выступавших против отделения Каталонии, лучший результат показала центристская партия «Ciudadanos-Partido de la Ciudadanía», или «Ciudadanos» («Граждане - Партия граждан», или сокращенно «Граждане»). Эта молодая партия, созданная в Каталонии в 2006 году, а затем распространившая свою деятельность на всю территорию Испании, выступает с принципиальных позиций неприятия идеи отделения Каталонии. Характерно, что молодые лидеры «Граждан», ее президент Альберт Ривера и Инес Арримадас, возглавившая партийный список на каталонских выборах, постоянно живут в Каталонии, но не являются каталонцами по происхождению.

Партия эффективно провела предвыборную кампанию под лозунгами за укрепление общеиспанского единства на базе реформирования системы автономий, а также против коррупции и засилья политиков, потерявших доверие избирателей как в Каталонии, так и во всей Испании. В результате фракция «Граждан» в Женералитате увеличилась почти в три раза по сравнению с 2012 годом - с девяти до 25 депутатов. Официальный статус И.Арримадас как лидера парламентской оппозиции в новом составе Женералитата делает эту партию основной силой в лагере противников независимости Каталонии в грядущей борьбе против планов победивших националистов. Успех в Каталонии открывает многообещающие перспективы перед центристами и на предстоящих в декабре общеиспанских парламентских выборах.

Все остальные политические партии, прошедшие в Женералитат, ухудшили свои позиции по сравнению с предыдущими автономными выборами.

Социалистическая партия Каталонии (СПК), входящая в Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП), потеряла четыре места в парламенте. С 16 депутатами социалисты стали третьей фракцией в Женералитате, хотя традиционно они всегда были основным оппонентом националистов в предыдущих составах парламента. Слабым утешением для СПК может быть то, что опросы указывали на еще более чувствительные потери - снижение числа депутатских мест до 13-14. Активная предвыборная кампания с поддержкой и участием общенационального руководства ИСРП, исторических лидеров партии вроде Ф.Гонсалеса ослабила тенденцию к потере влияния социалистов в Каталонии. Сработало и то, что социалисты в ходе кампании признали серьезный кризис автономного устройства испанского государства, ставший, по их мнению, объективной причиной стремления каталонских националистов к независимости. И общенациональное руководство партии, и каталонские социалисты считают невозможным допустить раскол Испании. Для этого они готовы идти на конституционную реформу, которая сделала бы Испанию федеративным государством, в котором интересы Каталонии были бы учтены гораздо полнее, чем при нынешней системе.

В целом социалисты провели предвыборную кампанию в Каталонии, имея в уме предстоящие общенациональные выборы. Они рассчитывают в случае декабрьской победы выйти на переговоры с каталонскими националистами об условиях переформатирования отношений между регионом и центром на принципиально иных условиях, чем действующие ныне.

Серьезное поражение в Каталонии потерпело местное отделение правящей в Испании правоцентристской Народной партии. С рекордных для нее 19 депутатских мест в 2012 году НП опустилась до 11 в новом составе Женералитата. Собственно, трудно было ожидать, что результат будет иным, если учесть, что центральное правительство «народников» в Мадриде с самого начала заняло жесткую бескомпромиссную позицию по отношению к движению за независимость региона. Местное отделение партии в Каталонии дисциплинированно шло в фарватере правительства своего общенационального лидера, премьера М.Рахоя, что вызывало негативную реакцию не только у сторонников независимости Каталонии.

Надо отметить, что многие критики «народников» и лично М.Рахоя справедливо указывают на то, что мадридское правительство не стесняется в средствах борьбы против каталонских националистов. Здесь и «внезапно» всплывший коррупционный скандал вокруг исторического лидера «Конвергенции» Ж.Пужоля и его семьи, и отказ от какого-либо обсуждения с автономным правительством вариантов смягчения бремени финансовых отчислений в испанский бюджет, и урезание сумм, выделяемых Мадридом на расходы Каталонии в сфере образования, здравоохранения, культуры. По инициативе правительства М.Рахоя было организовано судебное преследование руководителей каталонской автономии во главе с А.Масом как организаторов упомянутого ранее «процесса гражданского участия» 9 ноября 2014 года.

Агрессивная и бескомпромиссная позиция Мадрида, безусловно, стала важной причиной ужесточения позиции предвыборного блока каталонских националистов и консолидации вокруг его программы максимального числа каталонцев. Одновременно такая позиция НП позволила более гибким противникам независимости Каталонии оттянуть на себя голоса тех, кто раньше голосовал за «народников», опасаясь сепаратистских идей каталонских радикалов, но сейчас оказался не готов поддержать тупиковую позицию НП в отношении требований каталонского самоопределения. В значительной мере именно это позволило так сильно прибавить на автономных выборах «Гражданам».

Многозначительной стала неудача традиционного объединения каталонских левых сил и экологов коммунистической и радикально левой ориентации. На этих выборах они объединились с новой общеиспанской партией «Podemos» («Подemos», в переводе - «Мы можем», испанский аналог греческой партии «Сириза»). В марте 2015 года эта коалиция на муниципальных выборах сумела получить пост мэра Барселоны. «Подemos» во главе с харизматичным лидером Пабло Иглесиасом в первой половине 2015 года показала впечатляющие результаты в испанских опросах общественного мнения, соперничая и даже опережая по популярности традиционный тандем общенациональных партий - НП и ИСРП. Даже в каталонских опросах перед 27 сентября они могли рассчитывать на третье место с 15-17 местами в региональном парламенте⁷.

Левые не скрывали своих амбициозных планов на автономных выборах в Каталонии. Они рассчитывали занять второе место вслед за националистами и таким образом сделать серьезную заявку на по-

беду на декабрьских выборах в парламент Испании. Однако их предвыборное объединение «Catalunya Sí que es Pot» («Каталония, да, это возможно») выборы провалило, получив наравне с НП 11 мест в парламенте (в 2012 г. без «Подemos» - 13 мест).

Важнейшей причиной неудачи левых, по-видимому, стала неопределенность их предвыборной программы по ключевому вопросу кампании - о независимости Каталонии. Объединение пыталось сконцентрироваться на вопросах социально-политического развития региона, а в этом вопросе допустило возможность любого решения: полной независимости, федерации или конфедерации с другими территориями Испании. При том уровне поляризации позиций участников предвыборной кампании по вопросу о независимости такая неопределенность сыграла с левыми, среди которых немало сторонников независимости, злую шутку. В итоге «Подemos» выходит на общеиспанские выборы с неопределенными перспективами и вынуждена пересматривать свои коалиционные планы, явно уступая инициативу набирающим ход «Гражданам».

Каталонские выборы стали знаковым событием и для перспектив борьбы местных националистов за независимость региона от Испании, и с точки зрения оценки общей политической ситуации в Испании на перспективу после парламентских выборов, назначенных на 20 декабря 2015 года.

Тот факт, что почти 2 млн. жителей Каталонии проголосовали за политические силы, впервые в постфранкистский период открыто выступившие за разрыв с Испанией, подтверждает реальность угрозы целостности страны. Это констатация серьезнейшего кризиса во взаимоотношениях самого развитого региона Испании с ее политическим центром, причем самое опасное в этом кризисе то, что политическое руководство ни в Мадриде, ни в Барселоне не показывает готовности к поиску компромиссов.

Правительство М.Рахоя с упорством, достойным лучшего применения, указывает на формальные, де-факто непреодолимые препятствия на пути к независимости Каталонии в условиях нынешней конституционно-правовой системы, сложившейся в Испании в результате процесса демократизации 70-80-х годов прошлого века.

Действительно, зафиксированное Конституцией автономное устройство страны не предусматривает никаких возможностей для самоопределения отдельных регионов Испании. Причем такая возможность не предусмотрена независимо от того, идет ли речь об

автономиях с ярко выраженной национальной спецификой (кроме Каталонии, это Страна Басков и Галисия) или об автономных сообществах, сформированных на базе «исторических областей», этой специфики в ярко выраженной форме не имеющих (практически все остальные 14 регионов). Не имеют каталонцы и конституционного права на проведение в регионе референдума по вопросу самоопределения. По закону этот вопрос может решаться только на общеиспанском референдуме. Также у испанских судебных властей имеются все юридические основания квалифицировать действия руководителей каталонской автономии как противозаконные в случае продолжения реализации ими программы «отсоединения» Каталонии от Испании. Причем в результате к ним могут быть применены не только репрессии. Речь может идти о приостановке функционирования всех структур автономной власти и введении прямого управления Мадрида.

Однако очевидно и другое. В современных условиях невозможно игнорировать желание миллионов людей защитить свое право на национальную самобытность. Мы прекрасно видим это на примере безответственной политики Киева в отношении русскоязычного населения Юго-Востока Украины. Жесткая политика Мадрида, направленная на бескомпромиссное пресечение любых попыток каталонских националистов добиться самоопределения региона вплоть до отделения, только усиливает политические позиции сторонников независимости, порождает усиление настроений в пользу такого отделения в автономии, раскалывает каталонское общество пополам, делая невозможным политический диалог противоборствующих сторон и провоцируя эскалацию их противостояния.

В каталонском случае, как и в ряде других конкретных коллизий подобного характера в сегодняшней Европе, налицо проблема признания права на самоопределение малых наций со стороны политических элит континента. Если в начале 90-х годов прошлого века в связи с кризисом в СССР и Югославии западные политики конъюнктурно провозглашали справедливость такого права для народов Восточной и Южной Европы, то, когда проблема постучала в их дверь, реакция оказалась прямо противоположной. В рамках классической политики двойных стандартов сегодня лидеры Запада отказывают малым нациям Западной Европы в праве на самоопределение.

Испанский премьер в последние недели перед автономными выборами заручился недвусмысленной поддержкой А.Меркель,

Д.Камерона, Б.Обамы и ряда других западных лидеров в своей бескомпромиссной позиции непризнания права каталонцев на самоопределение. Фактически поддержал его и Евросоюз. Официальные лица Еврокомиссии неоднократно подчеркивали, что каталонская проблема - сугубо внутреннее испанское дело. Тем не менее высшие руководители ЕС в Брюсселе на протяжении последних полутора лет публично и не один раз подтверждали, что провозглашение Каталонией независимости приведет к ее автоматическому исключению из Союза и из зоны евро со всеми вытекающими из этого последствиями.

Невольно напрашивается аналогия с сегодняшней ситуацией на Украине. При полной поддержке Запада М.Рахой открыто игнорирует требования уважения национальных прав каталонского меньшинства, проявляя такую же политическую «глухоту», что и Порошенко в отношении русскоязычного Юго-Востока Украины. Разница только в том, что в отличие от Киева в Мадриде не маршируют фашиствующие «великодержавные» националисты, угрожающие свергнуть власть, если она попытается честно искать компромисс с «сепаратистами». Но ведь аналогия может быть продолжена. Как и в случае Украины, такое демонстративное пренебрежение интересами национального меньшинства в Испании вполне способно спровоцировать возникновение угрозы национальной целостности Испании в других регионах страны, помимо Каталонии. Причем речь может пойти не только о Стране Басков, где сепаратистские настроения традиционно сильны.

Говоря шире, надо признать, что феномен малого национализма в современной Европе как никогда актуален. Эта проблема, кроме Испании, стоит в практической плоскости в ряде вполне благополучных стран Западной Европы - Британии, Бельгии. Потенциально она присутствует и во Франции, и в Италии. Такая ситуация определяется отнюдь не только «эффектом бумеранга» недальновидного поощрения Западом дезинтеграционных процессов на Востоке и Юге Европы после завершения холодной войны. Речь идет также и о неэффективности реализуемой ЕС в течение десятилетий концепции «Европа регионов», которая никак не способствует лучшей защите интересов малых наций и народов Европы перед лицом и наднациональной бюрократии Брюсселя, и эгоцентричной бюрократии центральных правительств стран - участниц ЕС. А ведь региональный сепаратизм в Западной Европе никуда не исчез, и его исторические корни там не менее глубоки, чем в Восточной и Южной Европе.

И все же каталонский конфликт в первую очередь свидетельствует о самом серьезном общенациональном политическом кризисе в Испании со времени начала демократизации после смерти Франко в 1975 году.

Модель государства автономий, принятая в процессе демократизации, была вынужденным компромиссом между преобладавшими тогда в испанском политическом истеблишменте наследниками франкистской идеи «единой и неделимой» Испании и представителями национальных регионов и левой общенациональной оппозиции, выступавшими за максимальную децентрализацию власти в стране и предоставление широких полномочий территориям. События в Каталонии показывают, что эта модель практически исчерпала свой потенциал. Это хорошо понимают не только каталонские националисты, но и ведущая оппозиционная партия страны ИСРП, другие левые силы.

Обновленное руководство социалистов уже на каталонских выборах активно обкатывало идею конституционной реформы, направленной на федерализацию государственного устройства. Несомненно, этот вопрос встанет в центр предвыборной дискуссии в Испании перед грядущими общеиспанскими выборами в парламент. Скорее всего, он будет центральным местом и в предвыборной кампании, поскольку правящая Народная партия занимает по нему совершенно бескомпромиссную позицию, отрицая необходимость каких бы то ни было реформ в этой области.

Учитывая складывающуюся ситуацию в Каталонии, представляется, что единственный нетравматический вариант избежать отделения региона - это движение в сторону федерации и попытка достичь компромисса на этой основе не только с каталонскими сторонниками отделения, но и в других регионах, включая Страну Басков. Однако встает вопрос: какая политическая сила на общенациональном уровне способна взять на себя такую инициативу?

Политический кризис в Испании многогранен и не сводится только к системе взаимоотношений между центром и регионами. Похоже, что исчерпала себя и постепенно сложившаяся за 30 с лишним лет демократии система доминирования двух общенациональных партий, периодически меняющих друг друга у власти: левоцентристов из ИСРП и правоцентристов из НП. Последние несколько лет политическая жизнь в Испании наполнена бесконечными коррупционными скандалами на всех уровнях власти, независимо от

партийной принадлежности «слуг народа». И социалисты, и особенно «народники», правящие в стране последние четыре года, несут большие репутационные потери из-за судебных преследований своих представителей за финансовые злоупотребления и коррупцию, допущенные во власти.

Черeda коррупционных скандалов наложилась на политику жестких мер экономии, проводимую центральным правительством в условиях глубокого структурного кризиса испанской экономики, разразившегося в 2008 году и до конца не преодоленного до сих пор. Все это порождает в обществе растущее социальное недовольство и высокую степень разочарования значительной его части в сложившейся в стране системе политических партий. Именно этим объясняется феномен появления в последние годы совершенно новых политических образований, которые выступают с позиций неприятия коррумпированности испанского политического истеблишмента и претендуют на вытеснение традиционных партий из властных структур на общенациональном и региональном уровнях.

Каталонские выборы 27 сентября подтвердили эту тенденцию. Успех молодых центристов из партии «Граждане» стал знаковым в этом смысле. Уже в октябре опросы общественного мнения по всей Испании показали, что эта партия в состоянии серьезно потеснить и «народников», и социалистов за счет того, что к ней могут перейти голоса недовольных избирателей, надеющихся на приход в политику молодых лидеров, не запятнавших себя коррупционными скандалами.

Несмотря на относительную неудачу в Каталонии левых радикалов из «Подemos», их также нельзя сбрасывать со счетов. Объективно позиции «Подemos» значительно сильнее в Мадриде и ряде других регионов, чем в Каталонии. Эта партия опирается на сильнейшее недовольство среди испанцев жесткими мерами в социальной политике, огромной безработицей как следствием ортодоксально либерального курса правительства М.Рахоя, взятого им на вооружение как единственный способ преодоления структурного кризиса национальной экономики. «Подemos» реально угрожает отобрать значительную часть голосов у социалистов и подмять под себя теряющих инициативу «Объединенных левых», наследников испанской Компартии.

Еще одним аспектом политического кризиса в Испании является падение морального авторитета монархии как института. В результате коррупционного скандала, непосредственно затронувшего ко-

ролевскую семью, авторитет предыдущего короля Хуана Карлоса I оказался серьезно подорван. Отречение монарха, сыгравшего важную роль в успешном процессе демократизации Испании, дало толчок росту антимонархических, республиканских настроений, особенно в Каталонии и Стране Басков, где они и раньше были сильны, стало поводом для негативного переосмысления достижений периода демократизации. Молодой монарх Филипп VI пока не производит впечатления харизматической личности, которая способна вернуть популярность институту монархии в испанском обществе. К тому же все более очевидным становится и тот факт, что традиционная функция объединения испанского общества, которую выполнял институт монархии в период демократизации, практически исчерпала себя сегодня, а следовательно, все большее число испанцев задумывается над тем, а зачем вообще нужна монархия.

Выборы в Каталонии, конечно, не дали окончательного ответа на вопрос, добьются ли своего сторонники независимости автономного региона. Тем не менее уже сейчас можно говорить о том, что Испания, как никакая другая страна Западной Европы, оказалась перед реальной угрозой утраты своей целостности. Развитие ситуации в ближайшие месяцы и особенно предстоящие общеиспанские выборы в парламент могут оказать решающее воздействие как на решение вопроса о независимости Каталонии, так и на коренное изменение в расстановке политических сил в стране.

Вместе с тем до парламентских выборов 20 декабря драматические подвижки в каталонском вопросе маловероятны. Любые резкие движения как сторонников, так и противников независимости региона до выборов в Конгресс депутатов (нижняя палата Генеральных кортесов, испанского парламента) чреваты серьезными потерями голосов избирателей и для тех и для других. Характерно, что «Демократическая конвергенция Каталонии» не ставит под вопрос свое участие в выборах в испанский парламент. «Левые республиканцы» пока не определили своей позиции, однако, скорее всего, они тоже пойдут на предстоящие выборы. Только радикалы из КНЕ занимают по этому вопросу до конца последовательную позицию и не намерены участвовать в выборах в парламент «другого государства». Впрочем, у этой партии нет и не может быть шансов провести своего представителя в Конгресс депутатов.

Наиболее вероятно, что острейшая борьба по вопросу независимости Каталонии вновь развернется после выборов в Конгресс де-

путатов. Исход этой борьбы не очевиден, и в значительной степени он будет зависеть от того, какая политическая сила выйдет победителем в декабре и сформирует правительство в Мадриде. В то же время, исходя из имеющейся расстановки сил в регионе, в Испании в целом, а также имея в виду позицию внешних сил, которые будут играть важную роль в окончательном решении этого вопроса, определенный прогноз относительно вероятности отделения Каталонии от Испании можно сделать уже сейчас.

Если рассматривать внимательно позицию ДКК по вопросу о независимости региона, то в ней выявится ряд серьезных слабостей. Прежде всего, «Конвергенция» и ее лидер А.Мас говорят о том, что они будут идти исключительно легальным путем к независимости. Однако такого легального пути в рамках ныне действующей Конституции для испанских регионов не существует. Фактически независимость может быть провозглашена в Каталонии только через апелляцию к праву наций на самоопределение вплоть до отделения, то есть путем нарушения конституционного порядка, установленного в Испании. Маловероятно, что ДКК во главе с А.Масом решится на такое. «Левые республиканцы» в этом вопросе занимают более решительную позицию и готовы идти на разрыв с испанским государством через нарушение Конституции. Тем более что сама партийная программа ЛРК фактически противоречит этому конституционному порядку, поскольку говорит о необходимости смены государственного строя - монархии на республику. Таким образом, надо признать, что декларируемая «Конвергенцией» приверженность легитимному пути достижения независимости Каталонии потенциально чревата расколом коалиции националистов.

Необходимо учесть также, что для формирования автономного правительства на базе абсолютного большинства, заявленного националистами как условие для реализации поэтапного плана отделения региона от испанского государства, коалиции нужно достичь соглашения с КНЕ. Эта партия занимает радикально левые, «антикапиталистические» позиции. Она не хочет видеть во главе «чрезвычайного» каталонского правительства А.Маса, являющегося представителем крупной национальной буржуазии и несущего свою долю ответственности за коррупционные скандалы в недрах ДКК. Более того, КНЕ выступает за выход независимой Каталонии из ЕС и зоны евро и за проведение ортодоксально левой политики в со-

циально-экономической сфере. Такие нестыковки в позициях блока ДКК и ЛРК, с одной стороны, и КНЕ - с другой, не способствуют стабильности широкой коалиции сторонников независимости региона, если эта коалиция вообще окажется возможной.

Важнейшим слабым местом в позиции националистов, озвучиваемой прежде всего А.Масом, является тот факт, что они не мыслят независимую Каталонию вне Европейского союза, шенгенской зоны и зоны евро. При этом официальный Брюссель и лидеры ведущих стран - участниц ЕС неоднократно подтверждали, что Каталония при выходе из состава Испании потеряет статус участника ЕС и должна будет встать в конец очереди из стран - кандидатов на вступление. «Конвергенция» всячески пытается затушевать этот вопрос, однако в одном из недавних интервью А.Мас все же вынужден был признать наличие серьезной проблемы в вопросе сохранения участия независимой Каталонии в ЕС. Он прямо признал, что Испания всегда будет в состоянии наложить вето на вступление Каталонии в ЕС⁸.

При этом надо отметить, что необходимость участия в ЕС не ставится под сомнение никем из националистов, кроме упомянутых выше радикалов из КНЕ. Больше того, созданный правительством Каталонии Экспертный совет содействия национальной трансформации опубликовал исследование, из которого следует вывод о том, что независимое каталонское государство невозможно, если оно окажется вне зоны евро. Эксперты Совета настаивают на том, что Каталонии необходимо оставаться в зоне евро, даже в случае временного выхода из состава ЕС. В качестве решения они предлагают использовать прецедент, созданный применительно к Андорре и Монако⁹. Нет нужды говорить о том, что реальная перспектива оказаться вне ЕС может развеять эйфорию многих сторонников независимости региона, когда надо будет принимать окончательное решение.

Наконец, есть другая очевидная слабость в позиции националистов. Практически не обсуждается вопрос о существенных расходах, которые Каталония будет вынуждена нести как независимое государство в сфере внешней политики и безопасности. Речь идет о расходах на силовые структуры, на обеспечение безопасности границ, на борьбу с организованной преступностью и наркотрафиком, на участие в международных организациях системы ООН, на содержание, наконец, дипломатических представительств. В целом вопрос экономической цены независимости до сих пор остается вне обсуждения в каталонском обществе. Даже по самым предваритель-

ным расчетам, эта цена может с лихвой перекрыть ожидаемую сторонниками отделения от Испании экономию от прекращения отчислений Мадриду средств из бюджета автономии.

Оценивая перспективы достижения каталонцами независимости, надо обратить внимание на еще один существенный момент. В ходе политической борьбы вокруг этого вопроса как в Испании, так и за ее пределами совершенно отсутствует тема отношения НАТО к такой возможности. Скорее всего, отсутствие реакции союза на перспективу потери стратегически важной части территории одним из лояльных и надежных членов организации неслучайно. В ходе сентябрьского визита в Вашингтон испанского короля Филиппа VI Б.Обама недвусмысленно заявил, что США рассчитывают на сохранение «сильной и единой Испании»¹⁰. Сопоставляя многозначительное молчание НАТО с такой позицией американского президента, можно вполне предположить, что военно-политической организации Запада отводится своего рода роль ружья, висящего до поры до времени на стене.

Имея в виду отмеченные выше слабости в позиции каталонских сторонников региональной независимости и принимая во внимание позиции ведущих общеиспанских политических партий, руководства стран - участниц ЕС, самого Евросоюза и заокеанского «старшего брата», можно сделать достаточно уверенно вывод о том, что никто не позволит Каталонии стать независимой.

Безусловно, богатый опыт Запада в проведении жестких решений под прикрытием «незыблемых принципов» демократии, скорее всего, позволит избежать радикальных вариантов решения каталонского вопроса. Учитывая грядущие парламентские выборы, можно предположить, что в случае ухода от власти Народной партии поиск компромисса с каталонскими националистами будет идти в рамках конституционной реформы, возможно, через превращение Испании в федеративное государство. В случае же сохранения «народников» у власти, вполне возможен и жесткий сценарий, допускающий прямой конфликт центрального правительства с каталонскими националистами. На это вполне справедливо указывает А.А.Орлов, который отмечает, что «Мадрид сделал однозначный выбор в пользу принципа территориальной целостности государства, который зачастую вступает в коллизию с правом народов на самоопределение»¹¹. При этом правовые и силовые рычаги, имеющиеся в распоряжении Мадрида, безусловная поддержка центрального правительства Испании

со стороны Запада позволят на этот раз сорвать все планы сторонников независимости Каталонии. Вопрос лишь в том: надолго ли?

¹El País. 10.08.2014.

²*Sastre D.G.* Mas avisa a Rajoy: o «referéndum vinculante» o elecciones plebiscitarias// El Mundo. 11.11.2014.

³Programa electoral de Junts pel sí// http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf//pp30-33.

⁴García F.Romeva: «Vamos a un gobierno de concentración lo más breve posible»// La Vanguardia. 14.09.2015.

⁵<http://resultados.elpais.com/elecciones/cataluna.html>

⁶Ibid.

⁷El Periódico. 06.09.2015.

⁸Roger M.Mas: «Si los países de la UE no ratifican Cataluña, será un problema»// El País. 14.09.2015

⁹*Roger M.* Un Estado independiente catalán será inviable si no forma parte del euro// El País. 14.07.2014.

¹⁰<http://www.practicaespanol.com/AgenciaEFE/obama-expresa-a-felipe-vi-el-compromiso-de-eeuu-con-una-espana-fuerte-y-unida/>

¹¹*Орлов А.А.* Проблема сецессии на современном этапе. На примере Шотландии и Каталонии // Обозреватель-Observer. №1. 2015. С. 77-78.

Ключевые слова: Испания, каталонские выборы, национализм, кризис испанской демократии, новые политические партии.

Денис МИКЕРИН

Второй секретарь Рабочей группы
по Каспийскому морю МИД России
denis.mikerin@gmail.com

Каспийский узел: миссия выполнима

В отечественной внешней политике каспийское направление относится к числу приоритетных. Каспийское море испокон веку служит естественной защитой южных границ нашей родины, занимает стратегическое положение на пересечении важнейших транспортных потоков между Европой и Азией, в его недрах скрыты богатейшие запасы углеводородов, а его воды являются природной кладовой уникальных биоресурсов. Это зона наших жизненных интересов. На его берегах расположены три субъекта Российской Федерации. Непосредственно в их прибрежных районах проживает 1,2 млн. человек. Жизнь этих людей прямо или косвенно связана с Каспийским морем, а будущее в значительной степени зависит от того, в каком направлении будет развиваться регион, от поддержания стабильности и обеспечения мирного сосуществования пяти государств, для которых этот водоем является общим наследием и общим будущим. Наши соседи в собственных оценках значимости для себя Каспийского моря исходят из тех же соображений.

АСТРАХАНСКИЙ РУБЕЖ

На протяжении большей части XX века правовой статус Каспийского моря определяли советско-иранские соглашения, заключенные в период 1921-1940 годов. Каспий рассматривался Советской Россией и Персией как внутренний водоем, по всей акватории которого действовала свобода судоходства, свобода рыболовства, за исключением десятимильной прибрежной зоны, а также запрет на плавание судов некаспийских стран. Статус-кво был нарушен с возникновением на месте СССР четырех независимых государств. О погружении в тотальный правовой вакуум речь не шла, поскольку формально советско-иранские договоренности продолжают действовать до сих пор. Вместе с тем они не охватывают ставшие актуальными вопросы недропользования, вылова ценных видов биоресурсов, определения зон юрисдикции и реализации сторонами их суверенных и исключительных прав. Потребность в новом всеобъемлющем своде принципов и правил совместного пользования Каспийским морем стала очевидной. Этот свод - Конвенция о правовом статусе Каспийского моря - призван на основе общего согласия, что неоднократно отмечалось в двусторонних соглашениях между прикаспийскими государствами, обеспечить долгосрочную стабильность в регионе и закрепить механизмы пятистороннего взаимодействия, отвечающие потребностям времени и учитывающие сложившиеся реалии.

Для приведения позиций пяти государств к консенсусу и облечения их во взаимоприемлемые формулировки в середине 90-х годов прошлого века создана Специальная рабочая группа (СРГ) на уровне заместителей министров иностранных дел, заседания которой проходят с привлечением экспертов профильных ведомств попеременно в странах Прикаспия. Согласованные в таком формате предложения рассматриваются на конференциях министров иностранных дел и затем выносятся на утверждение президентов в рамках каспийских саммитов. Таковых состоялось четыре - Ашхабад (2002 г.), Тегеран (2007 г.), Баку (2010 г.) и Астрахань (2014 г.).

Решающего прогресса в работе над конвенцией удалось добиться на IV Каспийском саммите в Астрахани, прошедшем 29 сентября 2014 года. Его итоги, единодушно признанные лидерами «прорывными», позволили впервые на высшем политическом уровне заговорить о перспективе завершения в целом работы над

конвенцией к следующей встрече в верхах, запланированной в Казахстане ориентировочно на 2016 год.

Стороны условились перенести в конвенцию зафиксированные в политическом заявлении глав государств базовые принципы взаимодействия на Каспии. Астраханское заявление - «каркас» будущей конвенции, позволяющий придать дополнительный импульс системной работе над ней.

Важнейшим достижением Астрахани стала договоренность о параметрах делимитации водных пространств. Изначально позиции казались диаметрально противоположными: от сохранения всей акватории в общем пользовании, на чем, в частности, настаивала Россия, до ее секторального деления. Компромиссом стало согласие на возникновение на Каспии национального суверенитета каждой стороны над прибрежным 15-мильным морским пространством и исключительных прав каждой стороны на добычу водных биоресурсов в пределах примыкающих к нему десяти морских миль, за которыми следует общее водное пространство. За пределами зоны под суверенитетом должна действовать свобода мореплавания для любых типов судов.

Зафиксирован принцип разграничения дна Каспия - по договоренности сторон, на основе общепризнанных норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность. Замысловатая формулировка на практике означает возможность решить вопрос о принадлежности углеводородных месторождений, установив по договоренности между сопредельными и противоположащими государствами границы их донных секторов.

Выражая приверженность идее превращения Каспия в зону мира и добрососедства и решению всех вопросов исключительно мирным путем, «пятерка» закрепила в заявлении запрет на присутствие на море вооруженных сил некаспийских государств. Этот безусловный императив идет в русле общего понимания исключительной компетенции прибрежных стран в деле сохранения мира и стабильности на Каспии, не допускающей вмешательства третьих сил. По этому поводу В.В.Путин заметил, что «такой режим сложился на Каспии исторически. И мы не собираемся его менять»¹. В том же ключе рассматривается существующий баланс вооружений на Каспийском море. Стороны условились исходить из пределов разумной достаточности в осуществлении военного строительства, нена-

несения ущерба безопасности друг друга, а также укрепления мер доверия в сфере военной деятельности.

Помимо конвенции на каспийских саммитах обсуждается широкий круг вопросов пятистороннего сотрудничества, предпринимаются конкретные шаги по наращиванию его договорно-правовой базы. Астраханская встреча в верхах оказалась в этом плане наиболее плодотворной. Подписаны три межправительственных соглашения: о сохранении и рациональном использовании водных биоресурсов, о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море, а также о сотрудничестве в сфере гидрометеорологии Каспия. Принято Коммюнике саммита с оценками итогов совместной деятельности прибрежных государств на отраслевых треках и конкретными поручениями глав государств по расширению пятистороннего взаимодействия.

На переговорах в узком и расширенном составах лидерами «каспийской пятерки» выдвинут ряд новых инициатив. В развитие дискуссии об укреплении мер доверия на Каспии Президент России В.В.Путин выступил с предложением заключить пятистороннее Соглашение о предотвращении инцидентов на Каспийском море. Лидер Туркменистана Г.М.Бердымухамедов озвучил идею выработки сразу двух соглашений - о торгово-экономическом сотрудничестве и взаимодействии в сфере транспорта. Его поддержал Президент Казахстана Н.А.Назарбаев, обозначив в качестве возможной темы для обсуждения создание зоны свободной торговли на пространстве Каспийского региона.

Эти инициативы свидетельствуют о поступательном развитии пятистороннего сотрудничества, конкретизируют приоритеты отдельных стран, задают векторы работы на период до астанинской встречи в верхах.

ЧЕРЕЗ ГОД ПОСЛЕ АСТРАХАНИ, ЗА ГОД ДО АСТАНЫ

Доастраханской динамике каспийского переговорного процесса была свойственна цикличность. Бурная активность, сопровождавшая подготовку к очередной встрече в верхах, как правило, сменялась тягучей инертностью: поставленные задачи решены, а для новых целей временные рамки еще не обозначены. В случае с астанинским саммитом времени на раскачку нет. Для преодоления

оставшихся сложных препятствий на пути к подписанию конвенции необходима высшая степень концентрации и «заточенность» на результат.

На заседаниях СРГ работа ведется по двум основным направлениям: перенос в конвенцию положений астраханского заявления и приведение текста документа в соответствии с ними, а также обсуждение вопросов, частично или полностью оставшихся «за скобками» заявления. В их числе - методика нанесения исходных линий для отсчета ширины зон под суверенитетом и режим судоходства в них, осуществление научных исследований на Каспии, прокладка магистральных трубопроводов и некоторые другие. Еще на заре переговорного процесса стороны условились о неразглашении деталей ведущихся дискуссий, что естественно порождает множество слухов и домыслов, зачастую не отражающих сути происходящего. В действительности согласование текста конвенции ведется в конструктивном ключе, в атмосфере взаимного доверия и уважения. При всех объективных трудностях переговорного процесса стороны осознают ответственность за результат, а потому прилагают все усилия для нахождения компромиссов.

В фокусе внимания - построение архитектуры коллективной безопасности в регионе. Краеугольный камень ее военной компоненты - принцип коллективной ответственности сторон за поддержание мира и стабильности на Каспии, включающий запрет на присутствие внерегиональных вооруженных сил на море. Важно отметить, что данный принцип никак не ограничивает прибрежные государства в их суверенном праве на военное сотрудничество и распространяется лишь на акваторию Каспия.

На фоне осложнившейся в последние годы международной обстановки активизировались попытки внерегиональных игроков обозначить свое присутствие на Каспии и по возможности ограничить роль России в этом стратегически важном районе мира. Желая «оголить» южные рубежи нашей страны пользуются тактикой запугивания общественности прибрежных государств боевыми возможностями Каспийской флотилии, подводя некоторых представителей политической элиты этих стран к мысли о необходимости демилитаризации Каспия. Благая на первый взгляд идея, будь она реализована, привела бы к подрыву сложившегося в глобальном контексте баланса сил. Сторонники «тотального разоружения» на Каспии почему-то забывают, что он отнесен в США и НАТО к сфере их

особых интересов. И не только вербально. В нескольких сотнях километров от него, в Персидском заливе, базируется 5-й флот ВМС США, а сам Каспийский регион в соответствии с планом Объединенного командования ВС США от 1 октября 2002 года приписан к зоне ответственности их группировки войск в Европе².

Военный потенциал Каспийской флотилии нацелен не на соседние прибрежные государства, а служит противовесом группировке внерегиональных сил, рассматривающих Каспий чуть ли не как свою вотчину. Таким образом, полное разоружение на Каспии привело бы к обратному эффекту - дестабилизации обстановки и вполне предсказуемым последствиям. Избежать этого сегодня позволяет сложившаяся к неудовлетворению внерегионалов атмосфера взаимного доверия и учета интересов друг друга между военно-морскими силами прикаспийских государств.

В этом контексте своевременными и полезными представляются инициативы в сфере укрепления мер доверия. На регулярной основе прибрежные страны обмениваются визитами военных кораблей, проводят совместные учения. Заметным вкладом в поддержание дружественного характера взаимоотношений между военно-морскими силами «каспийской пятерки» призвано стать упомянутое Соглашение о предотвращении инцидентов на море. Этот практический инструмент регулирования военного мореплавания уже не раз демонстрировал свою эффективность в Мировом океане и наверняка найдет столь же успешное применение на Каспии. Алгоритм предстоящей работы над проектом соглашения подробно обсуждался в рамках Международного военно-морского салона в Санкт-Петербурге (1-5 июля 2015 г.). На этой площадке были также рассмотрены варианты формирования постоянно действующих контактных механизмов между командующими военно-морскими силами стран «пятерки».

Географическое расположение Каспийского моря, его близость к «горячим точкам», оплотам международного терроризма, оргпреступности и производства наркотических веществ на Ближнем и Среднем Востоке, обуславливают значимость второй компоненты архитектуры коллективной безопасности на Каспии - совместного противодействия невоенным угрозам. Правовая основа пятисторонней кооперации в этой области - Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, подписанное на III Каспийском саммите в Баку в 2010 году. Рамочное по форме, оно пред-

писывает разработку отраслевых межведомственных протоколов о взаимодействии в конкретных областях.

Наиболее заметного прогресса удалось достичь на антинаркотическом треке. Трижды главы компетентных ведомств встречались (последний раз в сентябре 2014 г. в Астрахани) в рамках заседаний «каспийской антинаркотической пятерки». Подписание протокола к Соглашению по безопасности должно придать пятистороннему взаимодействию в антинаркотической сфере регулярный характер, способствовать разработке плана совместных оперативных мероприятий, наладить стабильный обмен информацией. В практическом плане предпринимаемые усилия направлены как на блокирование транскаспийских маршрутов наркотрафика преимущественно из Афганистана, так и на предотвращение оседания его значительной части в странах «пятерки».

В перспективном ключе развивается сотрудничество между пограничными ведомствами, органами внутренних дел и антикоррупционными службами прикаспийских государств. Ведется работа по подготовке к предметному обсуждению проектов протоколов по широкому кругу вопросов, обозначенных в Соглашении по безопасности на Каспии. Для координации совместных действий заинтересованных сторон на определенном этапе актуальной могла бы стать Обзорная конференция по соглашению под эгидой, например, советов безопасности стран «пятерки», тем более что контакты между этими структурами государств Прикаспия также налаживаются.

Еще один важный аспект в контексте каспийской архитектуры коллективной безопасности - предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций в Каспийском море. На расширение совместной работы в этой сфере направлено подписанное на астраханском саммите Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В качестве первого шага по его практической реализации российская сторона предложила провести в 2016 году полномасштабные пятисторонние учения служб чрезвычайного реагирования, что позволит на практике отработать процедуры оповещения, координацию действий спасательных подразделений.

Обеспечение стабильности на Каспии тесно связано с раскрытием экономического потенциала всего региона. До недавнего времени экономика Каспия характеризовалась высокой долей отраслей ТЭК, тогда как остальные сферы хозяйственной деятельности были

незаслуженно обойдены вниманием. Разработка комплексной экономической стратегии развития с опорой на пятисторонние механизмы кооперации, совместные действия по модернизации инфраструктуры, в первую очередь транспортной, развитие прозрачного и предсказуемого финансового сектора на базе внедрения современных технологий - все это способно в корне изменить ситуацию. Реальные шаги в этом направлении предприняты на Астраханском саммите. Вышеупомянутые предложения о разработке международно-правового оформления пятистороннего сотрудничества в торгово-экономической сфере и сфере транспорта, инициативы образования каспийского экономического форума и логистического центра на Каспии - все это служит для инвесторов сигналом того, что стимулирование экономического взаимодействия получило поддержку на высшем государственном уровне.

В 2013 году товарооборот между прикаспийскими странами составил 33 млрд. долларов³. Нет сомнения в том, что эта цифра не соответствует объективным возможностям рынка, емкость которого определяется совокупным населением стран «пятерки» в 250 млн. человек. Создание новых промышленных производств в области машиностроения, химической промышленности, фармакологии, реализация инфраструктурных проектов, в первую очередь в энергетической и транспортной сферах, способны вывести регион на качественно иную ступень развития, обеспечить новые рабочие места и рост благосостояния населения прибрежных районов.

Ключевое значение в контексте повышения инвестиционной привлекательности Каспийского региона имеют развитие и диверсификация грузовых и пассажирских транспортных потоков. На астраханской встрече в верхах и предшествовавшем ей заседании министров транспорта «пятерки» особое внимание было уделено железнодорожному кольцу вокруг Каспия. Его составляют как уже действующие участки (между Азербайджаном, Россией и Казахстаном), так и находящиеся на различных стадиях строительства. Так, в конце 2014 года запущена ветка между Ираном, Туркменистаном и Казахстаном. К 2016 году ожидается завершение строительства участка по северным провинциям Ирана до границы с Азербайджаном по маршруту Казвин - Решт - Астара, а также Решт - Сари.

Железнодорожное кольцо вокруг Каспия должно стать частью международного транспортного коридора «Север - Юг», призванного связать страны Западной Европы и Южной Азии. По сравне-

нию с морским маршрутом через Суэцкий канал МТК «Север - Юг» вдвое короче как по расстоянию, так и по фактически затраченному в пути времени. Следовательно, существенно ниже сопутствующие издержки. Сегодня на пути к полномасштабной реализации потенциала МТК «Север - Юг» стоит дефицит современной портовой инфраструктуры, отсутствие единых таможенных процедур. Недостаток координации автомобильных, паромных и железнодорожных перевозок приводит к неэффективной работе модульной системы логистики. Решение этих вопросов позволит повысить конкурентные преимущества нового МТК «Север - Юг» и принесет в казну прибрежных государств дополнительные доходы.

Помимо транспортной инфраструктуры важной составляющей экономического процветания региона является сфера услуг. В этом плане на Каспии предстоит еще многое сделать. В первую очередь сформировать финансовый сектор с надежным банковским обслуживанием для бесперебойного обеспечения торговых сделок и производственных процессов.

Перспективным направлением пятистороннего сотрудничества видится туризм, включая санаторно-курортный отдых, этнографические экспедиции, экотуры. Здесь не обойтись без модернизации соответствующих объектов инфраструктуры, налаживания стабильного транспортного сообщения, в том числе авиационного, облегчения визовых формальностей.

Экономический подъем зачастую несет в себе угрозу серьезного ущерба для окружающей среды. В замкнутом водоеме, коим является Каспийское море, подобное развитие ситуации абсолютно недопустимо. Давление антропогенного фактора на его экосистему с каждым годом усиливается, что уже привело на грань исчезновения отдельные виды биоресурсов.

В постсоветский период неконтролируемый вылов осетровых превратился в настоящий «бич» Каспия, что побудило «пятерку» объединить усилия по противодействию браконьерству. Эта тематика является одной из приоритетных при разработке протоколов к упоминавшемуся выше Соглашению по безопасности на Каспии.

В соответствии с подписанным в Астрахани Соглашением о сохранении и рациональном использовании водных биоресурсов Каспийского моря на базе действующей межведомственной Комиссии по водным биоресурсам Каспия создается полноценная региональная рыбохозяйственная организация. В ее компетенцию входит объ-

ективная оценка запасов и установление ограничений на добычу любых находящихся под угрозой видов водных биоресурсов, вплоть до введения так называемой нулевой квоты. Начиная с 2013 года прибрежные государства в рамках комиссии взяли на себя добровольные обязательства не осуществлять коммерческий вылов осетра в Каспии. Тем самым решается задача восстановления популяции каспийских осетровых, что с учетом биологических особенностей этого вида (половозрелость осетра наступает в возрасте пяти-шести лет, белуги - в 18 лет) требует длительного времени. Организованная в ходе астраханского саммита церемония выпуска лидерами прибрежных государств молоди осетровых в Волгу символизирует приверженность «каспийской пятерки» взятому курсу на преодоление ошибок прошлого и восстановление уникального природного комплекса Каспийского моря.

В 2016 году будет отмечаться десятая годовщина вступления в силу Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранской конвенции) - первого юридически обязывающего пятистороннего документа на Каспии. За время действия конвенции согласованы тексты трех протоколов к ней - о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью (Актау, 2011 г.), по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществления на суше деятельности (Москва, 2012 г.) и о сохранении биологического разнообразия (Ашхабад, 2014 г.). В завершающей стадии работа над четвертым протоколом об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. По итогам прошлогодней Конференции сторон в Ашхабаде принято решение о переводе Секретариата конвенции из Женевы в Баку, где он разместится на ближайшие четыре года.

С положительной стороны зарекомендовал себя Комитет по гидрометеорологии Каспийского моря (КАСПКОМ), в рамках которого прибрежные страны эффективно взаимодействуют в области наблюдения за состоянием Каспия. Подписанное на астраханском саммите Соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии отвечает задаче непрерывного мониторинга, обмена соответствующей информацией в интересах обеспечения безопасности жизнедеятельности населения прибрежных районов.

После IV Каспийского саммита дополнительный импульс получило пятистороннее взаимодействие в гуманитарной сфере. Пря-

мые контакты между людьми уже стали залогом успешно развивающегося межрегионального сотрудничества. В России роль «первой скрипки» взяла на себя Астраханская область, установившая самые тесные связи с соседними регионами. В последние годы Астрахань предоставила площадку для проведения крупных мероприятий с участием представителей прибрежных государств различной направленности. «На полях» астраханской встречи в верхах в 2014 году состоялся Форум деловых кругов, а также Каспийский молодежный саммит. Осенью 2015 года прошел Каспийский медиафорум и II Международный форум по культуре и туризму Каспийского региона.

В обзоре текущего состояния пятистороннего сотрудничества на каспийском направлении невозможно обойти тематику добычи углеводородов и прокладки магистральных трубопроводов по дну Каспия. Комплексные процессы, происходящие в этой связи, требуют отдельного подробного анализа, однако в контексте данной статьи целесообразно остановиться на следующих ключевых моментах.

По различным оценкам, на каспийском шельфе залегает от 10 до 40 млрд. баррелей нефти и около 5,6 трлн. куб. м газа⁴. Широкий разброс данных объясняется, во-первых, их постоянной корректировкой по мере совершенствования технологий разведки; во-вторых, объективными сложностями с проведением разведывательных работ в районе спорных участков и, как следствие, неполной картиной; в-третьих, чувствительным характером информации и ограниченностью доступа к ней в отдельных странах. Очевидно, что ресурсы Каспия достаточно значительны для того, чтобы крупнейшие мировые добывающие компании конкурировали между собой за право работы на каспийском шельфе. В северной части моря благодаря разграничению донных секторов добыча на шельфовых месторождениях регулируется законодательством прибрежного государства или - как в случае с тремя крупными нефтегазоносными месторождениями «Центральное», «Хвалынское» и «Курмангазы» - отдельным двусторонним соглашением между Россией и Казахстаном и протоколами к нему.

В ЕС не скрывают намерений снизить зависимость от поставок российских углеводородов, прежде всего природного газа, за счет прикаспийских государств и направления транзитных потоков в обход России. В Брюсселе решили обеспечить поставки каспийских углеводородов путем строительства Транскаспийского газопровода (ТКГ)

и присоединения его к так называемому «Южному транспортному коридору». На это нацелена Ашхабадская декларация о развитии сотрудничества в области энергетики между Туркменистаном, Азербайджаном, Турцией и ЕС⁵. Во исполнение ее положений создана рабочая группа на уровне заместителей руководителей нефтегазовых ведомств, которая займется созданием специальной Корпорации каспийского развития.

Каким бы скептическим ни было отношение к российской природоохранной аргументации против строительства ТКГ, бесспорным остается одно: последствия аварии на магистральном трубопроводе, делящем море фактически по горизонтальной оси, могут оказаться фатальными для всех прибрежных государств и поставить под вопрос перспективы развития региона в целом. В то же время для Брюсселя и поддерживающего его Вашингтона это станет лишь неудавшимся проектом, провал которого жители западных стран и не почувствуют. Для прибрежных государств экологическая безопасность остается безусловным приоритетом, а потому решения по настоящему острых вопросов, затрагивающих эту тему, к каковым, безусловно, относится ТКГ, должны приниматься исключительно консенсусом.

Фокусирование на сравнительно небольшом геополитическом пространстве интересов пяти прибрежных государств лучше всего объясняет тот факт, что переговоры по разработке Конвенции о правовом статусе Каспия затянулись без малого на 20 лет. Любая формулировка требует скрупулезной экспертизы, вдумчивого анализа, подчас весьма «вязкой» дискуссии в пятистороннем формате, прежде чем быть согласованной. Индивидуалистский подход и попытки без оглядки на общие интересы добиться для себя наибольших предпочтений на Каспии не оправдывают себя. Напротив, коллективное благо здесь первично, а в осознании этой простой истины, возможно, и кроется развязка каспийского узла.

В данном случае кажется уместным сравнение работы над конвенцией с изготовлением шелкового ковра: она требует неистощимого терпения, железной выдержки, ювелирной точности. Но конечный результат стоит затраченных усилий. Конвенция - это уникальное изделие ручной работы, сотканное из прочной нити взаимных договоренностей с колоритным региональным орнаментом.

Как будто бы в предвкушении подписания этого базового документа пятистороннее взаимодействие на Каспии получило дополни-

тельный стимул к развитию во всех сферах. В Астрахани посеяны ценные семена, судьбу которых определит встреча в верхах в Астане. Им суждено принести богатые плоды либо навсегда остаться в земле без жизненно необходимой для роста подпитки в виде четких, согласованных и эффективно действующих правовых норм.

¹Заявления глав государств - участников IV Каспийского саммита для прессы // URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46689

²www.defence.gov/Releases/Release.aspx?ReleaseID=3309

³Заявления глав государств - участников IV Каспийского саммита для прессы // URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46689

⁴*Пустовойтова Е.* Битва за Каспий // URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/bitva_za_kaspij_2011-11-03.html

⁵Ashgabat Declaration // URL:// http://ec.europa.eu/commission/2014-2019/sefcovic/announcements/ashgabat-declaration_en

Ключевые слова: Каспийское море, биоресурсы, углеводороды, прикаспийские страны.

Алексей БЕЗРУКОВ

Аспирант Института мировой экономики
и международных отношений РАН
lesha178@yandex.ru

Провал механизма принятия внешнеполитических решений в США (военная операция в Ираке)

Ближневосточная политика США в начале XXI века демонстрирует ряд очевидных неудач, которые в значительной степени снижают уровень безопасности как самих Соединенных Штатов и их союзников, так и всего остального международного сообщества. Недавнее проявление этого - ситуация на территории Ирака и Сирии, где в результате политического и военного вмешательства Вашингтона произошел существенный рост террористической и экстремистской активности. Образование Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) ставит под угрозу стабильность всего региона и возможности самих США защитить себя от деятельности новой исламистской организации.

В этой связи возникает объективная потребность в выявлении и анализе основополагающих причин поражения американской дипломатии в регионе Ближнего Востока. Представляется, что корень указанных неудач необходимо искать в механизме принятия внешнеполитических решений США. В этой связи на примере решения руководства Соединенных Штатов о начале войны в Ираке в 2003 году

будут показаны главные недостатки и минусы процесса принятия внешнеполитических решений внутри администрации США, которые могут снижать как уровень проработанности принимаемых решений, так и эффективность их реализации.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ВНУТРИ АДМИНИСТРАЦИИ США

На первый взгляд механизм выработки внешнеполитической стратегии внутри администрации США выглядит как весьма эффективный инструмент определения курса американского государства на международной арене. Среди очевидных достоинств стоит выделить принцип согласованности в формировании и осуществлении решений. Ведущая роль в этом процессе принадлежит Совету национальной безопасности США (СНБ).

Ядро СНБ составляют президент, государственный секретарь, советник президента по национальной безопасности, глава Пентагона, председатель Объединенного комитета начальников штабов и директор ЦРУ, который снабжает членов этой группы текущей и аналитической информацией о событиях в мире. Основная функция СНБ - «давать президенту рекомендации, касающиеся интеграции внутренней, внешней и военной политики, связанной с национальной безопасностью, для более эффективного сотрудничества военного ведомства и других министерств и агентств правительства в делах, имеющих отношение к национальной безопасности»¹. Работа этого органа основана на поиске компромисса, удовлетворяющего интересы всех сторон, вовлеченных в процедуру формирования внешнеполитических решений.

Кроме того, советник по национальной безопасности также исполняет роль консультанта президента по основным внешнеполитическим проблемам США. Он и его аппарат имеют право формулировать собственное мнение по тем или иным вопросам национальной безопасности Соединенных Штатов. При этом конечный вариант должен носить надведомственный характер и отражать позицию президента и его администрации как единого целого. Таким образом, СНБ является не просто одним из государственных органов, участвующих в процессе принятия внешнеполитических решений, но и содействует выполнению Президентом США своих функций в сфере внешней политики.

В данном аспекте особое значение приобретает порядок распределения функций между СНБ и Государственным департаментом США - исполнительным органом в правительстве Соединенных Штатов, выполняющим функцию Министерства иностранных дел. Фактически главенствующая роль в формировании американской внешней политики принадлежит государственному секретарю. Данное обстоятельство позволяет помощнику президента (советнику по национальной безопасности) в полной мере сосредоточиться на функции связующего звена между структурами, вовлеченными в процесс принятия внешнеполитических решений. Вместе с тем Госдепартамент ответственен также за повседневный внешнеполитический процесс. Более того, госсекретарь активно взаимодействует с информационным пространством, обеспечивая необходимую поддержку общественного мнения для успешной реализации внешнеполитических задач США.

Такая система отношений между Госдепартаментом и СНБ устраняет возможность дублирования функций между двумя основными внешнеполитическими ведомствами, открывает путь для обзора всех альтернативных типов поведения на международной арене, формирует логичный транспарентный и иерархически выстроенный механизм выработки внешнеполитической стратегии, повышает уровень его демократичности и в конечном итоге увеличивает эффективность принимаемых решений.

Однако у американского механизма выработки внешнеполитического курса есть также ряд недостатков, которые, по сути, являются обратной стороной его достоинств. Вовлеченность в механизм большого количества акторов, значительная зависимость от специфики отношений между основными внешнеполитическими ведомствами, необходимость достижения компромисса внутри этих структур - все это может снижать качество принимаемых решений относительно поведения Соединенных Штатов на международной арене.

Во-первых, развитая многоакторная система отношений как внутри внешнеполитических структур, так и между ними не только предоставляет возможность для открытого и свободного изъяснения собственных интересов различными политическими группами, но и создает условия для роста внутриведомственных конфликтов. Интенсивность подобных конфликтных ситуаций может заслонить главную задачу внешнеполитического механизма - формулирование и защиту национальных интересов США.

Во-вторых, такой сложный механизм повышает риск потери оперативности в условиях чрезвычайной ситуации. Многоступенчатый внешнеполитический аппарат также осложняет процедуру принятия решений и в повседневном режиме. Фактически любая внешнеполитическая акция Вашингтона требует приложения существенных усилий и значительного количества ресурсов для выработки компромиссного варианта поведения по тому или иному вопросу национальной безопасности США. Как следствие, реакция Вашингтона на изменения в международном политическом пространстве может оказаться либо запоздалой, либо не соответствующей новым условиям и обстоятельствам.

В-третьих, сильная зависимость внешнеполитического процесса от внутривнутриполитической конъюнктуры также осложняет процедуру принятия эффективных решений. Внешнеполитические акции Вашингтона оказываются под существенным влиянием внутренней расстановки политических сил. Развитые демократические процедуры в США, короткие электоральные циклы, высокая активность американских избирателей могут в значительной степени менять специфику отношений внутри политического истеблишмента Соединенных Штатов. Следовательно, линия поведения Вашингтона на международной арене также может колебаться в течение короткого промежутка времени. В результате непоследовательность и импульсивность становятся отличительными чертами внешнеполитических действий США.

ВТОРЖЕНИЕ В ИРАК: ПРИНЯТИЕ И ОБОСНОВАНИЕ РЕШЕНИЯ

Вступление Дж.Буша-мл. на пост президента США изначально не сулило кардинальных изменений в ближневосточной стратегии Вашингтона. Вопрос о насильственной смене военными методами баасистского режима не стоял. Вооруженное вторжение в Ирак изначально не вписывалось в декларируемые некоторыми членами команды нового президента цели и задачи внешней политики Соединенных Штатов. Более того, присутствовали признаки формирования внутри администрации Дж.Буша-мл. сильной и влиятельной коалиции, способной удержать Вашингтон от проведения военных операций в регионе Ближнего Востока.

Так, К.Райс, занявшая в 2001 году пост советника Президента США по национальной безопасности, еще до своего официального назначения на эту должность не рассматривала Ирак в качестве

главного приоритета внешнеполитической стратегии Белого дома. В своей статье в журнале «Foreign Affairs» она писала: «Такие режимы, как в Ираке и Северной Корее, находятся в состоянии собственной нестабильности и неустойчивости, поэтому нет никаких оснований беспокоиться на их счет»².

В свою очередь, государственный секретарь США в первой администрации Дж.Буша-мл. К.Пауэлл был сторонником ограниченного применения вооруженных сил за пределами американского государства. Выработанные главой внешнеполитического ведомства условия нанесения массированных военных ударов Вашингтоном впоследствии получили название «Доктрина Пауэлла». Данная концепция подразумевала, что для широкого использования армии США за границей необходимы наличие полного военного превосходства над противником, завоевание широкой публичной поддержки со стороны американского населения, достижение по данному вопросу консенсуса с основными политическими силами в Конгрессе, выработка четкой и транспарентной стратегии выхода из военного конфликта.

Умеренной позиции в отношении Ирака придерживался и вице-президент США Д.Чейни, который являлся главой оборонного ведомства во время войны в Персидском заливе 1990-1991 годов. Когда его в 1996 году спросили о негативных последствиях сохранения С.Хусейна у власти после военной операции союзников в Ираке, он ответил: «Попытка свергнуть иракского лидера военными методами - не та идея, которая могла бы меня привести в восторг... подобное развитие событий приведет к возникновению опасной и длительной конфликтной ситуации в регионе»³. Когда же будущему вице-президенту был задан вопрос о том, что он лично думает о пребывании С.Хусейна на посту президента Ирака, то он сказал: «Я не считаю, что преемник С.Хусейна был бы намного удобнее для ближневосточной политики США, чем сам иракский лидер»⁴.

Президент Дж.Буш-мл. до своего вступления в должность главы американского государства неоднократно поддерживал линию, направленную на постепенное ослабление позиций С.Хусейна. Во время президентской кампании он не раз высказывался за ужесточение экономических санкций. Кроме того, в 1999 году Дж.Буш-мл. выступил за принятие законодательного акта «Об освобождении Ирака», который продекларировал поддержку Соединенными Штатами иракских оппозиционных политических сил. Отвечая во время дебатов в 1999 году на вопрос о возможности появления в руках у С.Хусейна оружия массового уничтожения (ОМУ), будущий глава Белого дома заявил: «Устранить

его». При этом Дж.Буш-мл. уточнил, что в данном случае речь идет не о ликвидации иракского лидера, а об уничтожении арсеналов ОМУ⁵.

Стоит отметить, что позиция внутри команды нового Президента США по поводу политики Белого дома в районе Персидского залива была отнюдь не единой. Гражданское руководство оборонного ведомства Соединенных Штатов, в частности министр обороны США Д.Рамсфелд, его заместители П.Вулфовиц и Д.Фейт, советник министра обороны и специальный помощник президента З.Халилзад, изначально выступали за более конфронтационный характер отношений с Багдадом. В 1998 году будущие высокопоставленные сотрудники Пентагона отправили занимавшему тогда пост президента США Б.Клинтону письмо, где указывалась необходимость применения вооруженных сил США с целью отстранения С.Хусейна от власти⁶.

Тем не менее очевидные разногласия внутри администрации не повлияли на ближневосточную политику Вашингтона в начале президентства Дж.Буша-мл. Новый глава американского государства стал придерживаться курса на ослабление власти Саддама Хусейна посредством поддержки системы запретительных экономических санкций, нанесения точечных авиаударов по иракской военной инфраструктуре и обеспечения беспилотной зоны над территорией страны. Так, например, по итогам состоявшегося 1 февраля 2001 года заседания Совета национальной безопасности Дж.Буш-мл. поручил К.Пауэллу разработать пакет «умных» санкций, который позволил бы, с одной стороны, нанести максимальный социально-экономический ущерб иракской правящей верхушке, с другой - обеспечить широкую международную поддержку новому санкционному режиму. Как следствие, позиция руководства Пентагона оказалась неучтенной, в то время как мнение Госдепартамента США стало решающим в процессе выработки американской политики по отношению к Ираку.

Ситуация поменялась кардинальным образом после событий 11 сентября 2001 года. Для американской элиты угроза со стороны транснационального терроризма приобрела очевидный и критический характер. Вашингтон оказался не готов к предупреждению и отражению на своей территории атак со стороны исламистских и экстремистских групп. Кроме того, под сомнение был поставлен статус Соединенных Штатов как единственной оставшейся в мире после распада СССР сверхдержавы. Данные обстоятельства усугублялись тем фактом, что в существенной степени возрос риск организации на территории США теракта уже с применением ОМУ.

Очевидно, что в этих условиях Вашингтон был вынужден предпринять ряд действий, которые бы продемонстрировали не только способность американских государственных институтов вновь обеспечить достаточный уровень внутренней безопасности, но и сохранить статус Соединенных Штатов на международной арене в качестве наиболее влиятельного в военно-политическом отношении государства. Было ожидаемо, что реакцией США на события 11 сентября 2001 года станет ужесточение внешнеполитического курса вплоть до применения за рубежом вооруженной силы. Вторжение в Афганистан, где базировалось руководство взявшей на себя ответственность за теракт организации «Аль-Каиды», было логичным и предсказуемым шагом Белого дома.

Что же касается последовавшей за этим военной интервенции в Ираке, то ее сложно отнести к необходимым в сложившейся ситуации мерам для обеспечения национальной безопасности США. Убедительные и достоверные доказательства связи режима С.Хусейна с транснациональным терроризмом, а также наличие в Ираке арсеналов ОМУ представлены не были. Более того, выдвигавшиеся против баасистского правительства обвинения впоследствии опровергли и признали необоснованными. Эти обстоятельства позволяют утверждать, что решение о начале войны в Ираке изначально не соответствовало объективным потребностям внешней политики Соединенных Штатов. Иракская кампания стала следствием череды ошибок и сбоев, проявившихся в процессе выработки американской политической стратегии в отношении режима С.Хусейна.

Готовность поменять свое мнение относительно американской политики в Ираке некоторые члены администрации Дж.Буша-мл. стали высказывать сразу после событий 11 сентября. Американский исследователь процесса принятия решения о начале войны в Ираке Боб Вудворд отметил, что сразу после теракта Д.Чейни стал одним из главных сторонников иракской кампании⁷. Согласно американскому изданию «Washington Post», вице-президент вскоре после событий 11 сентября 2001 года «стал склоняться к тому, что Ирак или другие государства могли бы передать биологическое или химическое оружие террористам»⁸. В той же статье было указано, что советник по национальной безопасности К.Райс в течение нескольких дней после 11 сентября убеждала президента в необходимости выработать более жесткую линию американского государства по отношению к странам, где могут храниться арсеналы ОМУ. Высокопоставленный чиновник

по борьбе с терроризмом Р.Кларк впоследствии сообщил, что уже 12 сентября 2001 года Президент Дж.Буш-мл. попросил его рассмотреть варианты, которые могли бы быть использованы в качестве повода для начала военной кампании в Ираке⁹.

Из этого следует, что террористический акт 2001 года послужил отправной точкой, после которой произошла консолидации позиций членов американского правительства относительно изменения иракской стратегии США в сторону ее ужесточения. В этих условиях расклад политических сил внутри администрации Соединенных Штатов поменялся в пользу тех, кто изначально выступал за вооруженное вмешательство во внутренние дела Ирака. Руководство Пентагона в связи со значительным усилением террористической угрозы получило широкие возможности для защиты и продвижения своей точки зрения в отношении американской политики в регионе Ближнего Востока.

В интересах оборонного ведомства Соединенных Штатов также служила система межличностных связей, сложившаяся внутри администрации Дж.Буша-мл. Как отмечают американские исследователи, вице-президент мог оказывать значительное влияние на действующего президента и их взаимоотношения носили скорее равноправный характер, а не иерархический, как это принято между первым и вторым лицами в американском государстве¹⁰. Кроме того, в условиях внешнего и внутреннего политического кризиса, вызванного событиями 11 сентября, Дж.Буш-мл. стремился сократить время и издержки, связанные с принятием внешнеполитических решений, чтобы обеспечить оперативность действий США на международной арене. Данное обстоятельство проявилось в желании президента уменьшить объем поступающей извне информации. В этих условиях именно вице-президент стал главным советником Дж.Буша-мл.¹¹.

Д.Чейни также находился в партнерских отношениях с главой Пентагона Д.Рамсфелдом и его заместителем П.Вулфовицем. Их объединяла как совместная работа в исполнительных органах власти в администрации Президента Дж.Буша-старшего, так и общие взгляды на внешнюю политику США. И Д.Чейни, и П.Вулфовиц придерживались неоконсервативной идеологии, предполагавшей активное использование за рубежом военной и экономической мощи Соединенных Штатов с целью установления демократических и проамериканских режимов. Очевидно, что в данной ситуации вице-президент и руководство Пентагона оказались союзниками и сформировали мощную коалицию, выступавшую за интервенцию. Учитывая авторитет, а также твер-

дость и устойчивость политических позиций вице-президента в глазах Дж.Буша-мл., Д.Чейни стал основным поборником укрепления милитаристской составляющей во внешней политике США.

Госсекретарь К.Пауэлл, придерживавшийся более умеренной точки зрения относительно проблемы ликвидации режима С.Хусейна, фактически оказался в изоляции, так как не имел той поддержки, которую оказывал вице-президент гражданскому руководству Пентагона. Это послужило тому, что аргументы в пользу вооруженного вторжения в Ирак звучали все громче, а доводы за отказ от активного военного вмешательства выглядели в глазах президента все менее убедительно. Госсекретарь впоследствии отмечал, что после декабря 2001 года СНБ собирался главным образом, чтобы обсудить детали будущей интервенции, при этом возможные негативные последствия, а также отсутствие реальных поводов для начала военных действий даже не выносились на обсуждение. Более того, по словам К.Пауэлла, Президент США не учел ни одно из замечаний внешнеполитического ведомства в отношении предполагаемого вторжения.

На этом фоне особое значение принимает позиция советника по национальной безопасности США К.Райс, чья формальная задача заключалась в сглаживании межведомственных конфликтов и формировании перед главой американского государства объективной картины. Как отмечали внешние наблюдатели, помощнику президента национальной безопасности не удалось учесть интересы всех ведомств, вовлеченных в процесс принятия внешнеполитических решений. Во многом это объяснялось стремлением К.Райс предоставить Дж.Бушу-мл. ту информацию, в которой был заинтересован глава государства. В сущности, советник по национальной безопасности исключал из своих докладов те подробности и детали, которые не соответствовали мнению президента, формируемому преимущественно под влиянием вице-президента и руководства Пентагона. Дисфункцию Совета национальной безопасности в период формирования позиции Соединенных Штатов относительно Ирака впоследствии подчеркивали заместитель государственного секретаря Р.Армититдж, а также заместитель министра обороны Д.Фейт¹³.

Очевидно, что в этих условиях качество и достоверность предоставляемой Президенту США разведывательной информации, касающейся ситуации в Ираке, оставляла желать лучшего. Более того, фактически администрация Соединенных Штатов зачастую игнорировала те разведывательные данные, которые противоречили мнению прези-

дента и Пентагона. Так, например, относительно проблемы наличия у С.Хусейна технологий производства ядерного оружия разведывательное сообщество США не демонстрировало однозначного консенсуса. Поступали противоречивые данные, которые не позволяли сформировать четкой картины по данному вопросу.

В документе «Отчет национального разведывательного сообщества» 2002 года было указано, что после того, как специалисты Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям покинули Ирак в 1999 году, иракское политическое руководство неоднократно демонстрировало готовность возобновить ядерную программу¹⁴. Во многом эти выводы основывались на покупке Ираком алюминиевых труб, которые можно было использовать для производства ракетных носителей. Однако против этого утверждения выступали Бюро разведки и исследований Государственного департамента и Министерство энергетики США, которые заявляли, что покупка алюминиевых труб не дает никаких оснований говорить о возможности Ирака заполучить ядерное оружие¹⁵.

В администрации США знали о существовании этих дискуссий. Тем не менее высокопоставленные американские чиновники неоднократно демонстрировали абсолютную уверенность в том, что Ирак обладает всем необходимым для производства ядерного оружия. Вице-президент Д.Чейни на встрече с ветеранами иностранных войн в конце 2002 года заявил: «Многие из нас убеждены, что в скором времени у С.Хусейна будет в наличии ядерное оружие»¹⁶.

Но самым главным политическим инструментом, использованным администрацией Соединенных Штатов в качестве повода для начала войны, стал широко растиражированный тезис о предполагаемых связях политического руководства Ирака с «Аль-Каидой». Но и в этом случае американское разведывательное сообщество продемонстрировало неуверенность в том, что иракский баасистский режим поддерживает тесные связи с международным терроризмом. В январе 2003 года Президенту США был отправлен доклад ЦРУ под названием «Поддержка терроризма Ираком», в котором указывались случаи контактов между представителями «Аль-Каиды» и режима С.Хусейна. При этом подчеркивалось, что источники этих данных могут быть недостоверными¹⁷.

Часть руководства Пентагона была раздосадована результатами работы разведывательного сообщества. Поэтому вскоре после событий 11 сентября 2001 года Д.Фейт сформировал специализированную комиссию под названием «Группа по оценке политики борьбы с терроризмом» (ГОПБТ). Перед комиссией была поставлена задача перепроверки

сведений, получаемых из рук разведывательного сообщества, относительно контактов С.Хусейна с международным терроризмом. Данной группой был организован собственный канал получения разведанных. В 2002 году комиссия подготовила доклад по данному вопросу, который раскритиковал сведения, предоставленные американским разведывательным сообществом, а в сентябре 2002 года сотрудниками Пентагона был инициирован брифинг в Конгрессе США, на котором члены ГОПБТ выложили доказательства около 50 контактов политического руководства Ирака с представителями «Аль-Каиды»¹⁸.

Наличие материалов дискуссий, противоречий и большого массива неподтвержденных данных никак не повлияло на окончательное решение администрации США начать полномасштабные боевые действия на территории Ирака. Единственным камнем преткновения оставался вопрос о необходимости получения поддержки со стороны международного сообщества и формирования коалиции. К.Пауэлл выступал за то, чтобы Вашингтон заручился резолюцией Совета Безопасности ООН. Однако на заседаниях Совета национальной безопасности 14 и 16 августа 2002 года было решено придерживаться курса на продолжение подготовки к войне вне зависимости от того, получают США международную поддержку или нет.

В конечном итоге администрации США удалось убедить саму себя и широкую американскую общественность в том, что Ирак является частью транснациональной террористической сети и иракская элита обладает возможностью передать ОМУ или технологии его производства остальным террористическим группам. Более того, политический истеблишмент США в этой ситуации фактически был введен в заблуждение и, как следствие, переоценил угрозу, которую Ирак реально представлял для национальной безопасности Соединенных Штатов. И уже 29 августа 2002 года глава американского государства подписал программный документ под названием «Цели, задачи и стратегия войны в Ираке». Это была уже «точка невозврата», когда Дж.Буш-мл. окончательно укрепился во мнении о неизбежности военных действий против иракского правящего режима.

Процесс выработки стратегии внутри администрации США относительно войны в Ираке наглядно демонстрирует ряд недостатков и изъянов в американском механизме принятия внешнеполитических реше-

ний. Террористический акт 11 сентября 2001 года создал уникальную внутривнутриполитическую ситуацию, когда в силу непредвиденных обстоятельств администрация была вынуждена радикально поменять свой внешнеполитический курс. Внезапно возникшая потребность в применении военной силы для демонстрации превосходства Соединенных Штатов после трагических событий затмила собой звучавшие внутри администрации протесты против активного использования военной силы за рубежом. Поэтому дополнительное преимущество получили фигуры - в частности руководство Пентагона, - которые изначально выступали за милитаристскую стратегию в отношении иракского режима.

В то же время остальные члены администрации и ведомства, отвечающие за внешнюю политику, фактически оказались под политическим прессингом, и их точка зрения на данную проблему либо осталась невосребованной, либо искажалась в силу текущих предпочтений высшего политического руководства. Данные обстоятельства усиливались личностными характеристиками людей, занимавших высшие посты. Так, Дж.Буш-мл. подвергся влиянию своего вице-президента, а К.Райс выявила неспособность выполнять прямые функции советника национальной безопасности в силу собственной неготовности оспорить точку зрения президента. Таким образом, объективная информация отвергалась и не подлежала должному вниманию и анализу.

Стало ясно, что основанная на принципе «сдержек и противовесов» система принятия внешнеполитических решений в США частично утратила собственный потенциал в условиях острейшего внутривнутриполитического и внешнеполитического кризиса, вызванного терактом 11 сентября. Паритет между административными ведомствами оказался нарушенным, а отдельные политические фигуры получили возможность неформального увеличения собственного влияния на процесс принятия решений. Возросший в этих условиях риск внутриведомственных конфликтов был решен либо откровенным игнорированием важных данных, либо их утаиванием.

Можно предположить, что подобный стиль управления внешней политикой в США мог проявиться и в последующие годы. Высокий уровень конфронтации и нестабильности на Ближнем Востоке фактически подрывал американское влияние в регионе. В этой связи политический истеблишмент Соединенных Штатов оказывался в аналогичной по сравнению с событиями 11 сентября ситуацией. Поэтому ошибки и просчеты американской дипломатии в районе Персидского залива также могут быть объяснены неспособностью механизма принятия

внешнеполитических решений в США урегулировать внутриведомственные противоречия и найти оптимальные решения в пользу национальных интересов.

¹U. S. Code, Title 50 - War and National Defense. Wash., 1983. P. 402.

²Rice C. Promoting the National Interest // Foreign Affairs. Vol. 79. 2000. №1.

³The Gulf War, PBS Frontline // www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/gulf/oral/chency/1.html

⁴Ibid.

⁵Daalder Ivo H. and Lindsay James M. America Unbound, America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003. P. 40.

⁶<http://www.onlineopinion.com.au/view.asp?article=1499>

⁷Tenet G. and Harlow B. At the Center of the Storm: My Years at the CIA. New York: Harper Collins, 2007. P. 264.

⁸Ibid. P. 4.

⁹The 9/11 Commission Report. P. 334 // <http://www.9-11commission.gov/report/911Report.pdf>

¹⁰См.: Woodward B. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004.

¹¹Ibid.

¹²DeYoung K. Soldier: The Life of Colin Powell. New York: Alfred A. Knopf, 2006. P. 375.

¹³См.: Douglas F.J. War and Decision: Inside the Pentagon at the Dawn of the War on Terrorism. New York: Harper Collins Publishers, 2009.

¹⁴The 9/11 Commission ...

¹⁵Ibid. P. 87-119.

¹⁶The US vice president, Dick Cheney, delivered this speech to the Veterans of Foreign Wars (VFW) national convention in Nashville, Tennessee. 2002 // <http://www.theguardian.com/world/2002/aug/27/usa.iraq>

¹⁷Report on the U.S. Intelligence Community's Prewar Intelligence Assessments on Iraq, 2003. P. 305 // [http://www.gpo.gov/fdsys/search/pagedetails.action?browsePath=108/SRPT/\[300%3b399\]&granuleId=CRPT-108srpt301&packageId=CRPT-108srpt301](http://www.gpo.gov/fdsys/search/pagedetails.action?browsePath=108/SRPT/[300%3b399]&granuleId=CRPT-108srpt301&packageId=CRPT-108srpt301)

¹⁸Hayes S. Case Closed: The U.S. Government's Secret Memo Detailing Cooperation Between Saddam Hussein and Osama bin Laden // The Weekly Standard. 2003. November 24 // <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/003/378fmxyz.asp>

Ключевые слова: механизм принятия внешнеполитических решений, Совет национальной безопасности США, советник по национальной безопасности, Государственный департамент США, государственный секретарь, Пентагон, министр обороны США, теракт 11 сентября 2001 г., война в Ираке.

Международная

ЖИЗНЬ

Московский Дипкорпус

Пабло Ансельмо Теттаманти:

«За этот долгий период на всем этапе развития истории отношений между двумя странами мы смогли преодолеть трудные моменты и укрепить наши отношения, основываясь на общности интересов и совпадении взглядов. Так было в XIX веке, когда только начинались наши отношения, так и в XX веке, когда в самом его начале российские граждане уезжали, чтобы обосноваться в Аргентине, а также во времена третьей волны иммиграции. Важнейшим событием, которое явилось вкладом в формирование нашей культуры, стало открытие первой православной церкви в Латинской Америке. Также подтверждением наших связей стало подписание первых соглашений в начале 1950-х или в середине 1970-х годов, что свидетельствовало об окончании периода инертности».

Пабло Ансельмо ТЕТТАМАНТИ

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Аргентинской Республики
в Российской Федерации

К 130-летию установления дипломатических отношений между Аргентиной и Россией

В октябре 2015 года Аргентинская Республика и Российская Федерация отметили 130 лет со дня установления дипломатических отношений между двумя странами. Инициаторами этого празднования стали президенты Кристина Фернандес де Киршнер и Владимир Путин, которые приняли это решение в рамках двусторонней встречи, состоявшейся 12 июля 2014 года.

Это позволило провести в текущем году многочисленные мероприятия и встречи, которые подчеркнули важность такой даты для обеих стран, как для Аргентины, так и для России.

В начале года в Камерном зале Московского международного Дома музыки был показан спектакль «Мария из Буэнос-Айреса», музыкальная лирическая постановка по произведениям Астора Пьяцоллы, которая прозвучала в исполнении оркестра «Виртуозы Москвы». В течение февраля зрители смогли увидеть другие танго-шоу в исполнении Арсетанго Академии в «Театриуме» под ру-

ководством Терезы Дуровой и, конечно, незабываемый замечательный концерт «Любовь и танго», состоявшийся в Концертном зале им. П.И.Чайковского.

В контексте президентского визита в Москву с 21 по 23 апреля этого года Президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер 22 апреля представила выставку «Эва Перон. Посол мира» в Государственном историческом музее Москвы. На торжественном открытии экспозиции присутствовал министр культуры России В.Мединский, и в течение месяца выставку смогли посмотреть многочисленные посетители. Также госпожа президент имела возможность посетить выставку, посвященную 70-й годовщине окончания Великой Отечественной войны, проходившую в соседних залах музея.

С 21 по 24 мая в Санкт-Петербурге проходил X Международный книжный салон, в котором Аргентина приняла участие и представила свой стенд. Участниками салона стали современные аргентинские писатели, участвовавшие в различных тематических «круглых столах», посвященных теме взаимного влияния литературы на развитие двух стран. В рамках этого мероприятия состоялся показ художественных фильмов «Пятый номер» и «Дикие истории», а также было организовано выступление аргентинской группы «Танго Метрополис».

В течение июня Москва и Санкт-Петербург стали площадками для проведения блестящих спектаклей известного оркестра аргентинского танго «Виктория» и выставки современной аргентинской фотографии «Человеческие пейзажи». Выставка была представлена семью аргентинскими фотохудожниками, целью которых было показать действительность жизни Аргентины и реального человека в его естественной среде обитания, и вызвала живой интерес у публики.

В рамках проведения двустороннего Года культуры в июле лирическая сторона была представлена выдающимся тенором Дарио Волонте, который с большим успехом гастролировал по городам - Санкт-Петербургу, Нижнему Новгороду и Москве.

13 октября в Институте Латинской Америки в честь 130-й годовщины установления дипломатических отношений между Аргентиной и Россией состоялось торжественное мероприятие, организованное Ученым советом института при поддержке Министерства иностранных дел России. В торжественном заседании, кроме специально приглашенных, также приняли участие руководители Мини-

стерства иностранных дел России, представители дипломатического корпуса и научные сотрудники института.

В контексте этих событий также недавно были завершены совместно с Институтом Латинской Америки перевод на русский язык и издание книги «Международное сообщество и вопрос Мальвинских островов». В книге изложены исторические факты, события и содержатся международные юридические документы, призывающие к возобновлению прямых переговоров между Аргентиной и Соединенным королевством по данному вопросу. Вскоре предполагается ее презентация и последующее распространение на всей территории России. Издание этой книги признает постоянную историческую поддержку России призыву международного сообщества к тому, чтобы вопрос Мальвинских островов был решен путем прямых переговоров с Соединенным королевством, и воздает должное такой поддержке.

20 октября министр иностранных дел Сергей Лавров торжественно открыл в атриуме МИД России, и на следующий день то же самое сделал министр иностранных дел Эктор Тимерман в Буэнос-Айресе, во Дворце Сан Мартина, где располагается Министерство иностранных дел и культов, совместную выставку архивных документов. Выставка явилась результатом начатых работ в рамках подписанного во время президентского визита в Москву в апреле 2015 года двустороннего соглашения о сотрудничестве в области архивов, что демонстрирует глубокое и эффективное развитие истории наших отношений.

21 октября между Президентами Кристиной Фернандес де Киршнер и Владимиром Путиным состоялась беседа в формате видеоконференции по случаю празднования этой важной для двух стран даты. Прямой диалог транслировался по телеканалам. Оба президента отметили прочность и перспективы стратегического партнерства между обеими странами.

Кроме вышеуказанных и других важных мероприятий, которые еще предстоит провести в России до закрытия Года культуры, необходимо отметить, что празднование 130-летия установления дипломатических отношений является выражением единства интересов и общности разделяемых ценностей, которые могут быть с легкостью признаны и уже нашли отражение во взаимоотношениях между руководителями и в социальной структуре, связывающей народы двух стран на протяжении многих лет.

За этот долгий период на всем этапе развития истории отношений между двумя странами мы смогли преодолеть трудные моменты и укрепить наши отношения, основываясь на общности интересов и совпадении взглядов. Так было в XIX веке, когда только начинались наши отношения, так и в XX веке, когда в самом его начале российские граждане уезжали, чтобы обосноваться в Аргентине, а также во времена третьей волны иммиграции. Важнейшим событием, которое явилось вкладом в формирование нашей культуры, стало открытие первой православной церкви в Латинской Америке. Также подтверждением наших связей стало подписание первых соглашений в начале 1950-х или в середине 1970-х годов, что свидетельствовало об окончании периода инертности.

Эти основы отношений стали фундаментом официального визита в Москву в апреле этого года Президента Кристины Фернандес де Киршнер, когда вместе с Президентом Владимиром Путиным они подписали Заявление об установлении между странами всеобъемлющего стратегического партнерства. Согласно этому документу, оба президента совпадают во мнении о том, что отношения между двумя странами достигли качественно нового исторического уровня, зарегистрировав значительные успехи в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, что является свидетельством твердой политической воли и исторической дружбы между нашими народами.

На данном этапе наши отношения были также подтверждены подписанием более чем 20 соглашений в различных сферах деятельности, среди которых необходимо упомянуть планы взаимодействия в различных областях: политической, торгово-экономической, научно-технологической, промышленной, сельскохозяйственной, в сфере рыболовства и аквакультуры, военной сфере, в области окружающей среды, архивной, финансовой; также программы и проекты по мирному использованию атомной энергии и космического пространства, традиционных источников энергии, и в областях связи, туризма, геологии и горнодобывающей промышленности. Все эти сферы деятельности послужили основой для активной программы, которая продолжает постоянно развиваться и расширяться, и свидетельством этому является также укрепление парламентского сотрудничества.

Все реализованное в течение этого года, в котором отмечается 130-я годовщина установления дипломатических отношений меж-

ду двумя странами, является еще одним важным историческим моментом в развитии двусторонних отношений, отмеченных дружбой, сотрудничеством и взаимной поддержкой. Вне всяких сомнений является то, что с таким богатым прошлым и таким динамичным настоящим мы предвидим будущее с еще более общими взглядами, совпадением интересов и реализацией потенциальных возможностей наших двух стран.

Ключевые слова: 130 лет дипломатическим отношениям между Аргентиной и Россией.

Международная

ЖИЗНЬ

Мир вокруг нас

Николай Литвак:

«В контексте недавней «арабской весны» классическим, причем скандально выплеснувшимся на страницы медиа, стал пример Туниса. Сначала посольство занималось там сбором информации о «мерзостях» режима Бен Али. Затем, когда Париж стал считать, что он - надежный оплот противостояния исламскому интегрizmu и нелегальной миграции во Францию, эта задача перестала быть основной».

Борис Зарицкий:

«Особая заинтересованность крупных немецких корпораций в создании зоны свободной торговли с США понятна. Именно они обеспечивают львиную долю национального экспорта, который остается «локомотивом» экономики ФРГ. За пределами ЕС Соединенные Штаты являются крупнейшим рынком сбыта для германских производителей».

Дина Малышева:

«Ныне Россия ставит перед собой в Средиземноморье куда более скромные задачи по сравнению с теми, которые преследовал в этом регионе Советский Союз, претендовавший на поддержание военно-стратегического и политического паритета с Западом. Российская политика в отношении средиземноморских государств лишена также той сильной идеологической составляющей, которая была присуща внешней политике СССР».

Василий Филиппов:

«В начале нынешнего столетия классик постмодерна Жак Деррида с грустью констатировал: «Сколько бы другие государства ни избличали, ни обвиняли в нарушении права, в уклонении от права, во всевозможных перверсиях и девиациях те или иные rogue States [государства-террористы], одни США могут объявить себя гарантами международного права, инициировать войну, полицейские операции или, наоборот, сохранить мир, поскольку у них есть сила. Именно США и их союзники в этих действиях сами являются в качестве суверенных наипервейшими rogue States».

Эльдар Касаев:

«Анализ наиболее актуальных проблем России на европейском и азиатском газовых рынках позволяет сделать важные выводы. Позиции нашего государства в Европе по-прежнему весьма прочные, несмотря на политические ухищрения Еврокомиссии, часто действующей с подачи Белого дома».

Николай ЛИТВАК

Доцент кафедры философии
МГИМО МИД России,
кандидат социологических наук
jourfr@mail.ru

Информационные процессы во французской дипломатической службе

Французская дипломатия, как минимум, с Нового времени считалась (а многими считается и теперь) классическим образцом государственного внешнеполитического инструментария. Вплоть до того, что французский дипломатический протокол и французский язык долгое время были официальными протоколом и языком дипломатии в целом и, во всяком случае, дипломатической переписки*. Разумеется, что это - следствие результатов, достигнутых французскими дипломатами, основным содержанием деятельности которых была работа с информацией.

В этой связи как теоретический, так и практический интерес представляет рассмотрение современных информационных процессов в дипломатической службе Франции - страны, старающейся

*Французский язык пришел на смену латыни, хотя в дипломатическом лексиконе оказалось унаследовано немало латинских терминов. Что касается *этикета*, то в смысле «правил поведения» (по-французски *etiquette* - это этикетка, листок бумаги с данными) употребление этого слова началось при дворе Людовика XIV, когда гостям стали раздавать предписания, как себя вести в присутствии «короля-солнца».

идти в ногу с основными изменениями в мире, в том числе с научно-техническим прогрессом, и использовать дипломатию в качестве средства достижения целей, недостижимых другими способами. Тем более, что в XX веке в международных отношениях произошли коренные изменения, а развитие науки и технологий существенно повлияло на средства и содержание работы с информацией. Повлияло настолько, что ввод в действие 1 июля 2014 года официального государственного интернет-портала «Дипломатия»¹ был расценен наблюдателями как «переворачивание целой страницы французской дипломатической культуры: прыжок Кэ д'Орсэ в цифровую эру»², конец эпохи Шумана*. Ответственный за внедрение, директор информационных систем МИД Н.Шапюи назвал его «разрывом с пятью веками традиции»³. И это потому, что речь в данном случае идет не только о технической модернизации.

Изучение информационных процессов во французской дипломатической службе в условиях ее современной модернизации на основе новейших электронных средств информации и коммуникации (ЭСИК) - компьютеров, Интернета и соответствующего программного обеспечения - позволило установить три группы (текущих, возможных, промежуточных) результатов. Во-первых, многие базовые процессы остались без изменения, даже если некоторые из них теперь имеют другую форму, выглядят иначе. Во-вторых, появились действительно качественно новые стороны информационного процесса, которые уже оказывают влияние на ситуацию в целом. Наконец, в-третьих, стали заметны признаки регресса в этой сфере или, как минимум, обострения противоречий, появившихся на предыдущих стадиях развития.

1. Общая схема информационного процесса в МИД Франции** следующая:

Как составная часть госаппарата, внешнеполитический инструмент государства, МИД выполняет поручения политического руководства по передаче информации зарубежным контрагентам, поиску

*Премьер-министр и министр иностранных дел Франции, внесший основной вклад в создание Европейского союза, Совета Европы, а также НАТО, возглавляя именно МИД. В честь его дипломатических заслуг была названа предыдущая французская система электронной коммуникации и шифрования (2010 г.), вызвавшая, однако, много нареканий, в связи с чем и была разработана «Дипломатия».

**Здесь и далее МИД, сотрудники МИД, дипломаты, политики и граждане рассматриваются как участники информационных процессов.

информации по поставленным ему вопросам, собирает и изучает информацию о текущей ситуации за рубежом, составляет сценарии развития событий, прогнозы, формулирует предложения для достижения поставленных политическим руководством целей.

В 2013 году было завершено широкомасштабное (хотя и не всеохватывающее) социологическое исследование французской дипслужбы⁴, проведенное при поддержке и с разрешения МИД. Его авторы определили, что информация вообще - это представление факта или идеи, несущих новое, дополнительное знание, в принципе полезное адресату. Ими же были выделены следующие основные составные части информационной работы дипломатов: «собирать информацию, информировать, общаться»⁵.

Сегодня, как и последние примерно сто лет, типичный (но, конечно, разный в зависимости от страны пребывания) ежедневный массив входящей информации в посольствах состоит из дипломатических телеграмм (ДТ), около 20 местных газет, дайджеста местной прессы и сообщений АФП, реже - нескольких теле- и радиоканалов. Кроме того, один или несколько раз в месяц поступают пять-шесть местных журналов и документы из Центра (диппочтой). Вся эта информация классифицируется и расценивается с точки зрения текущих решаемых задач - то, что актуально, читается и изучается в первую очередь. Но в независимости от важности и актуальности вся информация из медиаисточников планомерно архивируется. Важное отличие в этом смысле существует в постпредствах при международных организациях: там внимание к медиа весьма ограничено, за исключением специализированных для конкретных международных организаций изданий.

Однако предпочитаемый дипломатами источник качественной информации - это контакты с людьми, особенно с действующими лицами досье, с которыми идет работа. В связи с тем, что каждый сотрудник ведет свои вопросы, у него складывается и соответствующий круг контактов. На это разделение направлений накладывається иерархическая, должностная разница, то есть необходимость соблюдения статусных уровней при общении (министры - это уровень посла, а не советника, чьим уровнем может быть помощник министра). Хотя и в первом, и во втором случаях границы не определены слишком четко. В дипломатический лексикон теперь вошел и термин «сети», к которым, как часто говорят французские дипломаты, необходимо «подключиться» для получения качественной ин-

формации. При этом они имеют в виду не какое-то конкретное сообщество, а набор собеседников, общение с которыми дает хорошую картину для досье, с чем дипломат работает*. Как правило, создание такой группы - это не простой, а длительный процесс. Поэтому всегда вновь прибывший дипломат опирается на уже существующую сеть, которую ему оставляет предшественник.

На ежедневных и еженедельных совещаниях в посольствах и постпредствах по-прежнему происходит основной обмен этой получаемой разными сотрудниками информацией, а также ее обсуждение, причем как по горизонтали (между различными подразделениями, секциями посольства), так и по вертикали (между сотрудниками разных рангов и должностей).

Хотя теперь все дипломаты имеют возможность работать в единой компьютерной сети «Дипломатия» (об этом ниже), пока нельзя говорить о радикальном изменении в доступе к информации, поскольку, как и прежде, он строго контролируется. То есть стать членом того или иного сегмента сети (по стране, региону или проблеме) можно только с разрешения начальника, которое исполняется техническим администратором соответствующего ресурса.

Выполнение следующей функции - информирование Центра - заключается в составлении соответствующих документов, прежде всего ДТ. Несмотря на компьютеризацию создания и движения большинства внутренних документов, продолжают действовать многие традиционные механизмы в этой сфере. Во французском МИД применяются иерархический контроль (количество уровней которого зависит от размера и структуры подразделения), стандартизация документа (исходного и конечного) и его языка, процедур работы с информацией, квалификации сотрудников и координация производителей и получателей информации с целью улучшения качества работы.

Любой, даже самый срочный документ, должен быть завизирован всеми, кому это положено, то есть фактически всеми начальниками, стоящими над непосредственным его автором, выполняющим, в свою очередь, поручение высшего начальника, за чьей подписью этот документ пойдет адресату. Причем речь идет не только о про-

*Важно, что это касается не только иностранцев. Такие сети контактов необходимы дипломату и в собственном МИД, и в других французских же государственных, и даже общественных организациях.

верке с целью недопущения неверной или неточной информации, искаженной позиции или стилистической правке, но и о разделении ответственности и даже потенциальной защите всех нижестоящих сотрудников от обращения к ним напрямую, тем более со стороны чиновников, в том числе высших, из других госструктур. То есть любой дипсотрудник всегда может (и должен) сослаться на необходимость согласования чего бы то ни было с начальством, которое, таким образом, всегда в курсе любых запросов, попыток получить информацию не формализованным путем (через официальный запрос соответствующего уровня)⁶.

Упомянутая стандартизация является весьма непростым занятием. Если в самом министерстве еще более-менее можно установить формы справок и других документов, то документы, поступающие извне, весьма разнообразны. Поэтому сотрудники, получающие такие документы, - от секретаря экспедиции до адресата, фамилия которого может быть указана на послании непосредственно, - должны обладать знанием, как работает все министерство, чтобы классифицировать, «расписывать» документы тем, кому они могут быть нужны. Довольно распространенной практикой является письменное закрепление некоторых правил, процедур. В современных корпорациях - это обязательный элемент интеллектуального капитала (кстати, являющегося их собственностью). Но в МИД такие правила носят во многом факультативный характер, не определены каким-либо приказом, обязательным к исполнению.

Характерным примером является «Справочник советника», созданный и обновляемый сотрудниками постпредства Франции при ЕС по собственной инициативе. В нем подробно изложены правила и процедуры, выработанные на основе многолетнего опыта, которые необходимо знать и выполнять, чтобы эффективно добиваться поставленных задач при работе в организации с десятками государств, входящих в эту международную организацию. Хотя, конечно, некоторая формализация существует, причем и по процедурным вопросам работы с информацией. Например, вновь назначенный посол Франции получает инструкции от генерального секретаря МИД, частично сформулированные на основе отчета его предшественника. Через полгода после вступления в должность посол представляет собственный план своей работы на весь предстоящий срок, который одобряется генеральным секретарем. В конце командировки посол пишет отчет о том, что сделано, что еще осталось сделать и что надо было бы сделать.

Другой пример - генеральный секретариат регулярно рассылает указания о ДТ, их своевременности, размере, лаконичности и прочее. Гораздо менее формализованы правила написания справок и других подобных документов. Опыт их создания приходит только со временем посредством создания большого их количества при содействии других опытных дипломатов, редактирующих справки новичков, общающихся с ними, разъясняющих нюансы этого вида информационной работы.

Что касается координации, то, кроме прежде всего смыслового согласования, понимания всеми, о чем идет речь, какие задачи поставлены и т. п., посредством регулярных совещаний (от ежедневных и еженедельных у посла и директора департамента до ежегодных совещаний послов под руководством министра, открываемых Президентом Республики), проводится работа и по согласованию, выработке (иногда совместно) терминов и формулировок, которые используются руководителями и предлагаются, таким образом, к использованию и всеми остальными сотрудниками. Кроме того, на дипломатах лежит ответственность в восприятии информации на других, иностранных языках, а также перевод на них. Особое внимание - подготовке идентичных документов на нескольких языках. К ставшему уже давно классическим случаю относительно резолюции 242 СБ ООН по палестинской проблеме теперь добавился, очевидно, не менее классический - о резолюции 1373 по Ливии. Кроме языковых тонкостей, речь всегда идет и об интерпретации сказанного и написанного. Вплоть до того, что дело может закончиться новыми переговорами - теперь уже по интерпретации результатов (документов).

Наконец, еще одним видом координации и согласования является и сама организация работы, в частности в центральном аппарате, когда младшие сотрудники располагаются в основном по двое в кабинете и должны быть в курсе, чем занимается сосед, чтобы заменить его в случае необходимости. По некоторым оценкам, время, которое уходит на всякие согласования, может достигать трети от всего, затрачиваемого на документ (посмотреть прежние образцы, обсудить с коллегами, узнать, кому и в какой удобный момент его показать и предварительно согласовать, потому что они потом будут его читать, и проч.).

2. Внедрение новых видов ЭСИК породило качественно новые аспекты рассматриваемого информационного процесса. Французская дипломатическая служба сегодня насчитывает 22 тыс. сотруд-

ников, работающих в центральном аппарате МИД и его загранучреждениях - 162 посольствах, 16 постоянных представительствах при международных организациях, 91 генеральном консульстве и консульстве и 133 консульских отделах посольств и еще большем количестве учреждений культурного сотрудничества⁷.

Все они, как и сотрудники практически любых других структур современного общества, особенно государственных, говорят о настоящем «потопе» из документов, который все больше захлестывает все вокруг. Разработка портала «Дипломатия» явилась попыткой МИД справиться с этой проблемой современными средствами. Объем задач предопределил время, которое потребовалось для осуществления проекта. О разработке системы с целью прежде всего повышения эффективности работы с документооборотом объявил в ноябре 2011 года тогдашний министр А.Жюппе (девиз проекта - «эффективность и безопасность»).

В свою очередь, эта инициатива находится в контексте общеполитического видения ситуации, выраженного, в частности, в «Белой книге по внешней и европейской политике Франции»⁸, подготовленной специальной комиссией во главе с А.Жюппе и Л.Швейцером по поручению Президента Республики и опубликованной в 2008 году. В заключении, сделанном комиссией, подчеркивается «фундаментальная важность дипломатии влияния в контексте глобального соревнования идей, ускоряемого развитием цифровых коммуникационных технологий».

Прежде всего, следует разделить два огромных потока информации - внутренний (для системы министерства и его загранучреждений) и внешний. Сегодня МИД Франции получает примерно 1 тыс. дипломатических телеграмм в день. Ежемесячно, хотя и с разной регулярностью из загранпредставительств дипломатической почтой доставляются еще десятки тысяч страниц документов. Количество электронных сообщений оценивается в 12,5 миллиона в месяц⁹. В массив входящей информации все чаще попадают интернет-источники (блоги, новостные и аналитические сайты). В МИД, при приоритетной роли ДТ, с начала 2000-х годов (т. е. еще до «Дипломатии») росло использование постоянно улучшаемого Интранета (внутренней сети), электронной почты, списков рассылки, что обеспечивало все более быстрое движение информации, а также - менее запротocolированное и иерархичное (т. е. не всегда визируемое всеми вышестоящими, как в случае с формальным бумажным документом).

Именно это и являлось второй (помимо документооборота) ключевой задачей новой информационной системы - создание сети коммуникации между всеми дипломатическими сотрудниками, а также с внешними, неминистерскими контактами. Теперь все сотрудники в центральном аппарате и за рубежом стали работать в единой сети (через запароленный вход на портал «Дипломатия») с возможностью, таким образом, сетевого, то есть совместного, общения и доступа к документам. Дипломаты в загранпредставительствах получили доступ к концентрированным интеллектуальным ресурсам, своего рода коллективной памяти, собранной и структурированной, можно сказать, в своеобразном бэк-офисе - своем МИД. Сотрудники высказывались о том, что применение электронных средств массовой коммуникации упрочивает чувство общности работы¹⁰. Так что некоторые наблюдатели провозгласили конец эпохи сверхзакрытости МИД, совершившего свою «Фэйсбук-революцию», создав большой сегмент «облачного государства», хранящего данные в распределенном, общедоступном, но внешнем для пользователей серверном сетевом «облаке».

Поскольку новые ЭСИК были взяты на вооружение и журналистами, для дипломатов возникла новая ситуация - медиа неожиданно оказались их конкурентами с точки зрения производства информации. Вплоть до того, что вновь оживилась дискуссия о роли и месте дипломатии вообще или, как минимум, по сравнению с прошлыми эпохами. В самом центральном аппарате все больше мнений, что ДТ из посольств мало чем отличаются от хороших обзоров медиа и лишь немногие содержат действительно редкую информацию от доверительных контактов. Защищаясь, один из послов объясняет это тем, что иногда и пресса пишет интересные вещи, которые заслуживают внимания¹¹.

Как следствие, журналисты стали конкурировать с дипломатами и в оказании влияния на политические решения, в том числе быстрее предоставляя больше информации. Конечно, их информация отличается от дипломатической. Но, например, журналистов АФП в Вашингтоне просто больше, чем французских дипломатов, у них гораздо шире круг контактов. Кроме того, руководители крупных компаний все чаще сами встречаются с главами государств, не уведомляя об этом заранее французских послов. Наконец, сам Президент Республики берет журналистов с собой в официальные зарубежные поездки, обеспечивая их пусть не полным, но прямым доступом к

определенной информации, а сам, в свою очередь, также получает прямой доступ к ее источникам.

Чтобы не оказаться за бортом прямых двусторонних отношений, прямого обмена информацией между правительственными органами и прочее, дипломаты используют современные средства - подключаются к специализированным социальным сетям и информационным сайтам для мониторинга информации по двусторонним отношениям, которая может ускользнуть от посольства ввиду интенсификации контактов или просто высокой скорости, с которой о событиях пишут медиа.

3. По свидетельству своих сотрудников, нынешний (с 2012 г.) министр иностранных дел Лоран Фабиус не читает более трех-четырех телеграмм в день. При этом он постоянно требует показывать, если есть, ДТ от Ж.Аро*. То есть количество реально учитываемой, принимаемой во внимание информации чрезвычайно мало по сравнению с общим ее объемом. Это обусловлено такими факторами, как актуальность, в том числе определяемая высшим политическим руководством страны, качество работы секретариата министра, отбирающего и готовящего для него информационные материалы, наконец, личный фактор, включая физическую работоспособность министра и его сотрудников.

Передача информации между дипломатами, посольствами и МИД происходит в разных формах, но самой важной из них являются ДТ. И дело не только в их защищенности (зашифрованности), но, главным образом, в том, что этот официальный документ попадает в сеть очень четко ограниченного круга - читателей самого высокого политического уровня. Это обстоятельство имеет неоднозначные следствия. С одной стороны, качество ДТ создает репутацию их авторам, как правило, накапливаемую. Это иногда приводит к тому, что адресаты постепенно стараются обращать внимание на телеграммы прежде всего таких авторов¹². При этом рост количества документов, информации не сопровождается таким же ростом ее содержания. Желание стать замеченным, оценка работы диппредставительства по количеству ДТ может побудить посла поощрять сотрудников их писать, в том числе разбивая один текст на несколько и т. п. Кроме краткого,

*Посол Франции в США, до этого - постоянный представитель при ООН, имеющий в МИД репутацию «золотого пера».

ясного языка и качественного содержания, ценится также скорость реакции на актуальные события (т. е. как быстро посольству удастся «отписаться» по возникшей теме), сообщение об успехе предпринятых инициатив¹³. Хотя официально посольства обязаны сообщать в Центр всю информацию, которая может быть полезной для осуществления внешней политики.

Очевидно, основная проблема мгновенной скорости коммуникации и растущего объема документов, усугубляемая большим количеством стран и частыми случаями неожиданного и бурного развития событий в современном мире, - дефицит времени, что плохо сочетается с иерархическими механизмами и просто человеческими возможностями. По подсчетам Н.Шапюи, работа только с электронной почтой - открыть, прочитать, ответить, переслать - сегодня ежедневно занимает по три часа рабочего времени сотрудника. Одним из следствий этой комплексной проблемы становится усложнение, особенно для дипломатов, работающих в посольствах, такой важной традиционной функции, как верификация информации, самого медиаисточника, не говоря уже о правильном понимании или выяснении истинного смысла написанного или сказанного. При этом остаются страны (французы приводят пример Ирана и Северной Кореи), в которых медиаинформации мало и сейчас, а, следовательно, личные контакты остаются основным способом получения информации.

В связи с тем, что растет поток как ДТ и традиционной документарной информации, передаваемой диппочтой, так и медиаинформации, электронной почты, разговоров по телефону, видеоконференций и прочее, каждому документу, сообщению уделяется все меньше внимания, то есть снижается ценность каждого документа, сообщения, контакта. Электронные СМК также чрезвычайно минимизируют личное общение с другими сотрудниками, особенно в Центре, как потому, что резко возросло количество сообщений, так и потому, что сообщения прямо заменяют личные разговоры. Некоторые дипломаты считают, что это приводит к снижению эффективности работы¹⁴.

Потенциальная возможность доступа по сети к любым документам, как и прежде, жестко контролируется начальниками. Но сверх того, электронная форма документов и доступа к ним позволяет теперь собирать данные совершенно нового качества. Стало возможным, причем в режиме реального времени, знать, кто, когда, а сле-

довательно, и сколько раз, как часто заходит на те или иные ресурсы, смотрит те или иные документы, искать корреляцию этих просмотров с просмотром других документов этим же пользователем и его коллегами и многое другое. То есть контроль становится тотальным и ограничен лишь творчеством и энтузиазмом контролеров (понятно, что предположение о возможности анонимности в Интернете вообще, а тем более в локально администрируемой сети, - это, конечно, не более чем наивный дилетантизм). К тому же появляется новый вид неравенства, связанный с подключением к сети, местом в списке рассылки, поскольку не всех везде включают. Хотя, в общем, допуск к информации всегда был ограничен. Но при этом у сотрудников все больше соблазна отправить и получить в ответ электронное письмо вместо длинного бюрократического пути.

Неясными представляются перспективы проблемы безопасности и в целом. Само увеличение потока сообщений, в первую очередь электронных, делает практически невозможным отслеживание содержания каждого из них (фактически число контролеров должно приближаться к числу пишущих сообщения, не говоря уже о проблеме анализа групп пользователей). С этой точки зрения, канализация электронной почты в одну систему (портал «Дипломатия») позволяет, конечно, хотя бы ограничить ее рамками одной сети, то есть прекратить использование любых других почтовых служб.

Вместе с тем остается нерешенной проблема перехвата сообщений при подключении ко всей сети или ее сегментам через каналы передачи сообщений или отдельные точки доступа. Конечно, как и в случае с ДТ, вся переписка в «Дипломатии» передается в зашифрованном виде, а доступ запаролен. Тем не менее прецеденты Б.Мэннинга (WikiLeaks) и Э.Сноудена показывают, что, во-первых, перехватывается любая, в том числе и дипломатическая, переписка, а во-вторых, с любыми документами работают люди, которые, будучи сотрудниками служб, теми самыми контролерами, призванными не допускать утечек информации, иногда эти самые утечки и организуют. В «Дипломатии» же теперь сконцентрированы и находятся пусть и в закрытом, защищенном от посторонних доступе не только текущие электронные сообщения, но и справки, и ДТ (по сведениям прессы, ежедневно на портал выкладывается 20 наиболее важных, отобранных из общего потока).

Количество документов, само количество сотрудников, распределенных в сети министерства и его загранпредставительств, чрез-

вычайно велико в сравнении с информационными возможностями одного человека. И специализация, а тем более «тейлоризация» этого процесса весьма ограничена, поскольку требует, наоборот, широкого кругозора каждого дипломата. Наблюдение за работой советников посольств и сотрудников центрального аппарата МИД привело социологов к выводу о постоянной колоссальной когнитивной перегрузке дипломатов из-за сверхчастого прерывания деятельности (звонки, встречи, сообщения, в т. ч. не имеющие отношения к работе), смены задач. Часто и сам сотрудник поступает так: например, во время утреннего чтения ДТ он внезапно может перейти к работе над справкой или отчетом и, не закончив, начать смотреть в Интернете какую-то информацию, при этом одним глазом следя за постоянно включенным в кабинете телевизором (чаще с выключенным звуком), а затем вернуться к чтению ДТ. Только написание ДТ, как правило, происходит с наименьшим отвлечением на другие дела.

С точки зрения социологии обычного труда это - сильнейшая его фрагментация, которая выглядит как растрата сил. Социологи объясняют это, во-первых, стремлением не отстать от новостей, приводящим к эффекту «приклеенности» к монитору из-за боязни что-то пропустить. Чем выше ранг сотрудника, тем чаще он может поручить эту «бдительную» работу кому-то из подчиненных. Далее, такая работа с информацией может служить средством борьбы с ежедневной рутинной и скукой и сохранить на целый длинный рабочий день ритм быстрой работы. Наконец, такая форма фрагментации деятельности может в итоге облегчить интеграцию дипломатом информации из очень разных источников каким-то общим его видением¹⁵.

При всей важности технических и организационных аспектов, основные из которых были рассмотрены выше, ключевым для информационного процесса дипслужбы является ценностный фактор, определяющий не только направления и результаты, но даже и сами формы работы. Иерархически последовательно его можно определить как *интересы* государства, ведущих политических сил, руководящих политиков. В контексте государственного управления информация нужна не любая, а предназначенная и способствующая выполнению соответствующих функций и задач. То есть речь не просто о каких-то фактах, но о фактах отобранных, надлежащим образом обработанных, оформленных и прокомментированных, в

соответствии с целями, поставленными высшим политическим руководством. В связи с чем, согласно французским социологам, и дипломатическая информация имеет политический оттенок. Дипломаты не собирают как попало и какую попало информацию, а отбирают ее в соответствии с основным политическим курсом.

В контексте недавней «арабской весны» классическим, причем скандально выплеснувшимся на страницы медиа, стал пример Туниса. Сначала посольство занималось там сбором информации о «мерзостях» режима Бен Али. Затем, когда Париж стал считать, что он - надежный оплот противостояния исламскому интегрizmu и нелегальной миграции во Францию, эта задача перестала быть основной. События 2011 года были расценены политиками и общественным мнением как неожиданные, непредвиденные и прочее; французская дипломатия, ее информационно-аналитическая функция оказалась в фокусе критики, в СМИ Франции произошел всплеск острой полемики между журналистами, политиками и дипломатами. Кроме предсказуемых в таких случаях и порой излишне эмоциональных обвинений в некомпетентности и халатности (которые политическое руководство попробовало погасить заменой посла в Тунисе и даже самого министра), дискуссия все же переместилась в конструктивное русло - а как вообще можно и нужно эффективно работать с информацией?

В результате оказалось, что важны не только наличие информации, ее качество и оценка, но и, казалось бы, технический фактор - коммуникация между участниками процесса, и, конечно, ценности, на основании которых принимаются решения. В дискуссии посол в Тунисе был обвинен в неправильной оценке серьезности ситуации, что, в свою очередь, было обусловлено недостаточностью и односторонностью его источников информации - за два года, предшествовавшие рассматриваемым событиям, он ни разу не встречался ни с кем из представителей оппозиции (конечно, официальной). Поэтому «был абсолютно далек от тунисского общества»¹⁶. То есть политические руководители пожаловались на недостаток информации, поступающей от дипломатов.

Однако в ответ, что весьма нетипично, сразу несколько послов в отставке выступили с аргументированным опровержением. Посол в Тунисе в 2002-2005 годах И.Обан де ла Мессюзьер заявил, что в действительности посольством и МИД высшее политическое руководство Франции было прекрасно информировано о сути и пробле-

мах режима Бен Али¹⁷. Но иметь ту или иную даже очень полную и достоверную информацию о том, что происходит в том или ином зарубежном государстве, еще не означает действовать на ее основе, поскольку политические решения принимаются из более фундаментальных соображений (которые уже названы выше). Поэтому власти могут слышать только то, что хотят или готовы услышать. Это иногда вызывает и такое негативное следствие, как подготовка некоторыми дипломатами отчетов, которые отражают точку зрения таких властей, а не реальное положение дел*.

Общий вывод социологов заключается в необходимости всегда помещать любую информацию в конкретный общеполитический контекст, потому что на ее основе будут приниматься решения политиками, как правило, не специалистами в узких вопросах, да к тому же еще и из разных ведомств. Учитывать мнения тех, кто будет читать ДТ, особенно при несовпадении информации и ожиданий адресатов, - большое искусство.

Все эти проблемы относятся и к такому виду дипломатической деятельности, как переговоры. Причем, кроме официальных, межгосударственных, «институциональных» переговоров, профессиональные французские дипломаты считают переговорами также любые отношения с любыми организациями и людьми. Одни эксперты полагают, что такова специфика компетенций дипломатов, их технология работы, ноу-хау¹⁸, другие - что французские дипломаты просто банализировали понятие переговоров¹⁹.

Однако и носителем ценностей, и центральной фигурой как информационного общества, так и информационных процессов в дипломатии является человек, дипломатический сотрудник. Дипломаты современной Франции - это практически без исключений чрезвычайно развитые интеллектуально и подготовленные профессионально люди, приложившие, без преувеличения, огромные усилия, чтобы попасть на эту работу. Прежде всего это отличная общеобразовательная подготовка, включающая для гуманитарных специальностей весьма глубокое изучение философии еще в школе, развивающее рациональное, логическое, самостоятельное мышление, работу с массивами документов²⁰. Опять-таки практи-

*Это, помимо прочего, приводит к тому, что такие дипломатические сотрудники становятся «козлами отпущения», на которых власти списывают ошибки в случае неудач.

чески обязательная учеба в ЕНА* или Сьянс-По**. Затем конкурс в МИД и в самом МИД, например «восточный». Причем те, кто стремятся именно в это министерство, проявляют, таким образом, огромную мотивацию, отказываясь от других карьер, куда достаточно просто их диплома и/или места в рейтинге выпускников из подобных вузов.

Все это является результатом большой работы, проводимой министерством на стратегическую перспективу, - привлечь и отобрать кадры, которые составят его основу через несколько лет и десятилетий. С этой целью многие высокопоставленные сотрудники (сегодня это в первую очередь Э.Коше***) периодически встречаются со студентами специализированных вузов, рассказывая о внешней политике Франции и профессии дипломата в рамках специальной программы «За стенами Кэ д'Орсэ»²¹. Основной принцип подбора молодых кадров - посредством очень жесткого отбора (итоговые оценки лучших вузов и вступительные тесты в МИД), причем даже на технические должности, принять самых лучших в смысле высокой культуры, интеллектуально развитых и работоспособных, умеющих учиться. Потому что такие кадры могут затем усвоить любое конкретное направление работы.

При этом МИД все более отдаёт себе отчет, что набирает не дипломатов, а *будущих* дипломатов. После отбора происходит погружение новичков в профессию. В 1993 году в составе Департамента кадров МИД в городе Нанте был создан Институт административной и консульской подготовки (L'Institut de Formation aux Affaires Administratives et Consulaires, IFAAC). Более чем за 20 лет в нем прошло обучение свыше 6 тыс. сотрудников, получивших прежде всего специальные знания по текущей консульской работе и бухгалтерии заграничных учреждений. Потребность в таких специалистах вызва-

*Национальная школа администрации (l'Ecole nationale d'administration, ENA) - ключевой вуз по подготовке высших государственных чиновников с чрезвычайно трудными условиями поступления, учебы и выпускных экзаменов.

**Приблизительный аналог нашего МГИМО - система из десяти Институтов политических исследований (Les instituts d'études politiques (IEP), наиболее известный из которых - парижский (L'Institut d'études politiques de Paris (IEP de Paris), чаще фамильярно называемых «Sciences Po», «Сьянс По».

***Emmanuel Cocher - бывший начальник отдела Департамента кадров МИД (chef de bureau à la Direction des Ressources Humains), а ныне - заместитель начальника Департамента стратегических вопросов, безопасности и разоружения МИД (directeur adjoint des Affaires stratégiques, de Sécurité et du Désarmement de la direction générale des affaires politiques et de sécurité au ministère des Affaires étrangères).

на тем, что за рубежом проживает более 2,5 млн. граждан Франции, которым государство стремится оказывать качественные консульские услуги. И еще гораздо больше иностранцев ежегодно посещают Республику. В 2010 году был организован Дипломатический и консульский Институт МИД (L'Institut diplomatique et consulaire, IDC) - в некотором смысле аналог наших МГИМО и Дипакадемии. Он предлагает слушателям два курса - базовый, теперь обязательный для всех новых сотрудников МИД, и курс переподготовки для тех, кто находится примерно в середине своей дипломатической карьеры²².

В 2006 году во Франции впервые был составлен перечень государственных профессий и должностей (Le Répertoire interministériel des métiers de l'Etat, RIME) в количестве 261, разделенных на 26 функциональных разделов. Дипломатический раздел состоит из десяти должностей - от переводчика до посла. В качестве наиболее важных примеров приведем информационные требования к двум ключевым должностям:

- политический советник (Conseiller politique - FPEDIP03)²³ должен анализировать политическую ситуацию, разъяснять французскую позицию и составлять синтетические (обобщающие) документы. С этой целью в круг его основной деятельности входят постоянные контакты с МИД и посольствами иностранных государств, обмен с местными властями официальными документами, регулярный анализ ситуации в стране пребывания и ее значения для Франции, контакты с дипломатами других стран (тесные - с коллегами из стран ЕС), представителями политических и общественных кругов страны пребывания. Политический советник должен уметь понимать различия культурного контекста, поддерживать качественные личные отношения в этом другом культурном контексте, писать синтетические (обобщающие) документы, анализировать и прогнозировать, вести переговоры. Политический советник должен знать английский язык и язык страны пребывания, страну и регион (историю, устройство, международные отношения), многостороннюю европейскую проблематику, основные национальные и международные медиа;

- посол - руководитель дипломатического представительства (Ambassadeur-chef de poste diplomatique - FPEDIP01)²⁴ - представляет Францию, развивает французское влияние, информирует и координирует французские службы за рубежом или при международных организациях. Среди видов его основной деятельности (обратим-

ся только к имеющим отношение к информационному характеру): представление французских властей за рубежом*, всестороннее информирование французских властей о стране аккредитации, информирование страны аккредитации о французской позиции, ведение диалога с иностранными властями, усиление французского присутствия в стране аккредитации, переговоры и подписание международных договоров. Посол должен уметь руководить коллективом, вести с ним диалог, вести общение в другом культурном контексте, быть посредником, вести международные переговоры. Посол должен знать международный контекст, политические науки и международные отношения, несколько языков и иностранных культур, вопросы обороны и стратегии.

Но главное, на чем все настаивают, - что дипломатия это не ремесло, которому подобно большинству других профессий обучают практически кого угодно. Дипломатии учатся самостоятельно. Хотя и под руководством своего рода наставника, который, конечно, и передает некоторые секреты профессии. Обучение идет на практике через понимание того, что именно требуется в каждом конкретном случае, при составлении каждого нового документа, и это - всякий раз посредством своего рода рецензирования проделанной работы вышестоящими коллегами. Как пример, один из советников рассказал о глубокой признательности своему послу, который потратил личное время и отредактировал текст его первого публичного выступления в новой стране назначения, изменив не столько само содержание, сколько очередность подачи его аргументов, чтобы оно соответствовало локальной культуре. Процесс познания, например как и какие документы писать, весьма долговременный и в большинстве случаев болезненный (вышестоящие начальники все время правят их, исходя из самых разных соображений, что постигается только методом проб и ошибок на протяжении длительного времени).

*Большинство далеких от дипломатии людей, включая и студентов, собирающихся на дипслужбу, считают эту функцию основной, притом что никто из них не может пояснить, что это значит практически, как это осуществляется - представлять страну (точнее - руководителя государства, подписавшего верительные грамоты посла). В то время как это означает, причем только для самого дипломата, только то, что он должен в своих поступках и высказываниях постоянно отдавать себе отчет, что все это воспринимается, как сказанное от лица его государства (руководителя страны), как его (государства, а не лично посла, например) официальная позиция. Это существенно влияет на само мышление дипломатического работника.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Французская дипломатия в современных условиях (информационно более открытого общества, развития ЭСМИК) в целом отдает себе отчет о масштабе и скорости перемен в обществе и мире, старается вырабатывать и применять адекватные меры по модернизации в том числе информационных процессов с целью сохранить доверие к ней как к необходимому элементу государственной власти, а также как к профессиональному сообществу. Отсюда значимая техническая модернизация, присутствие в Интернете, максимально возможная открытость относительно деятельности министерства, большой объем информационного публично доступного материала. В новой ситуации главы государств и министерств и даже рядовые чиновники и «эксперты» все чаще общаются между собой напрямую. Это, помимо прочего, отражается и на бюджете французского МИД. Тем не менее Франция сохранила свою сеть диппредставительств и дипломаты участвуют в выработке лучших политических решений. Как самостоятельная исполнительная единица, МИД имеет собственную методику сбора, анализа и выработки информации, квалифицированные кадры, систему их подготовки.

2. Внедрение электронной коммуникации и компьютерного создания, хранения, поиска и обработки данных сделали практически мгновенной скорость доступа к ним. Однако привлечение техники к информационному процессу повлекло за собой и резкое увеличение количества сообщений (ввиду легкости их создания посредством копирования и небольшого изменения), в связи с чем обратно пропорционально, иногда критично для качества, уменьшилось время для работы с этими сообщениями.

3. Несмотря на все технологические новшества, ключевым элементом информационного процесса остаются люди - как заказчики информации, политики, желающие получать информацию, подтверждающую их текущие мнения, позиции, так и исполнители - дипломаты, у которых пусть не всегда, но получается совместить несовместимое - желания политиков с подачей объективной информации. Этот же человеческий фактор отчасти смягчает и новые проблемы, порождаемые новыми технологиями. Хотя методология работы с информацией и тем более документооборот внешнеполитической информации встроены в систему общегосударственного документооборота, его специфика (глубокая тематическая, межкультурная специализация) учитывается - дипломаты

вполне успешно представляют конечный продукт в форме, понятной вышестоящему руководству.

К специфике дипломатической информационной работы можно отнести особый тип внимания к собеседникам, источникам самой информации, основанный на понимании другой, отличающейся от собственной, культуры и потому - смысла, который несут высказывания и тексты партнеров по коммуникации, то есть обеспечение смыслового межкультурного перевода. А кроме того, искусство наблюдать, контролировать свои эмоции и привязанности, презентовать себя и вести переговоры, понимать смыслы, скрытые за символами, одним словом - «искусство работать с людьми»²⁵.

¹<http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/>

²Le Monde. 17.07.2014.

³Ibid.

⁴См. рецензию: *Литвак Н.В.* Блеск и нищета дипломатической работы // *Международная жизнь*. 2015. №3. С. 176-178.

⁵*Piotet F., Lorient M., Delfolie D.* Splendeurs et misères du travail des diplomates. Paris: Hermann, 2013. P. 336, 337.

⁶Ibid. P. 99.

⁷См.: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-ministere-en-chiffres/article/infographie-le-ministere-des-affaires-etrangeres-et-du-developpement>

⁸La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France. 2008-2020. La documentation française, 2008.

⁹Le Monde. 17.07.2014.

¹⁰См.: *Piotet F., Lorient M., Delfolie D.* Op. cit.

¹¹Ibid. P. 352.

¹²Такой же эффект был отмечен еще русскими дипломатами XIX в.: тогдашний мининдел Горчаков часто сам интересовался, нет ли сообщений от Леонтьева, который к тому же и послом не был. См. подробнее: *Литвак Н.В.* Презентация книги «К.Н.Леонтьев. Записки и донесения» // *Вестник МГИМО (У)*. 2013. №6. С. 322-323.

¹³*Piotet F., Lorient M., Delfolie D.* Op. cit. P. 355.

¹⁴Ibid. P. 373-374.

¹⁵Ibid. P. 378.

¹⁶Le Monde. 28.01.2011.

¹⁷Liberation. 26.01.2011.

¹⁸Cogan C. *Diplomatie à la française*. Paris, Éditions Jacob-Duvernet. 2005.

¹⁹Piotet F., Lorient M., Delfolie D. *Op. cit.* P. 391.

²⁰См. подробнее: Литвак Н.В. Философия как общеобразовательная дисциплина, находящаяся в поле конфликтов. Опыт Франции и России // *Конфликтология*. 2013. №4. С. 7-21; Литвак Н.В. Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции: учебно-методическое пособие / Н.В.Литвак. МГИМО (У) МИД России, каф. философии. М.: МГИМО-Университет, 2015.

²¹Programme «le Quai d’Orsay hors les murs». <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/evenements-et-actualites-du/le-quai-d-orsay-hors-les-murs/>

²²<http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/formation-des-diplomates-et-des-article/l-institut-diplomatique-et-107591>

²³http://rime.fonction-publique.gouv.fr/emploi-reference_conseiller-politique_21.html

²⁴http://rime.fonction-publique.gouv.fr/emploi-reference_ambassadeurchef-de-poste-diplomatique_19.html

²⁵Piotet F., Lorient M., Delfolie D. *Op. cit.* P. 495.

Ключевые слова: информация, дипломатия, Франция, французская дипломатия, информационные процессы, переговоры.

Борис ЗАРИЦКИЙ

Профессор кафедры мировой политики
и международного бизнеса Финансового
университета при Правительстве РФ,
доктор исторических наук
borsar@mail.ru

Трансатлантическое партнерство: позиция ФРГ

23 октября 2015 года в Майами (США) завершился 11-й раунд переговоров между ЕС и США о создании зоны свободной торговли. Полное название документа - Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), что отражает комплексный характер соглашения. Речь идет не только об устранении таможенных барьеров, но и о гармонизации стандартов и регулятивных норм, защите прав инвесторов, ограничении использования субсидий, равном доступе иностранных компаний к госзаказам и целом ряде других «чувствительных» тем. В конечном счете может быть создан новый мегаблок, на который приходится почти 40% мирового ВВП и треть товарооборота международной торговли.

Как и предыдущие раунды, 11-й проходил за «закрытыми дверями», и о его результатах известно немного. Судя по сообщениям печати,

Еврокомиссия предложила США ликвидировать 97% пошлин, существующих во взаимной торговле. В качестве ответной уступки Брюссель ожидает, что американская сторона согласится на облегченный доступ европейских компаний к рынку государственных заказов США. Чтобы найти развязку по одной из наиболее спорных проблем - право иностранных инвесторов подавать в суд на решения государственных органов принимающей страны, - Еврокомиссия предложила свою процедуру назначения арбитражных судей и порядок рассмотрения такого рода споров, включая возможность подачи апелляционной жалобы. О реакции американцев ничего не известно.

На итоговом брифинге главный переговорщик от Еврокомиссии Игнасио Гарсиа-Берсеро был на этот раз особенно лаконичен: достигнут «существенный прогресс» в обеспечении доступа на рынок компаний обеих сторон, ЕС и США «на один шаг приблизились» к достижению договоренности. Планируемый срок завершения переговоров - середина 2016 года, то есть до истечения полномочий нынешней американской администрации и очередных президентских выборов в США.

ПРОТИВНИКИ И СТОРОННИКИ

В Германии отношение к ТТИП в целом настороженное. Опасения, что соглашение с США приведет к снижению уровня защиты прав потребителей и социальных стандартов, получили среди населения широкое распространение. «Германия по вопросу об отношении к ТТИП расколота» - констатировал журнал деловых кругов ФРГ «Wirtschaftswoche»¹.

Опрос, проведенный в марте 2015 года в семи европейских странах, показал, что количество противников ТТИП в Германии существенно больше, чем у соседей. Еврокомиссар по торговле С.Мальмстром выразила по этому поводу недоумение: чего это, мол, немцы так разволновались, ведь Германия - европейский лидер по экспорту и больше всех выигрывает от соглашения. Главный социал-демократ страны, председатель СДПГ З.Габриэль, так прокомментировал причины недовольства соотечественников: «Германия слишком богата и истерична. Немцы довольны своим сегодняшним положением и не хотят перемен»².

Самая острая проблема, которая тревожит немцев (51%), - перспектива допуска на европейский рынок генномодифицированных

продуктов и выращенного с применением гормонов мяса из США. Вторая «болевая» тема (34%) - возможность снижения заработной платы и упрощения правил увольнения наемных работников.

Результаты опроса об отношении к ТТИП (март 2015 г.)

Страна	«За»	«Против»	Трудно сказать
Дания	29	11	61
Швеция	26	17	57
Финляндия	28	18	60
Великобритания	19	19	62
Норвегия	16	18	66
Франция	24	30	46
Германия	26	43	30

Источник: <http://www.yougov.de/news/2015/03/31/viele-deutsche-sind-gegen-ttip>

Организованное неправительственными организациями общеевропейское движение «Stop ТТИП», собравшее более 3 млн. подписей с требованием прекратить переговоры с США, пустило в Германии корни на благодатной почве. К нему весной этого года присоединилось Объединение немецких профсоюзов (ОНП), которое призвало своих членов принять участие в запланированных на октябрь этого года массовых демонстрациях и протестных акциях против ТТИП. Накануне переговоров в Майами, по разным источникам, в Берлине вышли на улицу от 150 до 250 тыс. человек. В Бундестаге с резкой критикой ТТИП выступает оппозиция - партия «Левые» и «Союз 90/Зеленые». Свободные демократы, правящие ХДС/ХСС и с некоторыми оговорками СДПГ поддерживают соглашение с США.

Канцлер ФРГ А.Меркель активно лоббирует договоренности с американцами. Трансатлантическому партнерству, по ее мнению, нет альтернативы, если Германия хочет остаться в группе мировых лидеров. В противном случае американцы отвернутся от Европы и сделают выбор в пользу Азии. Этот аргумент стал повторяться особенно настойчиво после подписания в начале октября этого года между США и 11 государствами АТР соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Если азиатский вектор в экономической стратегии США

окончательно станет доминирующим, пугает соотечественников немецкий канцлер, то Европа обречена на маргинализацию. Отсюда вывод: прорыв на переговорах о ТТИП должен быть достигнут любой ценой до конца 2015 года³.

Вынужденный считаться с настроениями в левом крыле своей партии и с позицией профсоюзов председатель СДПГ и нынешний министр экономики ФРГ З.Габриэль признает, что у германской общественности могут быть причины для настороженного отношения к готовящемуся договору о Трансатлантическом партнерстве. Это и рост недоверия к американцам после серии шпионских скандалов, и атмосфера повышенной секретности, в которой ведутся переговоры между Еврокомиссией и США, и опасность ослабления европейских норм защиты прав потребителей и наемных работников.

В своих интервью популярной газете «Bild» в марте этого года и журналу «Fokus» в апреле немецкий министр пообещал, что федеральное правительство не допустит размывания европейских стандартов, но будет настаивать на скорейшем подписании торгово-инвестиционного соглашения между ЕС и США. «Мы, немцы, кровно заинтересованы в том, чтобы стандарты в мировой торговле устанавливали европейцы вместе с американцами, иначе их будут определять другие. Например, Соединенные Штаты и Китай», - предупреждает немецкий министр⁴.

Тиражируя «страшилку» о якобы грядущем американо-китайском диктате, З.Габриэль сознательно сгущает краски. Но, по сути, его основной аргумент тот же, что и у А.Меркель: если Европа упустит свой шанс договориться с американцами о новых правилах торгово-экономического взаимодействия, то те сосредоточатся на Азиатско-Тихоокеанском регионе и Европа останется на обочине. Особенно опасен такой поворот событий для экспортоориентированной экономики Германии, которая, уверен министр, только выиграла бы от глубокой либерализации торгового режима и гармонизации регулятивных норм на трансатлантическом пространстве.

Эту позицию разделяет и крупный немецкий бизнес. Головной предпринимательский союз - Федеральное объединение германской промышленности (BDI) - неоднократно выступал в поддержку ТТИП, за скорейшее достижение договоренностей с США. Нынешний президент BDI У.Грилло при каждом удобном случае повторяет, что для Германии соглашение о Трансатлантическом партнерстве - это «пропуск» в будущее⁵.

Особая заинтересованность крупных немецких корпораций в создании зоны свободной торговли с США понятна. Именно они обеспечивают львиную долю национального экспорта, который остается «локомотивом» экономики ФРГ. За пределами ЕС Соединенные Штаты являются крупнейшим рынком сбыта для германских производителей, а в списке стран - импортеров товаров с клеймом «Made in Germany» США стоят на втором месте после Франции. В 2014 году совокупный товарооборот между двумя странами составил 114,6 млрд. евро. В условиях, когда доля стран ЕС и еврозоны в товарообороте ФРГ имеет устойчивую тенденцию к снижению (с 2000 г. она сократилась примерно на 8%), американский рынок приобретает для Германии особое значение. Тем более что в торговле с США она имеет самое крупное положительное сальдо - 47,5 млрд. евро в 2014 году⁶.

Инвестиционные аспекты соглашения о ТТИП также представляют интерес для немецкого бизнеса. 3,5 тысячи германских фирм, имеющих в США дочерние подразделения, филиалы и представительства, инвестировали туда в общей сложности более 200 млрд. долларов⁷. Это намного больше капиталовложений немецких компаний в экономику своего главного торгового партнера - Франции.

Если судить по последней версии рейтинга «Doing Business 2015», в котором США занимают седьмое место, а Германия -14-е, то условия ведения бизнеса в обеих странах отличаются не так уж сильно. В США для предприятий легче получить доступ к кредитным ресурсам, несколько ниже уровень налогообложения. Сами немецкие предприниматели акцентируют внимание на более гибкой, чем в Европе, системе регулирования рынка труда, более низкой стоимости электроэнергии, широких возможностях прямого сотрудничества с университетами и исследовательскими центрами в сфере высоких технологий, царящий в Америке «дух предпринимательской свободы» и т. д. Главное, однако, - это масштабы рынка первой экономики в мире, а сегодня - на фоне многочисленных проблем в ЕС - и относительно благоприятная хозяйственная конъюнктура в США.

Двусторонняя торговля ФРГ - США (в млрд. долл.)

Год	2011	2012	2013	2014
Экспорт США в ФРГ	49,1	48,7	47,4	49,4

Импорт США из ФРГ	98,4	108,5	114,6	123,2
-------------------	------	-------	-------	-------

Накопленные прямые инвестиции (в млрд. долл.)

Год	2010	2011	2012	2013
ФРГ в США	203,0	213,6	201,2	208,8
США в ФРГ	103,3	119,6	118,1	118,3

Источник: U.S. Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis.

КОРПОРАТИВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Ведущие компании основных отраслей германской промышленности уверены в своих силах и не боятся глубокой либерализации торгового режима. «Немецкая индустрия имеет блестящие стартовые позиции и обладает высочайшим уровнем международной конкурентоспособности», - утверждают эксперты исследовательского центра Deutsche Bank⁸.

Доля промышленного сектора в ВВП остается в Германии относительно стабильной - на уровне 22-24%, в то время как в ЕС она опустилась в среднем до 16%. Экспортная квота для экономики такого масштаба очень высокая - 45%. Сальдо по внешнеторговым операциям положительное в течение многих лет.

В немецком бизнес-сообществе наиболее активно в поддержку ТТИП выступает автопром, продукция которого является главной статьей в структуре экспорта ФРГ в Соединенные Штаты - 28,5%. По количеству произведенных в Германии и экспортированных за рубеж автомобилей американский рынок является для немецких автопроизводителей вторым после китайского. Однако по стоимостным объемам продаж он первый. Дело в том, что за океан поставляют в основном дорогие автомобили премиум-сегмента, которые пользуются в США хорошим спросом. В 2014 году германские экспортеры легковых автомобилей и легких грузовиков заработали в США около 25 млрд. долларов. Еще 7,5 млрд. долларов - выручка поставщиков узлов, деталей и компонентов⁹.

Масштабы бизнеса немецких автоконцернов и их субпоставщиков в США не ограничиваются традиционным экспортом. И те

и другие имеют там разветвленную сеть дочерних предприятий. В 2014 году с конвейера в США сошло 715 тыс. автомобилей немецких марок, а совокупный объем продаж вместе с экспортом составил 1,36 млн. штук. На авторынке США немецкие автопроизводители имеют долю 8,2%, а в премиум-сегменте свыше 40%¹⁰.

Принято считать, что главные последствия соглашения о ТТИП связаны не с ликвидацией таможенных барьеров, поскольку они, мол, и так низкие, а с договоренностями по упрощению и гармонизации стандартов и регулятивных норм. В случае с немецким автопромом этот тезис требует уточнения. Стандартная пошлина на ввоз иномарок в США составляет 2,5%. Но для пикапов и коммерческих фургонов она может достигать 25%. В ЕС применяют единую ставку - 10%, а в некоторых европейских странах ввозную пошлину не взимают вообще.

Специалисты Союза немецких автопроизводителей (VDA) подсчитали, что таможенные платежи обходятся автомобильным компаниям при ввозе своей продукции в США более 1 млрд. долларов в год. Соответственно, полная ликвидация существующих таможенных барьеров означала бы не только весомую добавку к их сегодняшней выручке, но и снижение стоимости немецких автомашин на американском рынке, а следовательно - повышение их конкурентоспособности и рост объемов продаж. Но германские автоконцерны, считают в VDA, могли бы выиграть дважды. Все они имеют производственные мощности на территории США. В случае устранения десятипроцентной ввозной пошлины в странах ЕС рентабельным стал бы экспорт части автомобилей американской сборки назад, в Европу.

Что же касается нетарифных ограничений, то адаптация производимых в Германии автомобилей к требованиям американских регуляторов (технические стандарты, нормы безопасности, прохождение необходимых тестов, сертификация и т. д.) тоже обходится экспортерам в круглую сумму, но, судя по расчетам экспертов VDA, меньшую, чем потери от уплаты таможенных пошлин. Выигрыш от гармонизации стандартов и правил равнозначен 26-процентному снижению действующих таможенных тарифов, утверждают в VDA¹¹.

Так называемый «дизельный скандал» вокруг автомобильного концерна «Volkswagen» нанес серьезный ущерб имиджу Германии. Однако обращает на себя внимание как вовремя была раскручена вся эта история и беспрецедентный размер штрафов (18 млрд. долл.), который должна будет выплатить немецкая компания только в США. Неслучайно многие эксперты увидели за скандалом с «Volkswagen» не

только попытку США нанести удар по позициям одного из ведущих мировых автогигантов, но и «сделать Германию более сговорчивой на переговорах по ТТИП»¹².

Машины и оборудование - вторая по значимости статья германского экспорта в США (17,2%). По стоимостным объемам продаж американский рынок занимает для ФРГ второе место после китайского. На фоне обвального сокращения поставок в Россию после введения санкций (-17% в 2014 г.) и стагнации продаж в еврозоне немецкие производители машин и оборудования в 2014 году увеличили свой экспорт в США на 7,2%, а в Азию - на 8,1%¹³. Из 37 млрд. евро совокупной стоимости экспорта машиностроительной продукции стран ЕС в США 15 млрд. евро приходится на ФРГ.

Почти пятая часть всех прямых инвестиций предприятий отрасли за рубежом тоже сконцентрирована в США. В абсолютных цифрах это 7 млрд. евро. Словом, немецкие производители машин и оборудования имеют свой интерес в углублении Трансатлантического партнерства.

Профильный предпринимательский союз отрасли - VDMA - с самого начала переговоров о ТТИП выступил в поддержку соглашения с США. Руководители VDMA неоднократно подчеркивали, что для отрасли первостепенное значение имеет не столько демонтаж тарифных барьеров (ввозные пошлины на продукцию машиностроения из ЕС составляют в США от 2 до 4,5%, а американской в ЕС - от 1,5 до 3%), сколько упрощение и гармонизация нетарифного регулирования. В случае успешного завершения переговоров по этому блоку экономия немецких экспортеров может составить от 5 до 20% в зависимости от товарной номенклатуры¹⁴.

Еще одна тема, которая волнует немецких машиностроителей, это доступ на рынок государственных заказов США. В рамках американской Федеральной контрактной системы циркулирует около 500 млрд. долларов бюджетных средств. Но доступ для иностранных поставщиков к этому лакомому «пирог», жалуются в VDMA, фактически перекрыт принятым Конгрессом США еще в 1933 году законом «Покупайте американское» (Buy American Act). Несмотря на то что США являются участником Соглашения по правительственным закупкам ВТО, оно не смогло радикально изменить действующую систему привилегий для американских поставщиков.

Специальные ограничения для доступа иностранных поставщиков к госзаказам действуют и в ЕС, чем, в свою очередь, недовольны американские компании. VDMA через свои лоббистские структуры

откровенно давит на собственное правительство и Еврокомиссию, чтобы те нашли взаимоприемлемое решение на переговорах с США. Цена вопроса для немецкой машиностроительной отрасли, не устают повторять в VDMA, измеряется миллиардами долларов.

Химическая отрасль замыкает тройку немецких лидеров по экспорту в США. Профильный предпринимательский союз - Verband der Chemischen Industrie (VCI) - объединяет 1650 компаний, которые экспортируют в США продукцию на сумму 19,8 млрд. долларов. Импорт из США намного меньше - 6,2 млрд. долларов. Не только для ФРГ, но и для ЕС в целом американский рынок исключительно важен. Около половины своих потребностей в импорте химической продукции США удовлетворяют за счет поставок из Европы (10% приходится на ФРГ). В свою очередь, 28% американского химического экспорта идет на европейский рынок (в ФРГ-3,3%)¹⁵.

Ввозные пошлины по обе стороны Атлантики относительно невысокие - в среднем около 2,5%. Платежи немецких экспортеров оценивают в 140 млн. долларов в год. По сравнению с объемами экспорта, сумма весьма скромная. Поэтому основное внимание сосредоточено на нетарифных барьерах. Но в этой области, признают в VCI, европейцам и американцам будет трудно договориться. Взаимное признание и унификация стандартов возможны лишь по ограниченному кругу вопросов, так как нормы, связанные с охраной окружающей среды, безопасностью продуктов питания, животных кормов, химических удобрений, средств борьбы с вредителями и т. д., в Европе и США сильно отличаются.

В Европе действует принцип, в соответствии с которым товары (например, химикаты и продукты питания) либо производственные процессы (например, фрекинг) разрешаются только, если имеется научное подтверждение их безопасности для человека и природы. В США дело обстоит иначе. Там разрешение на продажу товаров или использование производственных процессов действует без специальных ограничений, пока не будет научно подтверждена их опасность. Отсюда огромная разница в правилах выхода на рынок, в требованиях к маркировке и ответственности¹⁶.

Химические компании ФРГ вынуждены сегодня вести себя предельно осторожно. Гиганты индустрии - концерны «Bayer» и «BASF» - постоянно находятся под огнем критики организаций защитников окружающей среды и прав потребителей. Их упрекают в попытках давления на правительство и Еврокомиссию с целью проташить с заднего хода решения, ослабляющие ограничения на ис-

пользование вредных промышленных и сельскохозяйственных химических веществ и содержащих их потребительских товаров.

Последний крупный скандал, который прозвучал особенно громко на фоне дискуссий вокруг соглашения о ТТИП, был связан с отказом Еврокомиссии ввести широкомасштабный запрет на использование пестицидов, как это было предусмотрено еще в 2009 году в рамках законодательства ЕС REACH (регистрация, оценка, разрешения и ограничения на химические вещества). Нерешительность Еврокомиссии объясняют давлением химического лобби, которое после начала переговоров о ТТИП сомкнуло свои ряды. В декабре 2013 года европейский (European Chemical Industry Council) и американский (American Chemistry Council) отраслевые предпринимательские союзы договорились о координации действий в отстаивании своих интересов. Примечательно, что «Bayer» и «BASF», имеющие филиалы и дочерние компании в десятках стран, включая США, являются членами обоих объединений.

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

Если аналитики отраслевых предпринимательских союзов оперируют более или менее внятыми аргументами pro и contra ТТИП, то с оценками макроэкономических последствий Договора о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве картина выглядит куда более противоречивой. За последние два года было предпринято несколько попыток с помощью имитационного моделирования спрогнозировать результаты возможного влияния ТТИП на экономику США и Евросоюза. Наиболее авторитетным и часто цитируемым считается выполненное по поручению Еврокомиссии исследование Центра исследований экономической политики (CEPR), согласно которому в ЕС возможен рост реального ВВП на 0,5%, а в США - почти на 0,4% к 2027 году¹⁷. При этом суммарный результат не появится сразу после подписания договора, а будет постепенно расти в течение ряда лет. В краткосрочной перспективе ТТИП принесет ЕС и США дополнительный средний прирост ВВП ежегодно менее 0,05 процентных пунктов, а это очень незначительный показатель.

В Германии часто ссылаются на два доклада мюнхенского Института экономических исследований (ifo), выполненных по заказу Минэкономики ФРГ и Фонда Бертельсмана. В них дополнитель-

ный рост реального ВВП на душу населения оценивается в течение последующих 10-20 лет на уровне почти 5% для ЕС и 13,4% - для США¹⁸. В Германии, утверждается в первом докладе для Минэкономики, количество новых рабочих мест увеличится к концу рассматриваемого периода на 25 220, а во втором докладе, для Фонда Бертельсмана, этот показатель неожиданно достигает 181 092.

К приведенным выше цифрам у многих немецких экспертов есть ряд претензий. Обращают внимание, в частности, что некорректно использовались поправки на динамику цен при определении ВВП, а значительная разница в оценке роста рабочих мест в первом и втором докладах объясняется тем, что во втором докладе не был учтен баланс между повышением и сокращением занятости в результате перемещения трудовых ресурсов в экспортные сектора из других отраслей экономики. При более тщательном анализе, утверждает С.Штефан, руководитель экономического отдела Института макроэкономической политики в Фонде Ганса Бюклера, эксперты *ifo* должны были бы получить совсем другие цифры: весьма скромный прирост ВВП - 1,7% для ЕС и 2,2% для США через 10-20 лет и мизерное увеличение занятости - около 0,05% в год¹⁹.

Среди противников ТТИП популярно исследование И.Капалдо из Бостонского университета Тафтса. По расчетам этого экономиста, европейские страны понесут серьезный ущерб в результате заключения ТТИП. Падение ВВП в течение первых десятилетий может составить 2,7% в Северной Европе, 1,4% - в Германии и 0,95% - в Великобритании. Будет потеряно около 600 тыс. рабочих мест, произойдет чистое сокращение экспорта и госдоходов. Главными бенефициарами станут американские ТНК и крупнейшие европейские корпорации, ориентированные на рынок США²⁰.

Разногласия в оценках возможных последствий ТТИП объясняется целым рядом причин. Прогнозы сильно зависят от используемых моделей и основополагающих, зачастую весьма спорных, допущений. Выводы о положительном влиянии ТТИП на динамику развития и трудовую занятость, как правило, делаются исходя из чрезвычайно оптимистических ожиданий завершения переговоров, то есть полного демонтажа тарифных и большей части нетарифных барьеров. При наличии серьезных разногласий между ЕС и США по ряду вопросов повестки дня переговоров и полной неопределенности относительно их конечных результатов реализация такого рода смелых сценариев весьма сомнительна, что снижает достоверность вы-

строенных на этой базе расчетов. Уязвимость большинства прогнозов усиливается и тем, что достаточно сложно квантифицировать снижение торговых издержек при определенном уровне ослабления нетарифных барьеров. Подобные предположения основываются на субъективных оценках, но сильно влияют на конечный результат.

Еврокомиссия считает, что ликвидация нетарифных барьеров автоматически означает отказ от избыточного регулирования и потому уже является благом. Но кто будет решать, какое регулирование избыточно и самое главное - для кого оно избыточно? Ответы на этот вопрос могут оказаться разными, например, у руководителей химических концернов и защитников окружающей среды. Спорный характер расчетов, которые используют сторонники ТТИП, для убедительности часто пытаются подкрепить ссылками на либеральные догматы о преимуществах свободной торговли и вреде протекционизма. При этом ни слова не говорится о социальных издержках, которые могут возникнуть вследствие значительного дерегулирования внешнеэкономических связей после заключения комплексного соглашения о свободной торговле между США и ЕС.

В своем стремлении повлиять на общественное мнение лоббисты ТТИП используют разные методы. Попытки выдать результаты модельных расчетов за достоверные факты - только один из них. Зачастую в ход идут недобросовестное жонглирование цифрами и сознательные подтасовки. Эксперты неправительственных организаций неоднократно ловили составителей пропагандистских брошюр ХДС, ВДИ и даже немецкой ТТП на завышении в десятки раз показателей ожидаемого позитивного эффекта ТТИП на развитие и занятость. Совершаются подобные манипуляции обычно тремя способами.

Во-первых, указывается взятая из того или иного прогноза цифра ожидаемого роста ВВП, но «забывают» сказать, что речь там идет о суммарном результате через 10-15 лет. У читателя же создается впечатление, что после заключения соглашения о ТТИП Германию ожидает ежегодно небывалое ускорение темпов роста ВВП.

Во-вторых, для иллюстрации, например, динамики роста занятости указывается почерпнутое из прогноза максимальное допущение, скажем 100 тыс. новых рабочих мест для Германии. Но при этом за скобками остается куда менее впечатляющая нижняя планка того же прогноза - 2 тыс. новых рабочих мест.

Наконец, в-третьих, цифры просто берутся с потолка, как это сделали составители брошюры ХДС «Трансатлантическая зона

свободной торговли ЕС - США. Значение и содержание» (<http://bit.ly/1EGn8tz>). Со ссылкой на упоминавшееся исследование Института ifo в партийной брошюре утверждалось, что эксперты якобы рассчитывают в случае заключения договора о ТТИП на увеличение занятости в странах ЕС в диапазоне от 400 тыс. до 1,3 млн. новых рабочих мест. В действительности минимальная оценка специалистов из ifo была на уровне 12 тыс. новых рабочих мест²¹.

Примечательно, что за руку была поймана и Еврокомиссия, на веб-сайте которой со ссылкой на исследование CEPР размещена такая информация: «В независимом докладе говорится, что многообещающее соглашение (т. е. ТТИП) может сэкономить миллионы евро компаниям и создать сотни тысяч рабочих мест»²². Между тем в исследовании CEPР и речи нет о количественном выражении положительного или отрицательного воздействия ТТИП на трудовую занятость.

Манипуляции с «информацией» о последствиях ТТИП приняли настолько скандальный характер, что даже консервативная «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ) задается вопросом: «Что это? Результат небрежности, недостаточной компетентности или сознательное намерение ввести публику в заблуждение?»²³ Оставим ответ на этот риторический вопрос на усмотрение редакции FAZ.

Пытаться сегодня предугадать все последствия соглашения о Трансатлантическом партнерстве занятие малопродуктивное. Переговоры о ТТИП продолжаются, конца им пока не видно, и даже немецкие парламентарии не очень хорошо представляют, что там происходит за закрытыми дверями. Вот характерная деталь. Отвечая на очередной депутатский запрос по поводу отсутствия у депутатов Бундестага возможности ознакомиться с протоколами переговоров, статс-секретарь Минэкономики ФРГ Р.Сонтовски 8 июня 2015 года сообщает: «17 февраля 2015 года Федеральное правительство обратилось к американским официальным представителям с просьбой дать согласие на доступ депутатов Бундестага к соответствующим документам. Ответ негативный»²⁴.

Информация о состоянии дел на переговорах о ТТИП действительно очень фрагментарная. Важно не забывать, однако, хотя бы то, что известно. Повестка дня выходит далеко за рамки снижения пошлин или гармонизации технических стандартов на машины и оборудование. Она

включает в себя очень широкий круг разноплановых и весьма «чувствительных» для обеих сторон проблем - от регулирования в области охраны окружающей среды, безопасности продуктов питания, правил использования химических веществ в промышленности и сельском хозяйстве вплоть до охраны прав интеллектуальной собственности, данных интернет-пользователей, способов обеспечения защиты интересов иностранных инвесторов. Затронуто будет трудовое законодательство, банковское регулирование, сектор государственных услуг, и это еще далеко не полный перечень подлежащих согласованию проблем.

Понятно, что в случае подписания комплексного соглашения о ТТИП произойдет серьезное переформатирование внешнеэкономических связей ФРГ. На фоне постепенного сокращения в товарообороте доли стран еврозоны и ЕС для немецких компаний еще больше возрастет значение американского рынка. Ожидается, что в экспортно-импортных операциях с США и Канадой (торгово-экономическое соглашение между ЕС и Канадой подписано в октябре 2013 г., но пока не ратифицировано) будут активно участвовать не только крупные концерны, но и средние предприятия. Сегодня только 1% немецких МСП ведет торговлю с США. В свою очередь, для США полностью открывается огромный потребительский рынок Германии и Евросоюза объемом 16 трлн. долларов, где они пока проигрывают конкуренцию китайским товарам.

Участие ФРГ в ТТИП, скорее всего, усугубит набирающие силу после введения санкций негативные тенденции в российско-германском торгово-экономическом сотрудничестве. Впрочем, эта тема сама по себе и в контексте ТТИП заслуживает отдельного рассмотрения. Об этом в следующей статье.

¹URL: <http://www.wiwo.de/politik/europa/umfrage-manager-verlieren-das-interesse-an-ttip/11751504.html>

²URL: <http://www.bz-mg.de/politik-verwaltung-parteien/spd/sigmar-gabriel-zu-ttip-deutsche-sind-reich-und-hysterisch.html>

³URL: <http://www.deutsche-wirtschaft-nachrichten.de/2014/12/13/mit-haut-und-haaren-merkel-will-ttip-gegen-alle-wiederstaende-duerchkaempfen>

⁴URL: <http://www.bmwi.de/DE/Presse/reden,did=701030.html>

⁵URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/ttip-und-freihandel/daimler-chef-Zetsche-ttip-ist-pflicht-13546605.html>

- ⁶Deutscher Aussenhandel. Export und Import im Zeichen der Globalisierung. Ausgabe 2015. Statistisches Bundesamt. Wiesbaden, 2015. S.10-12,21,31-33.
- ⁷URL:http://www.bdi.eu/download_content/dihk-vorstand-ttip-06.14.pdf
- ⁸Ausblick Deutschland. Kraeftiger Gegenwind fuer deutsche Exportwirtschaft trotz Euroabwertung//Deutsche Bank Research. 30. Maerz 2015. S. 2.
- ⁹URL:<http://www.gtai.de/GTAI/Navigation/DE/Trade/Recht-Zoll/Zoll/Suche,t=deutsche-automobilbauer-profitieren-vom-aufschwung-in-den-usa,did=1173370>
- ¹⁰Там же.
- ¹¹URL:<http://www.vda.de/de/themen/wirtschaftspolitik-und-infrastruktur/TTIP/ja-zu-ttip.html>
- ¹²URL:<http://www.wiwo.de/unternehmen/it/vw-dieselgate-das-kriegenpotenzial-fuer-vw/12467999-4.html>
- ¹³USA wollen «Made in Germany» // Handelsblatt. 23. Februar 2015.
- ¹⁴URL:<http://www.ttip.vdma.org/documents/4945442/0/VDMA-KurzPosition-Freihandel-USA-EU.pdf/0866ebe1-6257-4e01-92c5-8fe50c6abf89>
- ¹⁵URL:<http://www.gtai.de/GTAI/Navigation/DE/Trade/Recht-Zoll/Zoll/Suche,t=chemiebranche-setzt-grosse-hoffnungen-in-eusafreihandelsabkommen-ttip,did=1077314.html>
- ¹⁶URL:<http://www.vci.de/vci/downloads-vci/top-thema/botschaften-forderungen-transatlantisches-freihandelsabkommen-ttip-de.pdf>
- ¹⁷*Francois J. et al.*: Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment: An Economic Assessment // CEPR Final Project Report on behalf of the European Commission. London, 2013. P. 18.
- ¹⁸*Felbermayr G., Larch M., Flach L., Yalen E., Benz S.* Dimensionen und Auswirkungen eines Freihandelsabkommen zwischen der EU und den USA. Study commissioned by Federal Ministry of Economic and Technology. Muenchen, 2013. S. 15-17.
- ¹⁹*Stephan S.* TTIP - Das Maerchen vom Wachstum - und Beschaeftigungsmotor. Friedrich-Ebert-Stiftung. WISO-direkt. Bonn, 2014. S. 23.
- ²⁰*Capaldo I.* The Trans-Atlanaic Trade and Investment Partnership: European Disintegration, Unemployment and Instability // Global Development and Environment Institute at Tufts University. Working Paper 14-03, October 2014.
- ²¹URL:<http://www.foodwatch.org/de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilung-nach-bdi-korrigiert-auch-initiative-neue-soziale-marktwirtschaft-falschinformationen-ueber-ttip>
- ²²URL: http://ec.europa.eu/trade/policy-in-focus/ttip/about-ttip/index_en.htm
- ²³Wie Befuerworter TTIP schoenrechnen//Frankfurter Allgemeine Zeitung. 17. Maerz 2015.
- ²⁴URL:<http://www.bmwi.de/BMWi:/Redaktion/PDF/P-R/Parlamentarische-Anfragen/2015/5-127-nachfrage,property=pdf,bereich=bmwi2012,Sprache=de,rwb=true.pdf>

Ключевые слова: экспорт, переговоры, либерализация, стандарты, тарифы, барьеры, регулирование, противоречия, общественные дебаты.

Дина МАЛЫШЕВА

Главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
доктор политических наук
dsheva@mail.ru

Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы

26 июля 2015 года Президент РФ Владимир Путин на борту фрегата «Адмирал флота Советского Союза Горшков» утвердил новую версию Морской доктрины России - основополагающего документа, определяющего государственную политику РФ в области морской деятельности. В качестве главных региональных направлений национальной морской политики РФ, помимо Атлантики, Арктики, Тихоокеанской зоны, обозначено Средиземноморье, что предусматривает военно-морское присутствие РФ в Средиземном море в целях «превращения региона в зону военно-политической стабильности и добрососедства»¹. И это, очевидно, неслучайное действие: для России этот регион является важным направлением политики и международного сотрудничества. В этой связи вполне логично разобраться со складывающейся в нем ситуацией, сплетением интересов государств и стоящими перед ними проблемами. Иными словами, понять, что есть для нас Средиземноморье.

ВАЖНЫЙ УЗЕЛ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Еще во времена холодной войны Средиземноморье было одним из наиболее важных участков стратегического соперничества Запада и СССР. С тех пор многое изменилось, но этот регион остается важным узлом мировой политики, где пересекаются, взаимодействуют, конкурируют, конфликтуют разнообразные культуры, традиции, интересы.

В современной ситуации несколько факторов определяют стратегическую значимость Средиземноморья.

Во-первых, оно остается удобным плацдармом, с которого можно оказывать влияние на такие важные для мировой экономики и политики районы, как Ближний Восток, Северная Африка, Черноморско-Азовский бассейн, а географическое и связанное с этим геополитическое положение стран Средиземноморья делает их важной компонентой всей системы безопасности европейского континента.

Во-вторых, именно через Средиземное море пролегают магистральные торговые пути, связывающие Запад с Востоком и его нефтеносным Персидским заливом.

Отсюда, в-третьих, значение Средиземноморья как главного энергетического коридора. Так, через Суэцкий канал, соединяющий Средиземное море с Красным, транспортируется около 5% мировых поставок нефти и 15% природного газа; на Черноморские, или турецкие, проливы (Босфор и Дарданеллы), являющиеся единственным путем сообщения между Черным и Средиземным морями, приходится 6% мировой торговли нефтью. Важен - особенно для Европы - и энергетический потенциал Средиземноморского региона. Сырье, доставляемое в европейские страны с североафриканских и ближневосточных нефтегазовых месторождений, рассматривается Евросоюзом в качестве альтернативы поставкам нефти и газа с Востока (по преимуществу из России) и как своего рода противовес российскому экспорту энергетического сырья.

По прогнозным оценкам Геологической службы США, запасы газа в Левантийском бассейне Восточного Средиземноморья составляют 3,45 трлн. куб. м, нефти - 267 млн. т², и некоторые прибрежные страны уже начали интенсивные поисково-разведочные и даже эксплуатационные работы - на месторождениях «Тамар» и «Левифан», у берегов Израиля, «Афродита», в кипрских водах, и других. Разработка нефтегазового потенциала региона сопряжена, однако, с тем, что эти месторождения расположены в зонах, являющихся предметом межго-

сударственных споров, что усложняет общую геополитическую картину, и без того насыщенную рисками.

БЕСПОКОЙНЫЙ РАЙОН

Речь идет в первую очередь о региональных конфликтах - арабо-израильском, курдском, иракском, «замороженном» конфликте между двумя Кипрами (турецким и греческим), Турции с греческим Кипром, Турции с Израилем, о «новых конфликтах» - в Ливии и Сирии. Вовлечение в них прибрежных и сопредельных стран Средиземноморья и вызываемые этими конфликтами кризисные явления подрывают безопасность региона и морских торговых путей, делают уязвимыми для внешнего вмешательства разработки газо- и нефтеносного шельфа в Восточном Средиземноморье.

В серьезную угрозу для европейских стран Средиземноморья превратилась нелегальная миграция. В свое время Турция, Марокко и некоторые другие средиземноморские и ближневосточные страны подписали документы, направленные на борьбу с нелегальной миграцией (принятую 15 ноября 2000 г. Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности), а также Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми), ужесточили свои миграционные законодательства. Однако в Средиземноморье так и не удалось ликвидировать устоявшиеся транзитные зоны, через которые шли потоки нелегальной миграции, да и значительная часть населения Северной Африки и Магриба практически полностью зависела от денежных переводов из стран пребывания своих трудовых мигрантов³.

Людской трафик в Европу увеличился в разы после свержения в Ливии режима Муаммара Каддафи, достаточно успешно блокировавшего проход через свою страну миграционных потоков из внутренних районов Африки, Сахеля и Субсахарской Африки. Возобновившиеся там застарелые конфликты и вспыхнувшие новые вооруженные противостояния - этнические, клановые, межрелигиозные - увеличили число лиц, подвергшихся насильственным перемещениям. Значительная их часть устремилась в Европу, спасаясь как от внутренних конфликтов, так и от нищеты. В настоящее время помимо ливийского транзита мигранты используют для прорыва в Европу Марокко, Тунис, Ливан, испанские анклавы Сеута и Мелилья, Турцию, перемещаются более

сложными путями - через Балканы или территорию Украины, которая сама балансирует между превращением либо в диктатуру под внешним (американским) управлением, либо в территорию хаоса.

Согласно опубликованному 18 июня 2015 года докладу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, общее число беженцев и внутренних перемещенных лиц увеличилось в 2014 году на 11 млн. человек, достигнув рекордного показателя - 46,7 миллиона. Из них более 219 тыс. беженцев и мигрантов пересекли Средиземное море, и это в три раза выше показателя 2011 года, который пришелся на пик «арабской весны»: тогда число беженцев и мигрантов составило 70 тыс. человек, и почти половина из них прибыла в Европу из Сирии и Эритреи⁴. Географически примыкающие к Средиземноморскому бассейну Греция, Испания, Италия, Кипр и Мальта превратились с 2011 года в основные пункты входа многочисленных мигрантов и беженцев из ближневосточных и африканских конфликтных зон. С начала 2015 года почти 50 тыс. человек нелегально высадились в Италии, Греции и на Мальте и растеклись оттуда по всему ЕС, создав там в числе прочих проблем рост социального напряжения из-за конкуренции с местными жителями на рынке труда⁵. А это еще больше усугубляет ситуацию в странах Евросоюза, переживающих экономический кризис.

Свыше 3,5 тыс. беженцев погибли или пропали без вести на пути своего следования в Европу через Средиземное море⁶, а, согласно сообщению Международной организации по миграции, по состоянию на 21 апреля 2015 года с начала года у берегов Африки и Европы утонули более 1,7 тыс. беженцев⁷. Неудивительно, что Средиземное море было объявлено самым опасным районом для незаконной миграции. Проблемами, связанными с беспрецедентным наплывом в Европу мигрантов и массовой гибелью людей в Средиземном море, занялись и евро-союзовские чиновники.

27 мая 2015 года Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности в возглавляемой Ж.-К.Юнкером Европейской комиссии ЕС Ф.Могерини озвучила подробности программы по приему мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока. Теперь каждой стране - члену ЕС устанавливаются квоты на прием мигрантов. Наибольшая нагрузка должна лечь на Германию, которая и без того занимает второе место в Европе (первое принадлежит России, где, согласно данным ООН, в 2014 г. 274 700 человек попросили убежище) по приему беженцев - 173 100 человек в 2014 году⁸, а также на Францию и

Испанию. ЕС намерен также получить от Совбеза ООН мандат на принятие всех необходимых мер, в том числе силовых, против контрабандистов «живым товаром», которые организуют нелегальную транспортировку мигрантов через Средиземное море, в основном из Ливии. Это предполагает задержание и проверку всех судов с беженцами и арест перевозчиков. Кроме того, допускается уничтожение плавучих средств доставки беженцев вооруженными силами европейских стран⁹.

Внимательно следит за развитием ситуации в Средиземноморье и Россия, имеющая в этом регионе долгосрочные интересы. Они формировались на протяжении длительного исторического периода.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС: ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

В Российской империи интересы государства часто увязывались с реализацией балканского вектора внешней политики - взаимодействием России на суше (Балканах) и на морях (Черном, Средиземном) со своими православными единоверцами (славянами, греками), которые участвовали вместе с Россией в войнах с турками-османами и добивались при ее поддержке освобождения от османского ига. Еще в 1769 году императрицей Екатериной II была организована первая российская экспедиция в Средиземное море, после которой до 1774 года этот регион посетили еще четыре эскадры российского военно-морского флота. Как подчеркивают российские историки, «южный внешнеполитический курс России в екатерининскую эпоху формировался с учетом широких задач завоевания Крыма и предотвращения набегов татар на земли южнорусского порубежья, открытия «окна в Европу» через Черное море, свободного судоходства в Азовско-Черноморском бассейне. А плавание в Черном море неизбежно ставило перед российскими правителями и проблему выхода в море Средиземное, политическое, экономическое и культурное освоение средиземноморского пространства»¹⁰.

Удивительна созвучность этих целей с задачами - разумеется, модифицированными в новых исторических условиях, - возникавшими перед СССР и потом уже новой Россией в XX, а затем и XXI веках.

Отношения СССР с рядом средиземноморских и ближневосточных стран (Алжиром, Египтом, Ираком, Ливией, Сирией, Йеменом), разделявших в разные периоды своей истории концепцию социалистиче-

ской ориентации, базировались на поддержке идей деколонизации и определялись широким участием СССР в инфраструктурных проектах развивающихся стран региона. Значительное внимание уделялось военному сотрудничеству.

С 1967 года в Средиземном море базировалась 5-я оперативная эскадра Военно-морского флота СССР, предназначавшаяся в период холодной войны для решения боевых задач на Средиземноморском театре военных действий, и, в частности, согласно мнению военных экспертов, для отражения ядерного удара против СССР со стороны находившихся в этом районе кораблей 6-го флота США¹¹. В 1977 году эскадра вынуждена была переместить свое основное базирование с портов Египта (в Александрии, Порт-Саиде и др.), сменившего свою внешнеполитическую ориентацию с просоветской на прозападную, в сирийский город Тартус, который и до этого (с 1971 г.) использовался как пункт материально-технического обеспечения действий советского ВМФ в Средиземноморье и ремонтная база для кораблей 5-й эскадры.

По окончании холодной войны Россия минимизировала свое присутствие в Средиземноморье, как и в других частях света. 31 декабря 1992 года Средиземноморская военная флотилия была распущена, при том что пункт материально-технического обеспечения в Тартусе остался за РФ, представляя собой в настоящее время единственный российский военный объект в дальнем зарубежье. Образовавшийся политический вакуум позволил США и некоторым союзным им европейским государствам расширить в Средиземноморье сферы своего влияния. Так, 6-й флот США не только не покинул зону своей ответственности - Средиземное море и прилегающие воды Атлантики, но даже расширил географию своих действий, включив в них также побережье Африки (Гвинейский залив). Это соответствовало рассмотрению американскими военными стратегами Средиземного моря как плацдарма, обеспечивающего распространение «американской мощи» на «евразийский и африканский хартленды»¹².

Но уже в 2000-х годах Россия начала демонстрировать готовность восстановить утраченные позиции. О таком намерении свидетельствовали заявления и шаги Президента РФ В.Путина, посетившего начиная с 2005 года целый ряд ключевых государств региона. С 2007 года российский флот возобновил свое постоянное присутствие в различных районах Мирового океана, включая и Средиземное море, где небольшие российские флотилии начали выполнять поставленные перед ними задачи. В том же году Главнокомандующий ВМФ РФ адмирал

флота В. Масорин заявил в Севастополе о необходимости пребывания российского флота на постоянной основе в Средиземном море. Главком назвал Черноморский флот форпостом России на юго-западном стратегическом направлении и заявил, что «операционная зона флота, распространяющаяся на Черноморскую и Средиземноморскую морские зоны вплоть до Атлантического океана, находится на стыке Европы, Азии и Африки... и здесь должно быть восстановлено постоянное присутствие ВМФ России»¹³.

По мере эскалации войны в Сирии Россия стала постепенно увеличивать размеры своей флотилии в Средиземном море, приступив к патрулированию Восточного Средиземноморья. Обосновывая подобные действия, министр обороны РФ С. Шойгу указал во время своего посещения в феврале 2013 года Черноморской флотилии на исходившие из Средиземноморья существенные угрозы российским национальным интересам, а также и на то, что с началом «арабской весны» значимость региона возросла в разы. Позже, в своем выступлении 11 марта 2013 года перед руководителями Министерства обороны и оборонной промышленности, министр уточнил, что перед Черноморским российским флотом, командование которого располагается в Севастополе, ставятся боевые задачи и «в Средиземноморской зоне, где флот будет присутствовать на постоянной основе»¹⁴.

Пока, однако, вопрос о создании Средиземноморского флота остается в планах и в регионе в июне 2013 года было сформировано лишь оперативное соединение ВМФ РФ, что было продиктовано необходимостью своевременного реагирования на возникающие в регионе вызовы международной безопасности (конфликты и т. д.), а также и потребностью защиты российского судоходства. Российский военный историк А. Широкоград подчеркивает в связи с этим, что морское пиратство, нападения иностранных судов - либо под предлогом борьбы с терроризмом, либо ради поддержания экологической безопасности (а фактически с целью ограничения деятельности в морском пространстве других государств), морская блокада и в XXI веке делают неохранные торговые суда, танкеры с нефтью, прокладываемые по морскому дну нефтепроводы, нефтяные и газовые разработки на шельфе и т. д. легко уязвимыми для внешнего вмешательства¹⁵.

Значение российского присутствия в Средиземном море возросло также по мере эскалации сирийского конфликта, являющегося предметом особой озабоченности России. После падения в Ливии режима давнего российского партнера М. Каддафи Россия потеряла в этой стра-

не оружейные контракты на сумму в 4 млрд. долларов, и она опасалась повторения этой ситуации в Сирии - в случае отстранения от власти Президента Б.Асада, чего добиваются участники антиправительственных выступлений, начавшихся в Сирии в марте 2011 года. Но стратегический интерес России к Сирии обусловлен и другими факторами:

- политическим, поскольку Сирия является давним и традиционным союзником России на Ближнем Востоке и Москва часто полагалась на Дамаск при проведении своей политики в регионе;

- экономическим, так как Сирия - относительно обширный рынок для российских товаров; до возникновения в Сирии гражданской войны это ближневосточное государство сохраняло привлекательность для российских инфраструктурных проектов и, согласно некоторым источникам, российские компании инвестировали в Сирию с 2009 года свыше 20 млрд. долларов¹⁶;

- гуманитарным, поскольку почти 100 тыс. российских граждан жили в Сирии и, кроме того, сирийский светский режим гарантировал христианам свободу вероисповедания;

- военным, поскольку сирийский порт Тартус важен для российского военного присутствия в регионе; Сирия является также давним покупателем российского оружия, и торговля этим товаром значительно возросла с 2000 года (по данным СИПРИ, с 2007 по 2012 г. на долю России приходилось 78% закупленного сирийским правительством оружия);

- международно-дипломатическим, поскольку Россия оказывает дипломатическую (и материальную) поддержку официальному Дамаску, исходя из того, что он остается на сегодня едва ли не основной силой, способной остановить продвижение джихадистов из «Исламского государства» и других террористических организаций.

Не меняя своей позиции по Сирии, Россия развивает одновременно отношения и с рядом государств (Турцией, Израилем, Саудовской Аравией), выступающих за свержение режима Башара Асада.

Но вот отношения России с Западом серьезно ухудшились из-за их различного подхода к решению сирийской проблемы, и особенно после того, как Москва признала итоги крымского референдума 2014 года. Это дало полуострову возможность «вернуться в родную гавань» - воссоединиться с Россией, а России - сохранить свой важнейший военно-морской форпост в Севастополе. Обретение контроля над полуостровом позволяло, с одной стороны, создавать ограничения для доступа не всегда дружественно настроенных стран к Черно-

морскому региону, а с другой - облегчать приближение к стратегически важным и представляющим особый интерес для России районам Средиземноморья. Особое значение в этой связи придавалось и придается усилению взаимодействия с Турцией, которая контролирует Черноморские проливы и является своеобразным мостом между Европой и Азией, что открывает перед Россией дополнительные возможности в плане реализации собственных экономических и политических интересов.

РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Ныне Россия ставит перед собой в Средиземноморье куда более скромные задачи по сравнению с теми, которые преследовал в этом регионе Советский Союз, претендовавший на поддержание военно-стратегического и политического паритета с Западом. Российская политика в отношении средиземноморских государств лишена также той сильной идеологической составляющей, которая была присуща внешней политике СССР. Россия руководствуется там прагматизмом и стремлением сохранять исторические связи и контакты со всеми силами, присутствующими в регионе. Но ее преимущество перед другими участниками разворачивающейся в регионе геополитической игры заключено в том, что Россия - единственный постоянный член Совета Безопасности ООН, не зависящий от ближневосточных поставок энергоресурсов и неотягощенный, в отличие от Франции и Великобритании, колониальным прошлым. В пользу России говорит также ее активное позиционирование себя как защитницы восточных христиан, ставших ныне жертвами насилия со стороны радикальных и террористических сил и организаций. Россия, таким образом, претендует на обретение в Средиземноморском регионе нового статуса, который соответствовал бы меняющейся геополитической обстановке.

В свою очередь, страны Средиземноморья рассматривают Россию в качестве одного из крупнейших нефтепроизводителей вне Организации стран - экспортеров нефти (ОПЕК), а также газоэкспортера, оказывающего огромное влияние на мировые энергетические рынки. Изучая возможности диверсификации поставок вооружения из других стран, а не только из США, они заинтересованы в налаживании диалога с Россией в военной сфере, учитывая, что РФ является одним из крупнейших в мире экспортеров вооружений.

Особое значение во взаимоотношениях России со странами Средиземноморья придается таким направлениям, как энергетика, ирригация, промышленная инфраструктура, экология. Интерес российских деловых кругов вызывают и перспективы развития экономического и торгового сотрудничества со странами Средиземноморья ввиду особой инвестиционной привлекательности региона, его потенциала выгодного торгового партнера для российских компаний, включая энергетические. Последние уже изыскивают возможности для участия в разработках на недавно открытых месторождениях в кипрской и израильской эксклюзивных экономических зонах.

Энергетическая сфера Средиземноморья привлекательна также и для Европейского союза, где открываются широкие возможности для российско-европейского взаимодействия, чему в настоящее время препятствуют замороженные из-за украинских событий отношения России и ЕС.

Ключевым приоритетом внешней политики РФ в Средиземноморье остаются проблемы поддержания многосторонней безопасности, а демонстрация флага в регионе нужна России для отстаивания своих экономических и политических интересов. Так, задачу проведенных с 16 по 21 мая этого года в восточной части Средиземного моря российско-китайских военных учений «Морское взаимодействие-2015» заместитель министра обороны РФ Анатолий Антонов обозначил, как «отработку совместных действий по охране безопасности судоходства в Мировом океане»¹⁷. В июне в Средиземном море впервые после очень долгого перерыва прошли совместные учения военных моряков России и Египта «Мост дружбы-2015», походный штаб которых был размещен на борту гвардейского ракетного крейсера «Москва»¹⁸. В обоих случаях экипажи при поддержке авиации отрабатывали защиту морских путей от различных угроз. Помимо сирийского Тартуса, эксплуатация которого осложнена из-за конфликта в этой стране, российские корабли получили возможность заходить в порты Республики Кипр: договоренность об этом была достигнута во время визита в Москву 25 февраля 2015 года Президента Н.Анастасиадиса. Все это говорит о готовности России развивать партнерство с ведущими государствами в одном из важных и беспокойных регионов, где военное превосходство остается за США и их союзниками по НАТО.

Еще одна из причин повышающегося внимания России к региону заключена в обеспокоенности Москвы быстрым распространением радикального исламизма и интернационализацией терроризма,

активизации «Исламского государства», захватившего обширную территорию в Сирии и Ираке и превратившегося в серьезную угрозу международной безопасности. Осознание этой угрозы побудило Россию включить 29 декабря 2014 года «ИГ» и «Фронт ан-Нусра» в список запрещенных террористических организаций, поставить вне закона членство в них либо любую их поддержку, что полностью соответствует принятой Советом Безопасности ООН резолюциям 2170 и 2178 об угрозе, создаваемой террористическими атаками, международному миру и безопасности.

Россию населяют приверженцы различных религиозных исповеданий, а мусульмане составляют вторую по численности после православных религиозную группу. Логично поэтому предположить, что внутривнутриполитическая стабильность в России в значительной степени зависит от уровня прямых или непрямых отношений российских мусульман со своими единовѣрцами в странах Средиземноморья. При этом большое число выходцев из России, живущих в странах Средиземноморья, создают мощный импульс для умножения культурных и религиозных контактов России с теми средиземноморскими государствами, в которых находятся христианские, мусульманские, иудейские святыни.

Таким образом, своим присутствием в Средиземноморье Россия как крупная военно-морская держава стремится решать в этом регионе статусные задачи, демонстрируя усиление интереса к международным вызовам, с которыми сталкиваются государства Средиземноморья. Сотрудничество с ними по самому широкому спектру проблем делают более эффективными усилия России по построению полицентричного и справедливого мира. Задача эта в настоящее время серьезно осложнена вследствие резко охладившихся отношений из-за украинских событий России с США и со всем евроатлантическим сообществом. Но соображения прагматизма - необходимость борьбы с одной из серьезнейших современных угроз, какой является исламистский терроризм, могут подтолкнуть страны Запада к сотрудничеству с Россией, предпринять совместно с ней другие действия, направленные на завершение сирийского кризиса, других кровавых конфликтов в регионе Средиземноморья.

Существуют объективные и долговременные факторы, благоприятствующие осуществлению российских интересов в Средиземноморье. Россия является постоянным членом Совета Безопасности ООН и коспонсором ближневосточного мирного процесса; она не оставляет намерений со временем активизировать здесь свою роль в сфере

поддержания безопасности. Россия, кроме того, может быть привлечена к процессу достижения политической и военной стабильности в регионе за счет сохраняющейся у нее возможности посредничать между представителями правительства и умеренной оппозиции в рамках организуемых в Москве межсирийских переговоров, в диалоге Израиля с ХАМАС, в процессе общей консолидации усилий мирового сообщества с целью урегулирования региональных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Традиционно Россия воспринимается в некоторых государствах Средиземноморья, в особенности расположенных в его южной части, как определенный противовес западной экспансии. Такое восприятие в значительной мере основано на политических реалиях СССР, который с известной натяжкой, но мог бы рассматриваться в качестве такого противовеса. Российская дипломатия, нащупывая новые пути и ресурсы для демократизации международного порядка и повышения роли России в его формировании и регулировании, надеется реализовать эту задачу, в том числе и за счет установления более тесной кооперации со странами Средиземноморья.

Возвращаясь к принятой руководством страны Морской доктрине, следует заметить, что в определенной степени она рассматривается в контексте активизации деятельности Североатлантического альянса, его приближения к границам РФ и попыткам придания НАТО «глобальных функций», что для Российской Федерации остается неприемлемым¹⁹. Но вместе с тем ее главная направленность - это поддержание балансов сил, безопасности судоходства, причем не только грузоперевозок, но и «развитие круизного судоходства из портов Крыма и Краснодарского края в страны Средиземноморского бассейна»²⁰.

¹Морская доктрина Российской Федерации. 26.07.2015 // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf>

²Overview of oil and natural gas in the Eastern Mediterranean region. 2013. August 15 // URL: http://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/regions_of_interest/Eastern_Mediterranean/eastern-mediterranean.pdf

³См. подробнее: *Малышева Д.Б.* Миграционные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки (динамика и современное состояние). М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 58-70.

⁴World at War. UNHCR Global Trends. Forced Displacement in 2014. The UN Refugee Agency. 2015. P. 5.

⁵Полунин А. Европа на грани раскола // Свободная пресса, 25.06.2015 // URL: <http://svpressa.ru/politic/article/125950>

⁶World at War... P. 8.

⁷Проблема беженцев из разбомбленных стран в ЕС решена: начинается еще одна военная операция // Однако. 22.06.2015 // URL: <http://www.odnako.org/blogs/evrosoyuz-reshil-problemu-migrantov-iz-demokratizirovannoy-im-afriki-zapuskom-voennoy-operacii-v-sredizemnomore>

⁸World at War... P. 28.

⁹EU to launch unprecedented military mission in the Mediterranean // Deutsche Welle. 18.05.2015 // URL: <http://www.dw.de/eu-to-launch-unprecedented-military-mission-in-the-mediterranean/a-18455625>

¹⁰Смилянская Н.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: ИНДРИК, 2011. С. 9-10.

¹¹См.: Заборский В. Советская Средиземноморская эскадра // Независимое военное обозрение. 13.10.2006.

¹²Nopens P. Geopolitical shifts in the Eastern Mediterranean security // Policy Brief. 2013. February. №43. P. 2.

¹³Цель ВМФ России - постоянное присутствие в Средиземном море вплоть до Атлантики. 3 августа 2007 // URL: <http://palm.newsru.com/russia/03aug2007/vmf.html>

¹⁴Цит. по: Litovkin V. Russian fleet to return to the Mediterranean // Russia Beyond the Headlines. 2013. March 21 // URL: http://rbth.com/opinion/2013/03/21/russian_fleet_to_return_to_the_mediterranean_24125.html

¹⁵Широкопад А. Россия на Средиземном море. М.: АСТ, 2008.

¹⁶Borshchevskaya A. Russia's Many Interests in Syria. The Washington Institute for Near East Policy. 2013. January 24 // <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/russias-many-interests-in-syria>

¹⁷Мухин В. Флотский альянс двух держав. Москва и Пекин продемонстрируют в Средиземном море тесное взаимодействие // Независимое военное обозрение. 15.05.2015.

¹⁸Иванов А. «Москва» вытесняет НАТО из Средиземного моря. Коалиция России и Египта меняет расклад политических сил на Ближнем Востоке // Свободная пресса. 10.06.2015 // URL: <http://svpressa.ru/politic/article/124749>

¹⁹Морская доктрина РФ...

²⁰Там же.

Ключевые слова: Средиземноморье, интересы России, конфликты, нелегальная миграция, Евросоюз, исламистский радикализм.

Василий ФИЛИППОВ

Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН,
доктор исторических наук
fvrd@rambler.ru

Руанда: 20 лет спустя

Минуло 20 лет со времени на первый взгляд бессмысленной резни в Руанде, стоившей жизни миллиону ее граждан. Однако в свете разворачивающихся в других регионах планеты войн и конфликтов руандийские события заслуживают более детального рассмотрения, поскольку в них усматривается умысел политиков, готовых во имя геополитических амбиций подстрекать националистов и бросать в кровавую мясорубку народы, столкновение интересов США и европейских стран, нарочитая глухота склонной к морализаторству Европы и откровенно вялая реакция на происходящее Совета Безопасности ООН. Понимание истоков руандийских событий позволяет лучше оценить все то, что происходило в мире после этой катастрофы.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В ноябре 1994 года под эгидой Совбеза ООН в Танзании, в городе Аруша, заработал Международный трибунал по Руанде. Он был

призван провести расследование обстоятельств гибели Президента Руанды Жювеналя Хабиариманы и выявить виновных в развязанном после этого теракта геноциде. В мае 1998 года бывший премьер-министр Руанды Жан Камбанда признал себя ответственным за организацию геноцида и был приговорен к пожизненному заключению. К концу 2005 года были осуждены и другие организаторы геноцида (всего 22 человека), продолжились процессы еще над 25 обвиняемыми. В конце 2008 года трибунал приговорил бывшего полковника руандийской армии Теонесте Багасору, обвиненного в организации ополчения «Интерахамве» и захвате 7 апреля 1994 года власти в стране, к пожизненному заключению. И лишь в мае 2011 года за участие в геноциде к 30 годам лишения свободы был приговорен бывший руандийский генерал Огюстен Бизимунгу, к пожизненному заключению - Матье Нгирумпатсе, возглавлявший в 1994 году правящую партию «Республиканское национальное движение за развитие демократии», и его заместитель Эдуард Каремер. Отметим, что в юрисдикции трибунала находятся дела только главных организаторов геноцида; для прочих преступников в Руанде создана система местных судов, которая вынесла уже более 100 смертных приговоров.

Ход расследования не вызвал энтузиазма в Елисейском дворце: через год после его начала в парижском суде был инспирирован иск родственников французского экипажа самолета, погибшего при покушении на Президента Руанды. В итоге в ноябре 2006 года судья Жан-Луи Бружьер обвинил в убийстве Ж. Хабиариманы Президента Руанды Поля Кагаме и выдал международный ордер на арест девяти руандийцев, которых он счел виновными в организации теракта.

П. Кагаме ответил на эти обвинения разрывом дипломатических отношений с Францией и приказал начать собственное расследование. На 500 страницах опубликованного отчета были представлены доказательства того, что «французская армия была не только информирована о готовящихся массовых убийствах, но и принимала в них непосредственное участие»¹. В столице Руанды Кигали объявили о готовности привлечь к уголовной ответственности тех, кого руандийский суд счел виновными в политической, военной, дипломатической и транспортной поддержке режима хуту, проводившего систематические расправы над сотнями тысяч тутси. Среди 33 виновных суд назвал тогдашнего Президента Франции Франсуа Миттерана, премьер-министра Эдуарда Балладюра, министра иностранных дел Алена

Жюппе и его помощника Доминика де Вильпена (двое последних впоследствии возглавляли правительство Франции).

В ответ пресс-секретарь МИД Франции Ромэн Надаль назвал предъявленные обвинения неприемлемыми и усомнился в объективности подготовившей доклад комиссии. И лишь в январе 2008 года министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер признал, что в 1994 году были совершены «политические ошибки». То же самое в 2010 году повторил во время официального визита в Руанду Президент Франции Николя Саркози. Однако Париж всегда категорически отрицал ответственность за прямое или косвенное участие в геноциде.

В канун траурных мероприятий в 2014 году, на которых руандийцы скорбели о своих соотечественниках, П.Кагаме вновь обвинил Францию в политической подготовке геноцида, а французских военных - в пособничестве организаторам геноцида. Посла Франции Мишеля Флеша исключили из списка участников церемонии. Газета «Либерасьон» опубликовала интервью с П.Кагаме, в котором было прямо сказано, что Париж присутствовал в стране «до, во время и после геноцида»².

Особую интригу этому международному скандалу придает тот факт, что роли, как Парижа, так и Кигали, в той трагедии до конца не выяснены и взаимные обвинения в обоих случаях имеют свои резоны.

«ЭТНИЧЕСКИЕ» КОННОТАЦИИ ПРИЧИН ГЕНОЦИДА

Фактически общепризнанной в отечественной историографии причиной страшной резни признана «межэтническая рознь» между хуту и тутси. Директор Института Африки РАН А.Васильев, размышляя о путях примирения руандийского социума, в недавнем интервью сказал: «За многие столетия они [хуту и тутси] породнились, но это все-таки разные народы. Их древняя история не совсем ясна. Тутси больше кочевники, и они традиционно хорошие солдаты. Но язык у тутси и хуту один»³. Так что же это - один народ или все-таки разные?

При наличии разных толкований понятия «этнос» различия между хуту и тутси размыты настолько, что конфликт между ними вряд ли можно интерпретировать как «межэтнический». Сошлемся на историко-этнографический справочник «Народы мира», вышедший в 1988 году под редакцией Ю.Бромлея. В статье «Руанда» сказано следующее: «Руанда, ньяруанда, баньяруанда (саммоназв.) - народ группы банту в Руанде (5,7 млн. чел.) и в соседних областях Заира

(3 млн. чел.), Уганды (900 тыс. чел.), Бурунди (120 тыс. чел.), Танзании (40 тыс. чел.). Общая численность 9760 тыс. человек... Говорит на языке руанда. Близки к рунди. Сохраняется общее с рунди деление на три социально-этнические группы - хуту (85%), тутси (13%) и пигмеев тва (св. 1%)»⁴. Таким образом, и советские этнографы признавали хуту и тутси единым народом.

В далеком прошлом названные социальные общности принадлежали к различным «культурам жизнеобеспечения». Земледельцы хуту появились на территории их нынешнего проживания в начале II тысячелетия н. э., скотоводы тутси появились там в XVI веке, подчинив себе земледельцев в рамках единого государства. В тот период между этими группами населения еще сохранялись некоторые антропологические и языковые различия. Однако уже к концу XIX века сформировался единый язык (киньяруанда), а в результате многочисленных смешанных браков сгладились фенотипические особенности. При этом принадлежность к хуту и тутси стала восприниматься как принадлежность к двум социально-статусным группам. Отнесение к каждой из них не было жестко предопределено происхождением, но существовали возможности изменения социального статуса. Хуту, который приобрел много скота или другого имущества, мог ассоциироваться с тутси, а к обедневшему тутси относились как к хуту⁵. Последний фактор позволяет квалифицировать рассматриваемые общности как социально-статусные⁶.

Известно, что в бойне, устроенной экстремистами, гибли не только тутси, но и «умеренные хуту», а в рядах Руандийского патриотического фронта (РПФ), якобы противостоявшего «экстремистам», сражались не только тутси, но и «недовольные политикой своих единоплеменников хуту»⁷. Общее число жертв геноцида составило, по разным данным, от 500 тысяч до 1 млн. 30 тыс. человек, из них около 10% - хуту.

Приходится признать, что этнические коннотации мало что объясняют в сути трагических событий 1994 года и лишь затуманивают представления об истинных причинах трагедии.

КАК ЭТО БЫЛО...

Еще в доколониальную эпоху принадлежность к тутси означала принадлежность к «аристократии» - правящей элите руандийского общества. В эпоху метрополий (Германии, а затем Бельгии) власти, при-

бегнув к так называемому «косвенному управлению», долгое время использовали тутси для поддержания нужного им порядка в колонии. Французский журналист О.Раванелло писал, что понять произошедшее можно, только осознав, что расизм до сей поры коренится в головах европейцев. «Когда белые поселенцы прибыли в Руанду из Германии и Бельгии, все они были проникнуты расовыми теориями. Они сделали вывод, что аристократы тутси, которые управляют страной, генетически лучше, чем хуту. Это расистское заключение они будут распространять в школах, его станут внедрять силой в головы руандийцев. И хуту не переставали думать о том, как взять реванш, как отучить высокомерных тутси смотреть на хуту сверху вниз»⁸.

Во время распада колониальных империй более образованные и политически активные тутси начали демонстрировать нарастающее стремление к независимости. Бельгийцы, желая сохранить свои владения на Черном континенте, резко изменили расстановку сил в колониальной администрации: теперь они искали поддержку среди менее политически активных, но численно доминировавших хуту. Уже тогда историческая память побуждала хуту вымещать обиды на потомках своих бывших угнетателей.

После того как страна получила суверенитет, власть в молодом государстве в силу политической инерции и демографических факторов оказалась в руках представителей хуту. Тутси не пожелали смириться с утратой власти и собственности. Фактически с начала 1960-х годов в Руанде и на сопредельных территориях тлел конфликт между двумя социальными общностями. В начале 1990-х годов он принял характер масштабной войны.

Бельгия использовала противостояние для того, чтобы сохранить свое влияние в регионе, нарастающий интерес к Руанде проявляли Франция и США. В 1990 году Бельгия послала в Руанду экспедиционный корпус якобы для восстановления мира в стране и предотвращения гуманитарной катастрофы. Однако эта вооруженная интервенция имела, как кажется, более прагматичную цель: бельгийские солдаты должны были остановить наступление с территории Уганды боевиков РПФ, за спинами которых маячили фигуры агентов американских спецслужб. По появившейся в печати информации, лидеры фронта, включая нынешнего Президента Руанды П.Кагаме, прошли подготовку на американской военной базе Форт Ливенуорт (Канзас), а сам П.Кагаме был завербован американской разведкой, будучи в то же самое время агентом французских спецслужб. Американский публицист

Вейн Медсен, посвятивший руандийским событиям 1994 года объемистый труд⁹, в одном из своих интервью сказал: «В Форте Ливенуорт П.Кагаме вступил в контакт с Разведуправлением Министерства обороны США. При этом он сумел найти взаимопонимание и с французской разведкой - Генеральным управлением внешней безопасности. В 1992 году будущий президент провел две встречи в Париже с сотрудниками последней, в ходе которых были обсуждены детали убийства тогдашнего Президента Руанды Ж.Хабьяриманы... Я не считаю, что Соединенные Штаты несут прямую ответственность за теракт 4 апреля 1994 года, однако оказанная П.Кагаме военная и политическая поддержка позволяет предположить, что некоторые члены американского разведсообщества и военных играли прямую роль в разработке этой операции»¹⁰. Однако, согласно другой точке зрения, убийство Президента Руанды было осуществлено экстремистскими организациями тутси под присмотром спецслужб США. Один из самых компетентных специалистов по африканским делам С.Балмасов ссылается на наличие большого числа фактов, доказывающих, что теракт организовали боевики тутси при поддержке американских спецслужб¹¹. Обе версии спорны.

По свидетельству известного французского правозащитника и публициста Ф.-К.Вершава, в 1990 году с началом разворачивания внутреннего конфликта одновременно с бельгийскими военными в Руанде появились боевики французского иностранного легиона и агенты внешней разведки Франции, поскольку окружение Миттерана искало способы осторожно вмешаться в ситуацию. Тысячи человек из службы его внешней разведки были непосредственно подчинены Елисейскому дворцу, сыграв роль своего рода президентской гвардии, которая вместе с друзьями президента из числа глав африканских государств будут воевать в Руанде четыре года, вплоть до начала геноцида. Избежав прямого военного вмешательства, Франция под присмотром спецслужб фактически организовала вмешательство наемников¹².

К лету 1993 года, казалось бы, появился свет в конце тоннеля: Президент страны Ж.Хабиаримана, представлявший интересы хуту, и представлявший интересы тутси П.Кагаме смогли договориться о прекращении огня и разработке «Дорожной карты» по интеграции тутси в политическую систему Руанды. Такое развитие событий вряд ли устраивало тех, кто многие годы инспирировал противостояние в своих политических интересах: 6 апреля 1994 года возвращавшийся из столицы Танзании самолет, на борту которого находился Ж.Хабиаримана, был

сбит на подлете к аэропорту Кигали. Вместе с Президентом Руанды погиб и Президент Бурунди Сиприен Нтарьямира.

Практически сразу после этого теракта, словно следуя заранее разработанному сценарию, солдаты руандийской армии и отряды ополчения хуту («Интерхамве») приступили к уничтожению тутси и «умеренных» хуту по всей стране. Западные миротворцы предпочли не вмешиваться в происходящее, ссылаясь на «наблюдательный мандат ООН». Уже 9 апреля Франция и Бельгия усилили контингент своих войск «для помощи в эвакуации их граждан из Руанды».

Массовые убийства тутси прекратились лишь после того, как хорошо вооруженные боевики РПФ разгромили боевиков «Интерхамве» и вынудили политическое руководство хуту бежать в Заир. После этого еще некоторое время тутси сводили счеты со своими обидчиками. Волна насилия закончилась лишь в конце июля 1994 года. Нет необходимости сколько-нибудь подробно описывать хронику этих страшных событий: о них детально рассказано, например, в официальном отчете Human Rights Watch (HRW)¹³ или на сайте Общественного телевидения США¹⁴.

ПЯТНО НА РЕПУТАЦИИ ООН

Реакция мирового сообщества на события в Руанде была более чем мягкой. Еще в январе 1994 года командующий Миссией ООН по оказанию помощи Руанде генерал Р.Даллер получил от местного агента информацию о готовящемся покушении на Президента Ж.Хабияриману, о наличии тайников с оружием, предназначенных для комбатантов хуту¹⁵. Р.Даллер запросил штаб-квартиру ООН о возможности проведения рейда по местам хранения оружия, но ему было приказано выдать агента правительству Руанды и не вмешиваться в дела суверенной страны. Вскоре после этих событий Р.Даллер вышел в отставку, он пребывал в депрессии и пытался покончить с собой. В 2003 году генерал опубликовал книгу «Рукопожатие с дьяволом»¹⁶.

В апреле, когда резня была уже в полном разгаре, Красный Крест проинформировал ООН о сотнях тысяч убитых мирных граждан Руанды. В тот же день Совбез ООН единогласно проголосовал за сокращение штата МООНПР (Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию помощи Руанде) до 270 человек, в основном военных из Ганы. И вовсе не случайно, выступая на траурной церемонии в Кигали

весной 2014 года, Генсек ООН Пан Ги Мун признал, что «войска в Руанде были выведены в момент, когда они были нужны более всего»¹⁷.

В Совбезе ООН упорно не желали признать происходящее в Руанде геноцидом. Оно и понятно: администрация США продемонстрировала откровенное нежелание вмешиваться в ситуацию. Более того, 3 мая 1994 года Президент США Билл Клинтон издал директиву, которая фактически свела к нулю возможность участия американских военных в миротворческих операциях ООН. Когда же наконец в Совбезе решили поставить на голосование вопрос о возвращении «голубых касок» в Руанду, госсекретарь США М.Олбрайт четыре дня не удосуживалась явиться на голосование. И только 17 мая СБ ООН все-таки принял решение отправить в Руанду 5 тыс. миротворцев. Однако и принятое решение в дальнейшем не выполнялось из-за нежелания финансировать миротворческую миссию. В частности, США не дали денег на переброску войск ООН в Руанду и не сошлись в цене на поставку 50 единиц бронетехники для международных миротворческих сил. 22 июня СБ ООН признал, что переговоры об организации МООНПР-2 зашли в тупик, и призвал своих членов организовать операцию по поддержанию мира в Руанде под национальным командованием.

Это было началом скандальной и спорной операции французской армии под названием «Бирюза», продолжавшейся в течение месяца. Ее цель состояла в создании демилитаризованной зоны в «треугольнике» Гома - Жиконгоро - Чьянгугу и проведении гуманитарных акций.

В декабре 1999 года независимая комиссия, действующая под мандатом Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, провела расследование и опубликовала отчет, в котором подвергла критике действия ООН во время событий в Руанде. Комиссия пришла к выводу, что руководство ООН не предотвратило геноцида по причине «нехватки ресурсов и отсутствия политической воли». Однако политическая воля была и направлялась совсем на другое - поддержание подковерной войны за передел сфер влияния между США, Францией и Бельгией.

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦИИ

В марте 2010 года во Франции на основании международного ордера, выданного судом Руанды, была арестована Агата Хабиаримана, вдова Президента Ж.Хабиариманы. Министерство юстиции

Руанды выразило удовлетворение по этому поводу, однако вскоре арестованная была отпущена под залог. В экстрадиции ее в Руанду было отказано, поскольку у Франции появилось сомнение в способности руандийской юстиции «обеспечить проведение справедливого процесса»¹⁸. Французское правосудие отказалось выдать обвиняемую и в Танзанию, где в это время уже функционировал Международный трибунал по Руанде.

Принадлежащая к одному из наиболее влиятельных в Руанде кланов хуту А.Хабиаримана поначалу поддерживала супруга и даже помогала ему удерживать власть. Но вскоре начала играть собственную роль в политическом процессе, проявив недюжинные амбиции и готовность перешагнуть через собственного супруга. Американский публицист Филипп Гуревич прямо намекает на ее причастность к убийству Президента Руанды в своей книге под символическим названием «Мы хотим предупредить вас о том, что завтра будем убиты вместе с нашими семьями»¹⁹.

В сентябре 2011 года предпринимается попытка урегулирования франко-руандийских отношений, когда Президент Руанды П.Кагаме совершил блиц-визит в Париж в сопровождении главы разведки Руанды генерала Карензи Караке. Франция при этом не решилась дать визу последнему, сославшись на то, что у нее нет своего посольства в Руанде, и попросила об этом Бельгию. Бельгийцы дали визу руандийцу, объявленному в международный розыск за преступления против своих сограждан (в 2008 г. испанский суд заочно признал его виновным в совершении массовых убийств), но сделали официальное заявление, в котором было сказано: «Это дело французов. Они должны урегулировать это с Испанией. Мы же обязаны его арестовать, если он прибудет в Бельгию»²⁰. Разумеется, генерал поехал не в Бельгию, а во Францию, где его арестовывать никто и не собирался.

В апреле 2014 года во Франции арестовали руандийца - некоего Клода Муайимана по подозрению в причастности к массовым убийствам. Но и тогда речи о его экстрадиции в Руанду не велось, что дало Кигали лишний повод обвинить Париж в укрывательстве международных преступников²¹. И это при том, что многие участники этого преступления против человечества нашли приют во Франции, но за долгие годы лишь один из руандийских офицеров был осужден на 25 лет тюрьмы. Тогда Президент П.Кагаме не без оснований заметил: «Всего один процесс за 20 лет! Когда юстиция столь медленна, мы не можем не полагать, что это намеренно!»²². Упомянутый выше журналист

О.Раванелло писал по этому поводу: «Наверное, чувство стыда мешает открыть темную страницу в нашей истории. Ведь тогда Франция была на стороне мачете, на стороне убийц, слепых участников крупнейшего геноцида со времен Холокоста»²³. Очевидно, что Франция старается не допустить серьезного судебного разбирательства гуманитарной катастрофы 1994 года и дело тут не в чувстве стыда. Вероятно, у нее есть на то более веские причины.

ФАКТЫ - УПРЯМАЯ ВЕЩЬ...

На траурной церемонии в Кигали в апреле 2014 года устроители организовали театрализованное представление, напомнившее трагические страницы истории. В ходе спектакля на авансцене появился военный джип с символическими колонизаторами, которые неожиданно сменили свои пробковые шлемы на голубые каски миротворцев ООН. Затем новая метаморфоза: миротворцы исчезают и бросают руандийцев на растерзание палачей, но вскоре появляются бойцы РПФ и именно они изгоняют зло и приносят мир. Этот зрительный образ был призван донести до граждан Руанды правду о роли Франции в событиях 1994 года.

Так что же Кигали инкриминирует Парижу? Прежде всего то, что французские спецслужбы знали о готовящемся покушении на Президента Руанды, но ничего не сделали для предотвращения теракта. Вообще, отношение Елисейского дворца к своему вассалу Ж.Хабиаримане было неоднозначным. В 1990 году Франция оказала ему значительную финансовую и военную помощь: в войне против РПФ принимали участие французские военные, которые фактически предотвратили захват столицы. Но в августе 1993 года французские советники навязали президенту соглашение, согласно которому ряд лидеров РПФ вводился в структуры власти. Очевидность такого шага диктовалась тем обстоятельством, что лидер фронта П.Кагаме являлся на тот момент агентом французской спецслужбы. Перемирие продолжалось восемь месяцев, которые убедили Париж, что Ж.Хабиаримана не способен контролировать ситуацию. Но за это время его альтернатива - П.Кагаме сменил хозяев, сделав ставку на США.

Опубликованные недавно газетой «Паризьен» секретные документы французской разведки свидетельствовали, что покушение на Президента Ж.Хабиариману было подготовлено его ближайшим окру-

жением, а запуск роковой ракеты был произведен с военной базы, на которой в то время находилась президентская гвардия Руанды. Но эти данные не прозвучали на следствии ни в Париже, ни в Танзании. Франция замолчала донесение разведки, которое «ставило под угрозу ее союзников»²⁴, что дало повод думать, что преступление совершили именно ее «союзники», позже вывезенные с территории Руанды вместе с вдовой погибшего президента. Ф.Гуревич со ссылкой на слова одного из полевых командиров хуту, Фродуальда Карамиры, утверждает, что РПФ тем самым отомстила Президенту Руанды за его непоследовательную политику²⁵.

Американский политолог У.Мэдсен называет в качестве главного организатора убийства П.Кагаме, которому помогли осуществить теракт наемники из французского легиона²⁶. Установить изначально виновного в этой трагедии трудно, и, наверное, прав был О.Раванелло, который писал, что «обе стороны искали лишь повод и восприняли убийство Президента Руанды как сигнал к действию. На следующий день тутси РПФ пошли в атаку, и одновременно хуту запустили мощную машину убийств»²⁷.

В отчете руандийской комиссии делается вывод, что геноцид стал возможен потому, что французские «миротворцы» вооружали боевиков хуту и допустили их на территории лагерей, где искали убежища жертвы погромов, - по сути, в зоны безопасности. Фактически эта операция под названием «Бирюза» была направлена только на защиту тех, кто осуществлял геноцид²⁸. Президент французской правозащитной организации «Выживание» Ф.-К.Вершав также убежден в том, что французские «миротворцы» не сделали ни одной попытки разоружить боевиков хуту, хотя мандатом ООН это вменялось им в обязанность²⁹. Позже, в 1996 году, когда повстанческая армия тутси под эгидой РПФ начала теснить правительственные войска, французские военные прикрыли боевиков хуту и дали им возможность беспрепятственно уйти на территорию Заира (ДРК)³⁰.

В 2011 году британские СМИ обнародовали документы из архива Ф.Миттерана, из которых следовало, что в Руанде непосредственно во время резни работали 47 агентов французских спецслужб в качестве военно-технических советников, которые на деле контролировали правительственные войска Руанды. Один из агентов был приставлен к Президенту Ж.Хабиаримане и отвечал за подготовку специальных диверсионных отрядов хуту и поставку им оружия на 3 млн. долларов³¹.

И США НЕ СПЕШИЛИ НАЧАТЬ МИРОТВОРЧЕСКУЮ ОПЕРАЦИЮ...

Когда же война тутси и хуту была в полном разгаре, администрация США все-таки озаботилась гуманитарной ситуацией в Уганде. В июле 1994 года Президент США Б.Клинтон заявил о готовности организовать в Уганде военную базу с целью «круглосуточной доставки гуманитарной помощи в лагерь беженцев, расположенные на территории этой страны вблизи границы с Руандой»³². Но под вывеской гуманитарной помощи в Уганду пошел поток оружия и боеприпасов для бойцов РПФ.

10 октября 1994 года американский военный эксперт Р.Герсони на заседании Комиссии ООН по делам беженцев сделал доклад, в котором изложил свои впечатления о поездке в Руанду и лагеря беженцев хуту в Бурунди, Танзании и Заире. Он сообщил, что боевики РПФ хорошо вооружены, прошли военную подготовку под началом американских военных инструкторов, систематически убивают гражданское население хуту на юге Руанды. По его оценкам, с апреля 1994 года тутси убивали от 5 до 10 тыс. хуту в месяц³³. Но этот доклад позже был дезавуирован как официальный документ ООН.

Геноцид в Руанде стал прелюдией к не менее трагическим событиям: США начали упорно вытеснять Францию и Бельгию из их сфер влияния в Африке. После того как руандийские тутси овладели Кигали, почти 2 млн. хуту бежали в сопредельные страны, прежде всего - в Заир, где властвовал один из наиболее одиозных африканских диктаторов Мобуту Сесе Секо, пользовавшийся неизменной поддержкой сетей «Франсафрик». Уже в 1994 году наплыв беженцев из Руанды привел к столкновениям между тутси и хуту уже на чужой территории, а в октябре 1996 года началось инспирированное американцами восстание заирских тутси, которых активно поддержала армия Руанды. В 1997 году режим Мобуту пал под напором боевиков Альянса демократических сил во главе с Лораном-Дезире Кабилой, который объявил себя президентом Заира (Демократической Республики Конго). Патронаж над этой нищей, но сказочно богатой природными ресурсами страной отныне стали осуществлять из Вашингтона.

БЕЛЬГИЯ ВЫХОДИТ ИЗ СХВАТКИ

Поскольку Бельгия так или иначе была вовлечена в этот кровавый конфликт, ее роль также стала предметом обсуждения. В де-

кабре 1997 года Сенат страны создал Специальную парламентскую комиссию по расследованию событий в Руанде, которая констатировала, что военная разведка Бельгии (SGR) «провалила работу в Руанде». В частности, ее обвинили в том, что она сознательно утаивала информацию бельгийских военных о нарастании антибельгийских настроений в Руанде. (Очевидно потому, что эти настроения подогревались агентами «Франсафрик» и ЦРУ.) Также выяснилось, что снабжение боевиков хуту оружием в 1990-х годах шло через бельгийский порт Остенде³⁴. На 1993 год бельгийская община в Руанде насчитывала около 1,5 тыс. человек, из них 900 человек проживали в столице, Кигали. Отправка в 1990 году бельгийского экспедиционного корпуса в Руанду отчасти была обусловлена реальным стремлением защитить своих граждан. После того как самолет Президента Руанды был сбит, бельгийских солдат, охранявших аэропорт Кигали, разоружили. Это стало первым столкновением бельгийцев с армией Руанды, обошедшимся без жертв.

На следующий день, после гибели Президента Руанды, дом, в котором укрылась премьер-министр страны Агата Увилингийимана с семьей и который охраняли десять бельгийских военных, был окружен солдатами и боевиками «Интерахамве». После короткой перестрелки бельгийцы получили приказ сложить оружие, но тут же, после жестоких унижений и пыток, были убиты. А.Увилингийимана с семьей пыталась укрыться в посольстве США, но ей не разрешили, в результате она сама, ее муж и несколько находившихся вместе с ней руандийских чиновников хуту были зверски убиты.

8 апреля около тысячи бельгийских и французских солдат, не входивших в состав миротворческих сил, установили контроль над территорией аэропорта в Кигали для обеспечения эвакуации граждан Бельгии и Франции. На следующий день эти военные разблокировали психиатрическую клинику в пригороде столицы, где укрывались врачи, сотрудники гуманитарных миссий и несколько сотен преследуемых тутси. Но военные вывели из клиники лишь ее персонал, бросив последних на произвол судьбы. Все тутси были незамедлительно убиты.

В Школе технических служащих «Дон Боско» в Кигали были расквартированы бельгийские миротворцы. С началом погромов в здании школы нашли убежище около 2 тыс. тутси (в том числе около 400 детей). Когда командир миротворцев Люк Лемейр, получивший приказ об уходе бельгийских военных из Руанды, попытался уговорить полковника руандийской армии Русатиру взять под охрану находившихся

в здании школы тутси, то получил грубый отказ. После того как французские военные эвакуировали из здания своих соотечественников, бельгийские «голубые каски» последовали за ними, оставив беззащитных людей на растерзание «Интерхамве».

Всех их зарубили мачете, выжили единицы, укрывшиеся в горе трюпов. Тогда Бельгия принимает решение эвакуировать из Уганды всех своих граждан. 14 апреля последними уходят бельгийские «голубые каски» из тонущей в крови страны. Так Бельгия окончательно утратила свои позиции в Руанде под натиском своих друзей из Франции и США.

ЕСЛИ ВЗГЛЯНУТЬ ПОГЛУБЖЕ

Причины геноцида коренились не столько в удобной версии - «межэтнической» розни между тутси и хуту, «диких народов», которые в силу вековой вражды без видимых причин начали со страшной силой резать друг друга. В действительности, вина этих людей состояла в том, что они в силу отсутствия политической традиции позволили одурачить себя в угоду интересам внешних сил. Говоря о конкуренции «великих держав» в Африке в постколониальный период, упоминавшийся выше Ф.-К.Вершав писал: «Все в той же логике конкуренции с англосаксами «Франсафрик» установила свой аванпост в Руанде. Если обратиться к эпохе Хабиариманы и владычества хуту, то присутствие сетей Миттерана с различными мотивациями становится очевидным»³⁵. Франко-американскому противоборству в Черной Африке посвящено специальное исследование другого француза - Ж.-Ф.Дюпакье³⁶, который на презентации своего труда заявил: «Уже 20 лет политический класс Франции нас обманывает относительно событий в Руанде»³⁷.

Материалы из архива Ф.Миттерана свидетельствовали, что инспирированное США наступление сил тутси из Уганды в Париже расценили как вторжение англоязычных соседей Руанды во французскую сферу интересов, а укрепление позиций тутси могло серьезно ослабить влияние Франции на Черном континенте в целом. В итоге уже французские СМИ сделали вывод, что Елисейский дворец пособничал развязавшим геноцид преступникам, операция «Бирюза» была начата не столько для его предотвращения, сколько для того, чтобы не дать рухнуть правящему режиму и не позволить ассоциировавшемуся с англосаксами РПФ захватить столицу³⁸.

А США со своей стороны рассматривали Руанду как плацдарм для проникновения в Тропическую Африку и, в частности, в сказочно богатый Заир (ДРК).

ИТОГИ ГЕНОЦИДА

По данным переписи 1991 года, население Руанды составляло 7 млн. 143 тыс. человек. Гражданская война и геноцид 1994 года привели к гибели или бегству до 40% ее граждан. По оценкам экспертов ООН, от 800 тысяч до 1 млн. человек были убиты, более 2 миллионов стали беженцами³⁹. Такова официальная статистика, резюмирующая итоги геноцида. Вместе с тем, не сомневаясь в масштабах трагедии, можно усомниться в количественных показателях и процентном соотношении убитых и мигрировавших социальных групп.

Российский эксперт А.Мезяев обратил внимание на такой факт: если исходить из того, что за три месяца 1994 года были убиты 800 тыс. тутси, то придется допустить, что при условии их поголовного уничтожения 200 тысяч «были убиты два раза»⁴⁰. Более того: после их поголовного уничтожения тутси смогли взять власть в свои руки, изгнать из Руанды радикальных хуту, а затем одержать уверенную победу на всеобщих выборах. С.Балмасов, в свою очередь, предположил, что «американская пропаганда втиснула 800 тыс. погибших за все время гражданской войны в Руанде в апрель-май-июнь 1994 года и объявила всех погибших кочевниками-тутси»⁴¹. Эта версия представляется весьма убедительной, если принять во внимание иллюзорность деления населения Руанды по пресловутому «этническому принципу» и вспомнить о том, что статистические характеристики населения любой африканской страны весьма условны. А уж статистическая информация в стране, пережившей гражданскую войну и геноцид, и вовсе не может претендовать на достоверность.

ПЛОХО ВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

Эта печальная история должна стать поводом для раздумий и покаяния тех политиков, которые по сей день оттачивают мастерство манипулирования политическими режимами суверенных государств. Тех государств, которые провозглашаются «сферой жизненных интересов»

одной или нескольких стран, узурпировавших право выстраивать систему международных отношений исключительно с точки зрения соответствия их собственным интересам. Произвольно трактуемое международное право превращается в фиговый листок, прикрывающий разного рода военные интервенции и политические заговоры. При этом конструируется миф о том, что всякий новый прецедент международного вмешательства в конфликтные ситуации имеет целью добиться умиротворения сторон и защитить права человека. Как иронично заметил итальянский философ Умберто Эко, «из-за переизбытка добродетелей побеждают силы ада»⁴².

Постмодернистские коннотации в международном праве возникли тогда, когда мир стал однополярным. Крах Советского Союза, распад Варшавского договора, разрушение Берлинской стены ознаменовали новую эру в международных отношениях. В начале нынешнего столетия классик постмодерна Жак Деррида с грустью констатировал: «Сколько бы другие государства ни изобличали, ни обвиняли в нарушении права, в уклонении от права, во всевозможных перверсиях и девиациях те или иные rogue States [государства-террористы], одни США могут объявить себя гарантом международного права, инициировать войну, полицейские операции или, наоборот, сохранить мир, поскольку у них есть сила. Именно США и их союзники в этих действиях сами являются в качестве суверенных наипервейшими rogue States»⁴³.

Прошло не так много времени, и ситуация заметно изменилась: Россия нашла в себе силы вновь занять достойное место в международном сообществе, а за спиной США маячит грозная тень Поднебесной. Теперь Вашингтон еще более настойчиво вторгается в дела суверенных государств, стремясь всеми силами сохранить за собой роль единственной сверхдержавы. Стареющая Европа не в силах противиться диктату «союзника», даже если при этом страдают ее собственные интересы. Но уроки истории убеждают в том, что человечество всегда находило в себе силы и мудрость противостоять кровавому безумию.

¹Франция не признала обвинений Руанды в геноциде тутси // <http://lenta.ru/news/2008/08/06/rwanda/>

²Макарова А. Геноцид в Руанде: в чем вина Франции? // <http://www.russian.rfi.fr/frantsiya/20140407-genotsid-v-ruande-v-chem-vina-frantsii>

- ³*Солдатов А.* Тутси против хуту: досье на национальный конфликт // <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/soldatov/tutsihutu/>
- ⁴Руанда // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 375-376.
- ⁵*Мухаматулин Т.* В Руанде отмечают 20 лет с начала страшного геноцида, унесшего жизни миллиона человек // http://www.gazeta.ru/science/2014/04/07_a_5982057.shtml
- ⁶Интерпретации социально-статусных групп в качестве «этнических» - ошибка достаточно типичная // *Турьинская Х.М.* Федерализм в Восточной Африке: «Один народ, одна судьба»? // Азия и Африка сегодня. 2014. №4. С. 29-33.
- ⁷*Балмасов С.* Франция противится своему разоблачению // <http://www.pravda.ru/world/restofworld/africa/29-09-2011/1093361-ruand-2/>
- ⁸*Ravello O.* Rwanda : une honte française // <http://fr.news.yahoo.com/blogs/ravello/rwanda-une-honte-francaise-164043366.html>
- ⁹*Madsen W.* Genocide and Covert Operations in Africa 1993-1999. African Studies. L., Edwin Mellen Pr. 1999.
- ¹⁰*Солдатов А.* Указ. соч.
- ¹¹*Балмасов С.* Как тутси Поль Кагаме вырезал миллион хуту, а Билл Клинтон сделал тутси «жертвами геноцида» // <http://scander11.livejournal.com/143038.html>
- ¹²*Verschave F.X.* Le Crime Continue. 2000. Retranscription de conférences-débat données par F. X. Verschave, président de Survie de 1995 à 2005 // <http://survie.org/publications/livres/article/le-crime-continue>
- ¹³Leave None to Tell the Story: Genocide in Rwanda // <http://www.hrw.org/legacy/reports/1999/rwanda/>
- ¹⁴100 days of slaughter // <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/evil/etc/slaughter.html>
- ¹⁵*Вртанесян К., Палян А.* Геноцид в Руанде // Акты геноцида в истории человечества // <http://www.genocide.ru/lib/genocides/rwanda.htm> Известно, что правительство Руанды использовало кредиты, полученные от различного рода международных фондов, для вооружения ополчения хуту, численность которого непосредственно перед началом геноцида достигла 30 тыс. человек
- ¹⁶*Dallaire R.* Shake Hands with the Devil: The Failure of Humanity in Rwanda. Random House, Canada, 2003.
- ¹⁷*Пан Гу Мун.* ООН стыдно за геноцид 1994 года в Руанде // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/04/140407_rwanda_genocide_anniversary.shtml
- ¹⁸France rejects Rwanda's Habyarimana extradition bid // <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-15095003>
- ¹⁹*Gourevitch Ph.* We Wish to Inform You That Tomorrow We Will Be Killed with Our Families. N.Y., Farrar, Straus and Giroux, 1998. P. 83.
- ²⁰*Балмасов С.* Франция противится...

- ²¹Во Франции арестован участник геноцида в Руанде // <http://www.mk.ru/politics/world/news/2014/04/10/1012445-vo-frantsii-arestovan-uchastnik-genotsida-v-ruande-unesshego-zhizni-1-mln-chelovek.html>
- ²²Макарова А. Указ. соч.
- ²³Ravanello O. Op. cit.
- ²⁴Макарова А. Указ. соч.
- ²⁵Балмасов С. Франция противится...
- ²⁶Солдатов А. Указ. соч.
- ²⁷Ravanello O. Op. cit.
- ²⁸Францию винят в причастности к геноциду в Руанде // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6082000/6082570.stm
- ²⁹Verschave F.X. La Françafrique. Retranscription de conférences-débat données par F. X. Verschave, président de Survie de 1995 à 2005 // <http://survie.org/francafrique/article/la-francafrique>.
- ³⁰Францию винят...
- ³¹Dupaquier J.-F. Rwanda: Un autre document implique Paris dans le génocide des Tutsis <http://umuvugizi.wordpress.com/2013/01/30/rwanda-un-autre-document-implique-paris-dans-le-genocide-des-tutsis/>
- ³²Клинтон Б. Моя жизнь. Альпина Паблишер, 2005. С. 681.
- ³³Балмасов С. Как тутси Поль Кагаме...
- ³⁴Солдатов А. Указ. соч.
- ³⁵Verschave F.X. Op. cit.
- ³⁶Dupaquier J.-F. Politiques, militaires et mercenaires français au Rwanda. Chronique d'une désinformation. Karthala, 2014.
- ³⁷Jean-François Dupaquier: «Sur le Rwanda, la classe politique française nous désinforme depuis vingt ans. C'est intolérable» // <http://afrikarabia2.blogs.courrierinternational.com/archive/2014/05/05/jean-francois-dupaquier-sur-le-rwanda-la-classe-politique-fr-49888.html>
- ³⁸Ravanello O. Op. cit.
- ³⁹Шленская С.М. Республика Руанда. Справочник. М., 2012. С. 13.
- ⁴⁰Месяев А. Забытый трибунал, или Миф о геноциде в Руанде // http://www.dejanlucic.net/Rus/genocid_u_RUANDI_RUSKI.html
- ⁴¹Балмасов С. Как тутси Поль Кагаме...
- ⁴²Эко У. Имя розы. М., 1989. С. 434.
- ⁴³Derrida J. Y-a-t-il des états-voyous? // Le Monde Diplomatique. 2003. Janvier, 10. P. 10.

Ключевые слова: геноцид, тутси, хуту, Руанда, Франция, США, ООН.

Эльдар КАСАЕВ

Главный специалист Российского газового общества, член Экспертного совета Союза нефтегазопромышленников России, кандидат экономических наук
eldar_karach@mail.ru

Актуальные проблемы России на газовых рынках Европы и Азии

Глобализация углеводородного рынка, межрегиональная конкуренция Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, острые политико-экономические решения Запада в адрес нашего государства все сильнее подогревают интерес экспертного сообщества к проблеме конкурентоспособности российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в международном газовом бизнесе.

К этим злободневным процессам в мировой энергетике, которые влияют на позиции России, следует добавить нападки Европейской комиссии на «Газпром», неопределенность газотранспортного проекта «Турецкий поток», реализацию Третьего энергетического пакета ЕС, создание Европейского энергетического союза, а также попытки Москвы прочно закрепиться на газовом рынке Китая и снизить объемы закупки «голубого топлива» в Центральной Азии и Азербайджане.

«ГАЗПРОМ» vs ЕВРОКОМИССИЯ

Весной 2015 года Еврокомиссия направила «Газпрому» уведомление о претензиях в нарушении антимонопольного законодательства на рынках Центральной и Восточной Европы. Прежде всего, тут две важные составляющие, на которые опирается Брюссель.

Во-первых, недобросовестные цены со стороны российского концерна. По заявлениям Еврокомиссии, в некоторых случаях ценовая разница между одним государством и другим достигает 40%. Во-вторых, разрыв рынков Европы, поскольку «Газпром» якобы препятствует свободной конкуренции, то есть перепродаже газа, который он поставляет покупателям, на рынки других стран.

Примечательно, что разбирательство идет с 2012 года, но в последнее время оно вновь актуализировалось на фоне напряженных российско-украинских газовых отношений и стремления Москвы диверсифицировать источники поставок газа в Европу, начав реализацию крупного магистрального проекта с Анкарой.

Нет ни толики сомнения в том, что реанимация еврокомиссарами дела трехлетней давности - это политическое действие со стороны Брюсселя, который, в свою очередь, сверяет часы с Вашингтоном. Подтверждением тому служит ситуация с «Турецким потоком», который находится пока еще в зародышевом состоянии, но многие государства, через которые должен был пройти «Южный поток» (отменен в декабре 2014 г.), стали активно обсуждать потенциальное участие в новом проекте. Почему?

«Турецкий поток» - это стабильность поставок сырья на длительный срок. Вполне возможно, что от украинского транзита Россия откажется после истечения срока договора в 2019 году. Кроме того, это финансовые средства, которые Москва может дать для строительства трубы и которые впоследствии европейцы будут возмещать «Газпрому».

Однако некоторые европейские игроки, резво начавшие переговорный процесс с российской стороной, в последнее время замешкались. Греция начала неясно выражать свою позицию устами премьер-министра Алексиса Ципраса. После прибытия в Скопье посла США Джесса Бейли, длительное время работавшего в Турции, вдруг разразился «македонский майдан», который накалил обстановку в небольшом государстве, имеющем хорошую перспективу стать воротами для российского топлива на Балканы.

Вероятно, именно высокопоставленный американский дипломат с хорошими связями в регионе способствовал тому, чтобы развернуть в Македонии очередной вооруженный конфликт, который, конечно, имеет под собой и внутреннюю подоплеку, но для его активизации понадобилась «рука помощи» США.

Весьма странным образом повела себя Сербия, которая, кстати, до сих пор не расплатилась с «Газпромом» по долгам. Сначала Президент Томислав Николич заявил о том, что «Турецкий поток» стране не нужен. Однако спустя короткое время он опроверг это заявление, сказав, что имел в виду лишь то, что «Турецкий поток» не так выгоден, как был бы выгоден «Южный поток». Все это похоже на информационную войну и махинации, которыми известны Соединенные Штаты. С помощью этой теневой игры они пытаются раскачать обстановку в Европе и тем самым помешать экспортной стратегии Москвы.

Несмотря на попытки наших заокеанских визави сорвать планы «Газпрома», у него есть прочный остов для продолжения эффективного партнерства с Европой: удельный вес российского «голубого топлива» в энергобалансе ЕС составляет около 30% на протяжении уже нескольких лет.

Что касается пресловутого украинского транзита, о котором так много говорится на разных площадках, то он одинаково опасен и для поставщика, и для потребителей. В этой связи инициатива «Газпрома» по строительству альтернативного маршрута доставки газа европейцам, пусть и по новой схеме (не доставку конечному потребителю, а доставку до границы Турции и Европы), вполне целесообразна и экономически оправдана для европейских покупателей. Ведь если Украина окажется ненадежным транзитером в зимнее время, то пострадают прежде всего потребители. Да, Москва недополучит денежные средства, а в европейских домах люди недополучат тепла, и это может стать серьезной гуманитарной катастрофой.

Таким образом, политически ангажированные действия и заявления американских и европейских игроков способны серьезно насолить именно гражданам и промышленным предприятиям, которые вовсе не хотят участвовать в сомнительных играх политиков, а заинтересованы в стабильности собственного экономического состояния.

Как представляется, до официальных решений международного арбитражного суда по искам ЕС, Украины к «Газпрому» еврокомиссарам следует быть аккуратнее в негативных оценках, адресованных российскому концерну. Несмотря на жесткую риторику, пока от российских

углеводородов Европа отказаться не может. Заместить газпромовское топливо сжиженным природным газом (СПГ) или сырьем прикаспийских государств по «Южному газовому коридору» и после 2020 года невозможно.

СЖИЖЕННЫЙ ГАЗ И СЫРЬЕ ИЗ ПРИКАСПИЯ: ВОПРОСОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОТВЕТОВ

В 2014 году в Литве был запущен СПГ-терминал в Клайпедском порту (мощность - 3 млрд куб. м в год). Страна подписала пятилетний договор с норвежской «Statoil» на поставку СПГ. Однако этот контракт проигрывает по двум главным показателям нынешним условиям договора с «Газпромом» - объемам и цене. Норвежцы предлагают небольшие объемы газа по высокой цене.

Так, Литва законтрактовала поставки всего 540 млн. куб. м газа в год из Норвегии. Этого литовцам недостаточно. Например, в 2013 году объем потребления газа в прибалтийском государстве составил 2,6 млрд. куб. м. В этой связи отказаться от российского газа, даже после запуска СПГ-терминала, Литва не сможет.

Примечательно, что в летний период при самых привлекательных рыночных ценах на газ в Европе цена норвежского СПГ для Литвы будет соответствовать цене российского газа, а в зимний период она будет существенно ее превосходить. Разница будет составлять около 100-150 долларов за 1 тыс. куб. м. Дело в том, что цены на норвежский газ не фиксированные, в основе будут заложены рыночные цены, но к ним будет прибавляться надбавочный коэффициент.

Даже если предположить, что Литва купит 3 млрд. куб. м газа в Норвегии, то получится, что литовским потребителям придется заплатить сверху лишние 100-150 млн. долларов.

В результате альтернатива российскому газу ведет к дополнительным издержкам и росту цен на газ для граждан Литвы: поставщики СПГ могут в любой момент перенаправить поставки в Азию, потому что это выгоднее. И чтобы сохранить стабильные объемы поставок, Литве придется повышать цены.

Польша, которая строит свой СПГ-терминал (мощность - 2,5 млрд. куб. м в год) в Свиноуйсьце, подписала единственный контракт (!) на поставку газа с Катаром на 1,5 млрд. куб. м в год по цене 600 долларов за 1 тыс. куб. м. Катарский газ будет на порядок дороже россий-

ского. Не исключено, что именно поэтому Литва отказалась покупать СПГ у Катара.

Аналогичные проекты в Юго-Восточной Европе представляются малореализуемыми. Запуск приемного терминала «Adria» в Хорватии мощностью 10 млрд. куб. м в год неоднократно переносился, и в настоящее время его завершение запланировано не ранее 2017 года. Проекты «Levan» и «SemanGas» в Албании мощностью 8 млрд. куб. м и 30 млрд. куб. м в год соответственно представляются нереализуемыми вследствие отсутствия достаточного спроса на газ в регионе и высокой конкуренции за поставки СПГ с другими проектами в Средиземноморье.

Ресурсная база ряда прикаспийских государств также не позволяет быть уверенным в долгосрочных поставках необходимого объема газа европейским потребителям. В мае 2015 года в Ашхабаде прошли переговоры руководителей нефтегазовых ведомств Азербайджана, Туркменистана, Турции, а также представителей Еврокомиссии о возможных поставках газа из Прикаспия в Европу.

Азербайджан в рамках освоения газового месторождения «Шах-Дениз-2» является одним из основных инвесторов и крупнейшим участником в строительстве транспортной инфраструктуры для экспорта сырья в страны ЕС. По оценкам, капитальные затраты Азербайджана на реализацию масштабного газотранспортного проекта «Южный газовый коридор» составят около 13 млрд. долларов, часть средств уже инвестируется. Старт поставок с «Шах-Дениз-2» намечен на 2018 год. При этом основные объемы газа попадут на европейский рынок в условиях неясной ценовой конъюнктуры и неопределенности в состоянии энергетического рынка ЕС.

Ежегодный экспортный потенциал Казахстана в ближайшие два десятилетия оценивается от 5 до 10 млрд. куб. м газа (Россия, например, поставила европейцам более 140 млрд. куб. м газа в 2014 г.). При этом казахстанский газ будет направляться на премиальный рынок Китая, а не Европы.

Туркменистан готов экспортировать топливо в Европу, но все свободные объемы туркменского газа уже законтрактованы Китаем. Еврокомиссия запланировала на 2015 год подписание трехстороннего меморандума о понимании между Туркменистаном, Азербайджаном и ЕС о строительстве Транскаспийского газопровода, который активно лоббируют США. Однако реализация этого проекта весьма спорна из-за возможного переизбытка сырья, так как объемы туркменского газа попадут

на рынок южноевропейских стран в период, когда будут поставлены на рельсы другие намеченные проекты, включая «Турецкий поток».

К тому же следует учитывать еще один риск: из-за близости с Афганистаном высока неопределенность политической ситуации в Туркменистане. Кроме того, Москва и Тегеран выступают против прокладки Транскаспийского газопровода, заявляя, что до решения вопроса по правовому статусу Каспия такой проект может быть реализован только с согласия всех пяти прикаспийских государств.

Иран в обозримой перспективе не сможет снабдить европейский рынок большими объемами сырья, поскольку газовая отрасль страны требует солидных финансовых ресурсов для модернизации, которых пока у Ирана нет¹.

Что касается Турции, то она продолжает реализацию стратегии по превращению страны в международный энергетический хаб, заключающейся в том, чтобы сосредоточить на своей территории большую часть энергетических потоков, через которые газ идет в Европу.

В свою очередь, ЕС, делая ставку на каспийский газ, пытается диверсифицировать источники поставок сырья, снизив зависимость от России. Однако в обозримой перспективе газ из Прикаспия не ослабит позиции «Газпрома» на европейском рынке ввиду обозначенных выше причин.

СТРОГО ПО ЦИФРАМ, ИЛИ ЦЕНА ВОПРОСА

По оценкам компании «British Petroleum», к 2035 году в потреблении ЕС первичной энергии газ впервые сравняется по удельному весу с нефтью и будет опережать уголь и возобновляемые источники². Дополнительный спрос ЕС на газ к этому времени будет ежегодно составлять примерно 100-150 млрд. куб. м.

При этом собственное производство в Европе упадет на 45% из-за исчерпания базовых месторождений в Северном море. Добыча сланцевого газа в ЕС в силу высокой себестоимости (в два раза выше, чем в США), экологических, законодательных ограничений не превысит 4 млрд. куб. м, то есть менее 1% потребления.

Экспорт американского СПГ составит 68-70 млрд. куб. м в год в 2025 году, а к 2035 году - 107 млрд. куб. м. Причем основной объем сырья будет направляться на более премиальный рынок Азии, где цены привлекательнее европейских. По прогнозу Всемирного банка, в 2025 году средняя цена на СПГ в Японии будет примерно на 25% выше, чем в ЕС.

Несмотря на общую мощность более 20 терминалов по приему СПГ, превышающую 200 млрд. куб. м газа³, в 2014 году они были загружены лишь на 20%. Для сравнения: в 2010 году этот показатель был равен 48%, но потом поставщики СПГ (прежде всего Катар) устремились на азиатские рынки⁴.

Ретроспективный анализ статистики показывает, что в 2010-2011 годах поставки СПГ в Европе были на максимальных значениях за последние пять лет (87,76 млрд. куб. м и 90,7 млрд. куб. м соответственно⁵). Поставки трубопроводного газа из России росли: 139 млрд. куб. м и 150 млрд. куб. м (данные «Газпрома»).

В 2012 году поставки СПГ понизились до 69,3 млрд. куб. м, а российские объемы остались на том же уровне. В 2013 году европейский импорт СПГ еще сократился до 51,5 млрд. куб. м, а поставки из России достигли рекордного уровня - 162 млрд. куб. м. В 2014 году наблюдался спад по обоим направлениям экспорта.

Таким образом, динамика поставок российского газа и поставок СПГ на рынок Европы зависит от ряда факторов - темпов экономического роста, спроса, динамики собственной добычи газа, конъюнктуры цен на газ на региональных рынках.

В 2010 году цены на СПГ в Европе устраивали экспортеров (не было такой огромной разницы с рынком Азии), поэтому они реализовывали объемы сжиженного газа и получали достойную прибыль. К тому же Россия поставляла не такие большие объемы, а спрос на газ в Европе был высокий.

В последующие годы картина начала меняться: на фоне спада экономики ряда государств начала сокращаться собственная добыча газа в Европе, СПГ из-за благоприятной ценовой конъюнктуры стал поставляться преимущественно в Азию, а цена на трубопроводный газ России устраивала европейцев и по прямым контрактам, и на спотовых площадках.

В итоге российский газ заместил выпавшие с рынка объемы СПГ и спад в собственной добыче газа в Европе. В 2014 году из-за проблем с Украиной и падения спроса на газ в Европе поставки «Газпрома» сократились, как и поставки СПГ. Однако российский магистральный газ для Европы надежнее импортного СПГ, так как не имеет приоритетной нацеленности на рынок Азии.

Справедливости ради стоит особо подчеркнуть, что та цена, по которой газ доходит до европейских потребителей, предприятий и домохозяйств, во много раз выше, чем цена, по которой «Газпром» по-

ставляет газ. Происходит огромная накрутка, поскольку европейские трейдеры отлично зарабатывают на поставках газа.

Кроме того, иногда спотовые цены (рыночные цены на свободном рынке) оказываются даже выше, чем цены по долгосрочным контрактам «Газпрома». И здесь Европа, видимо, лукавит, утверждая, что российская компания нарушает европейское законодательство. Скорее, европейские продавцы сами наживаются на своих же гражданах и обвиняют в этом Россию.

Стоит напомнить, что долгосрочный план Евросоюза по либерализации газового рынка состоит из нескольких сюжетов. Один из них - выделение газотранспортных мощностей в независимые компании, с тем чтобы, как считается, обеспечить справедливый доступ всех участников рынка к газопроводам.

Второй важный элемент реформирования рынка - отход от нефтяной привязки и переход к ценообразованию на основе спотовых цен на газ.

В таком случае стоимость газа будет привязана к котировкам на европейских газовых хабах - торговых точках природным газом. Тогда цены на газ оказываются независимыми от нефтяных цен, а сам газовый рынок в большей степени будет напоминать своей структурой нефтяной рынок с биржевым (равно как и внебиржевым) ценообразованием, со своими финансовыми инструментами.

В Европе существует несколько региональных газовых хабов. Основные из них: британский NBP, голландский TTF, бельгийский ZEE, немецкие Gaspool и NCG, австрийский CEGH, французский PEG, итальянский PSV.

Это перечисление содержит некоторые упрощения (например, французский PEG в действительности включает в себя несколько подзон), но в целом такое описание газовых хабов Европы отражает действительность.

Кроме того, в тесной связке с некоторыми газовыми хабами работают биржи, что тоже увеличивает зрелость хабов. Это в первую очередь лондонская ICE, парижская Powernext, APX-ENDEX (Амстердам), EEX в Лейпциге.

Основная претензия к хабовому ценообразованию - объемы торгов (как реальным газом, так и по финансовой надстройке). Как следствие, цены на хабах могут стать предметом манипуляций и вообще плохо отражать реальное положение дел.

По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), реальные объемы, торгуемые на спотовых площадках, составляют по-

ловину от потребления всех европейских стран. Необходимо уточнить, что приводимые МЭА данные на самом деле не отражают величину поставок газа конечным потребителям, так как часть физически продаваемых объемов могла перепродаваться между самими хабами.

Наиболее зрелыми хабами считаются британский NBP, а на континенте - TTF. Соответственно, к ценам на них некоторые экспортеры уже готовы привязывать свои газовые поставки (в частности, контракт с привязкой к котировкам хабов Северо-Западной Европы в 2012 г. заключили между собой норвежская «Statoil» и немецкая «Wintershall»). Однако даже на этих площадках пока нет абсолютно стабильного ценообразования. Яркий пример - взлеты спотовых цен весной 2012 года, когда Великобритания чуть не замерзла, оставшись без газа.

Примечательно, что разница в ценах на газ на хабах Северо-Западной Европы незначительна. Причина - развитая инфраструктура в регионе и небольшие расстояния, что способствовало свободному перетеканию газа и выравнивало цены.

Напротив, в Центральной и особенно Южной Европе спотовые цены на газ выше. В течение 2013 года цены и на итальянском PSV (основном южном хабе), и на австрийском CEGH приблизились к северо-европейским.

Спотовые цены не являются синонимом выражению «низкие цены». В 2012-2014 годах в Европе они находились на уровне 370 долларов за 1 тыс. куб. м, что считалось бы очень высокой ценой в 2006-2007 годах⁶.

Европейские граждане в большинстве своем не разбираются в таких тонкостях. Если во времена СССР коммунизм для них был основным злом, то сейчас все стрелы направлены в сердце «Газпрома», огромную машину, поддерживаемую государством. На самом деле политическая природа российского концерна - это одна из форм доказательства прозрачности и невраждебности «Газпрома», который в статусе госструктуры обязан четко соблюдать нормы и внутреннего законодательства, и европейского права, не нарушая при этом правил, которые прописаны в активно обсуждаемом Третьем энергопакете ЕС.

ПРЕСЛОВУТЫЙ ЭНЕРГОПАКЕТ И ТУМАННЫЙ ЭНЕРГОСОЮЗ

Необходимость его разработки была вызвана жалобами небольших трейдеров, заявлявших, что крупные энергоконцерны не предостав-

ляют им доступа к распределительным сетям. Принятие этого пакета постоянно откладывалось. Ситуация изменилась после «газовой войны» между Россией и Украиной в начале 2009 года.

Россия рассчитывала убедить ЕС согласиться на строительство газопроводов в обход Украины. И в некоторой степени ей это удалось. Именно после конфликта 2009 года, оставившего Европу почти на три недели без российского газа, были сняты возражения о строительстве «Северного потока» (магистрала, по которой российский газ идет в Германию). Однако, дав согласие на его строительство, в ЕС одновременно ускорили принятие Третьего энергопакета.

На протяжении нескольких лет с момента вступления в силу этого пакета документов (2011 г.) идут разбирательства с рядом стран о ненадлежащем принятии его норм. Болгария, Кипр, Литва, Словения, Финляндия, Великобритания заявили о частичном принятии. Эстония, Ирландия, Польша, Румыния, Словакия заявили о полном принятии.

По всем этим странам, за исключением Словакии, Литвы и Кипра, дела переданы в Европейский суд. Кроме названных, через судебные разбирательства уже прошли Нидерланды, Швеция, Люксембург, Испания и Австрия, но по ним судебные процедуры уже закрыты.

Таким образом, 16 европейских государств соглашались с предлагаемыми реформами только по решению суда. И, возможно, этот список еще неполон.

Особенно показательно упорное сопротивление принятию как Второго, так и Третьего пакетов со стороны Великобритании, с ее самым развитым и ликвидным газовым рынком. Эта страна начала либерализационные процессы гораздо раньше своих соседей на континенте, уже накопив изрядный рыночный опыт и, очевидно, лучше многих понимая последствия нововведений.

Примечательно, что именно для Великобритании суд назначил самую высокую сумму пени, которую стране предстоит ежедневно выплачивать вплоть до устранения разногласий. Для других стран (Эстонии, Болгарии, Словении) суммы штрафов носят скорее символический, дисциплинарный характер.

Еврокомиссии очень важно подчинить независимую и значительно более продвинутую в развитии своего газового рынка Великобританию, ведь полное принятие Третьего энергопакета всеми без исключения странами-участницами является обязательным условием создания общеевропейского рынка.

Основная причина медленной имплементации норм Третьего энергопакета в законодательства европейских стран - национальные интересы и приоритеты в газоснабжении, которые Еврокомиссия всеми способами пытается заменить на общеевропейские.

Помимо этого, на стадии имплементации норм Третьего энергопакета частные лица, интересы которых негативно затронуты, вправе будут оспаривать в национальных судах соответствующие нормы имплементирующего законодательства. В таком случае национальные суды будут обращаться в Суд ЕС за получением преюдициальных решений по вопросам толкования и действительности тех норм европейского права, которые послужили основой для принятия оспариваемых национальных актов.

Таким образом, чем глубже европейский финансовый кризис и очевиднее противоречия между государствами ЕС, тем менее они хотят «размывать» свои национальные границы в такой чувствительной сфере, как поставки природного газа, отдавая решение этих вопросов на откуп союзным структурам либо неким уполномоченным органам.

В концепции Европейского энергетического союза, представленной в 2015 году, акцент делается на партнеров вне России, как традиционных (прежде всего Норвегию), так и новых (Турцию, Азербайджан, Туркмению, Северную Африку, Ирак, Иран). Более того, Еврокомиссия предлагает наложить ограничения на суверенитет стран в определении их энергетической политики (предварительное согласование не только межгосударственных, но и крупных коммерческих контрактов; введение единых стандартов и принципов ценообразования).

С одной стороны, реализация этого сценария может негативно отразиться на российском экспорте, но с другой - создаст возможности найти союзников среди тех игроков, которых не устраивает курс Еврокомиссии. Против уже выступила Норвегия. Недаром Евросовет на заседании в марте 2015 года, одоблив создание Европейского энергетического союза, решил пока не настаивать на обязательном согласовании газовых контрактов с Еврокомиссией и не давать ей права на их блокировку.

По сути, союз должен противостоять позиции России как главного экспортера энергоносителей в Европу и одновременно сделать ЕС более энергонезависимым.

Цель создания этой новой наднациональной структуры - навязать поставщикам драконовские условия сотрудничества и лишить нацио-

нальные правительства возможности вести независимую политику в ключевой экономической отрасли.

Столпами энергетического союза провозглашены безопасность, солидарность и доверие, завершение формирования внутреннего энергорынка, сдерживание спроса на энергоносители, «декарбонизация» (то есть отказ от углеводородов) структуры энергетики ЕС, исследования и инновации.

Если же оставить декларируемый пафос и взглянуть объективно, то перспективы открываются совсем не радужные. Причем как для экспортеров на рынок ЕС (главным из которых является Россия), так и для национальных правительств стран Евросоюза.

Еврочиновники хотят стовариваться о ценах, вынуждая продавцов принимать навязываемые условия. И опять же делать это так, чтобы национальные правительства государств-членов не смели и голоса подать.

Брюссель хочет лишить Россию возможности предпринимать ответные меры в случае продолжения санкционной войны против Москвы. Однако европейским странам самим будет отнюдь не легко: ни одно национальное правительство не сможет самостоятельно вести переговоры, минуя цепкие руки бюрократов из Еврокомиссии. Более того, предлагается дать ЕС право вето, если итоги переговоров вдруг не понравятся Брюсселю (читай - Вашингтону!).

Как представляется, успех Европейского энергетического союза возможен лишь при соблюдении следующих принципов.

Первое. Не стоит подменять рыночную торговлю на газовых хабах, следует действовать в связке с такой торговлей.

Второе. Применять новый механизм исключительно к долгосрочным контрактам, что обеспечит некую степень прозрачности в исключительно закрытом процессе составления газовых соглашений, ведь «Газпром» очень часто включает секретные положения в свои контракты с такими покупателями, как Германия, которые заключаются на 25 лет.

Третье. Не препятствовать частным европейским компаниям вести конкурентную борьбу за долю рынка и не мешать свободному доступу к этому рынку, что возникает тогда, когда такой доступ предоставляется только крупным поставщикам.

АЗИАТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В отличие от европейского газового рынка, позиции России на азиатском рынке пока весьма слабые, поэтому в долгосрочной перспекти-

ве необходимо наращивать экспортный потенциал в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Примечательно, что в последние годы нефтегазовый рынок перешел от поставщика к потребителю. И поэтому России, несмотря на то что она занимает большую долю на европейском газовом рынке, следует активно идти в Азию и ориентироваться прежде всего на Китай. Это государство потребляет большое количество энергоносителей. По прогнозам, к 2030 году потребность Китая в газе вырастет, а потребление угля, который является основным энергоносителем в общем энергобалансе страны, наоборот, понизится.

«Газпром» может здесь оказать очень хорошую помощь в виде своих поставок по восточному (38 млрд. куб. м в год к 2031 г.) и западному маршрутам (30 млрд. куб. м в год примерно к 2026 г.).

Предпосылки для этого есть. В мае 2015 года Президент России Владимир Путин ратифицировал соглашение о поставках российского газа в Китай по восточному маршруту. Общая цена контракта составляет 400 млрд. долларов, срок - 30 лет, объем сделки - 38 млрд. куб. м в год⁷. В этом же месяце было подписано соглашение между «Газпромом» и китайской компанией CNPC по западному маршруту.

Говоря о стратегии России на азиатском рынке, следует обратить внимание не только на экспортную, но и на импортную составляющую. Здесь интересно оценить целесообразность и эффективность закупок газа в Центральной Азии и Азербайджане.

Несмотря на подписанные межправительственные соглашения России и тремя государствами Центральной Азии об импорте в Россию газа из этих стран, «Газпром» уже на протяжении нескольких лет рассматривает возможность снижения импортных объемов сырья, а затем и полного отказа от покупки среднеазиатского газа по нескольким причинам:

- ежегодные перебои и недопоставки импортного сырья;
- высокая стоимость закупаемого газа;
- наличие собственных избыточных производственных мощностей.

«Газпром» ежегодно сталкивается с перебойями и недопоставками среднеазиатского газа, недополучая в зимний период десятки миллионов кубометров сырья.

Стоит отметить, что осуществляемый Россией реэкспорт среднеазиатского газа оформляется как транзит и не облагается экспортной пошлиной. В итоге российский бюджет недополучает 3,5 млрд. долларов в год, подсчитали эксперты.

В своем исследовании они справедливо отмечают, что ранее «Газпром» стремился выкупить среднеазиатский газ, прежде всего туркменский, чтобы он не пошел на рынок Европы или Китая.

В свою очередь, Европа призывает Туркменистан присоединиться к проекту «Южный газовый коридор», по которому через Турцию в ЕС планируются поставки азербайджанского сырья. Много лет обсуждался проект строительства Транскаспийского газопровода через Каспийское море от Туркменистана до Азербайджана. Однако в 2009 году Туркменистан все-таки начал экспортировать газ в Китай. Из-за этого сбыт туркменского газа в Россию резко сократился почти в четыре раза, а цена газа выросла.

В 2013 году «Газпром» закупил у Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и Азербайджана почти 30 млрд. куб. м газа, заплатив в среднем по 275,8 доллара за 1 тыс. куб. м⁸. При этом добыча «Газпрома» составила 487,4 млрд. куб. м⁹.

Себестоимость добычи собственного сырья «Газпрома» составила около 34 долларов за 1 тыс. куб. м. По оценке Фонда национальной энергобезопасности (ФНЭБ), сейчас маржа «Газпрома» при продаже среднеазиатского газа составляет менее 20 долларов за 1 тыс. куб. м. В 2011 году она составляла около 80 долларов¹⁰.

По заявлению главы «Газпрома» Алексея Миллера, нынешние добычные возможности концерна составляют 617 млрд. куб. м газа, а объем добычи компании в 2014 году достиг лишь 444 млрд. куб. м¹¹.

Таким образом, в перспективе целесообразно поэтапно отказаться от закупок среднеазиатского газа (начать с узбекского, затем туркменского), поскольку российские производители могли бы добыть и поставить тот же объем газа, заплатив налоги и создав рабочие места на внутреннем рынке.

От азербайджанского газа тоже можно отказаться, поскольку объемы его импорта крайне малы. В 2014 году российский импорт составил около 207 млн. куб. м газа против почти 1,37 млрд. куб. м в 2013 году¹².

Снижение объемов поставок газа произошло по объективным причинам, которые связаны с созданием новой дорожно-транспортной инфраструктуры, а также ремонтными работами на самом газопроводе.

Стоит подчеркнуть, что Азербайджан в настоящее время не планирует восстанавливать экспорт газа в Россию, поскольку работы по строительству оставшегося участка автомобильной дороги Баку - Губа - граница с Россией еще не завершены. Кроме того, продолжаются технические работы на самой газотранспортной инфраструктуре¹³.

Анализ наиболее актуальных проблем России на европейском и азиатском газовых рынках позволяет сделать важные выводы.

Позиции нашего государства в Европе по-прежнему весьма прочные, несмотря на политические ухищрения Еврокомиссии, часто действующей с подачи Белого дома.

Азиатское направление даст экономические плоды лишь в долгосрочной перспективе. Имиджевые дивиденды в глазах газовых визави Москва уже получила, заключив крупные контракты с Пекином.

В целом конкурентоспособность российского газового сектора на региональных рынках весьма высока, поскольку наша страна располагает большими объемами сырья, которые готова экспортировать по вполне справедливым ценам и с помощью прозрачных механизмов.

Тем не менее российские преимущества уравниваются различными рисками, среди которых особняком стоят правовые и логистические.

¹См. подробнее: *Касаев Э.О.* Газовая конкуренция: Иран в обойме // Независимая газета. Приложение «НГ-Энергия». 13.05.2015.

²Здесь и далее приводятся данные BP Energy Outlook 2035.

³Данные интернет-сайтов компаний - операторов терминалов и International Group of LNG Importers.

⁴Данные European LNG terminal operators' group GLE, Global LNG Limited Europe.

⁵Здесь и далее приводятся данные BP Statistical Review of World Energy 2011, 2012, 2013, 2014.

⁶Данные интернет-сайтов европейских хабов, на которых продается природный газ.

⁷Интерфакс. 02.05.2015.

⁸Ведомости. 16.10.2014.

⁹URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/extraction/>

¹⁰Ibid.

¹¹Выступление Алексея Миллера на конференции «Европа и Евразия: на пути к новой модели энергобезопасности». 13.04.2015 // URL: <http://www.gazprom.ru/press/miller-journal/029076/>

¹²Интерфакс. 24.02.2015.

¹³Азербайджанский газ нужен даже России // Day.Az. 10.02.2015 // URL: <http://news.day.az/economy/555110.html>

Ключевые слова: «Газпром», «Турецкий поток», «Южный поток», сжиженный газ, энергопакеты.

Международная

ЖИЗНЬ

Библиотека

Руслан ХАСБУЛАТОВ

Заведующий кафедрой мировой экономики
РЭУ им. Г.В.Плеханова, член-корреспондент
Российской академии наук
95850@mail.ru

ПРОРЫВ К ЕВРОПЕЙСКОМУ МИРУ, БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ. НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Журнал «Международная жизнь» сделал полезное дело, опубликовав статью доктора экономических наук, профессора Юрия Пискулова, посвященную 40-летию Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)*. Тогда терпеливая и плодотворная работа его участников увенчалась выдающимся успехом - Заключительным актом 1975 года. Я сказал о «полезном деле» не случайно. Как ни странно, но годовщина этого уникального в современной европейской (да и мировой) политической истории собы-

тия осталась почти незамеченной в мировых СМИ. И этому есть причины. Сегодня на Западе «забывают» о многих уроках истории, в том числе о тех здравомыслящих политиках второй половины XX века, которые нашли выход из напряженнейшей ситуации в отношениях Восток - Запад, во многом схожей с сегодняшней. Именно об этом идет речь во второй рецензируемой работе Пискулова, написанной и опубликованной им в июле этого года по просьбе европейского издательства «Lambert Academic Publishing»**. «СБСЕ, спустя 40 лет, не потеряло своей притягательности и актуальности»¹, - отмечает Юрий Пискулов в этой книге. Автор, крупный специалист в области экономики и политики, подчеркивает выдающуюся роль Президента Финляндии Урхо Калева

* Пискулов Ю. По пути, проложенному в Хельсинки. *Международная жизнь*. 2015. №7.

** Пискулов Ю. Россия - Запад: обратная сторона конфликта. Размышления экономиста. Lambert Academic Publishing, 2015.

Кекконена, проявившего подход политика мирового уровня к сложнейшей работе, в том числе закулисной, по организации Совещания и его успешного завершения. Безусловно, большую роль сыграли доверительные отношения Кекконена с советским руководством, в том числе с Леонидом Брежневым, Алексеем Косыгиным, Андреем Громыко. Работа была исключительно сложной: речь шла прежде всего об окончательном утверждении реальностей, которые сложились после Второй мировой войны в Европе (в соответствии с Ялтинской и Потсдамской конференциями), включая границы, обеспечение мира и безопасности на европейском континенте. Нелегкими были и вопросы привлечения к участию в Совещании США и Канады, а также вопросы «корзины по правам человека». Неслучайно советский лидер Брежнев тогда сказал: «Мы подписали хельсинкский Заключительный акт сегодня, а шли к нему десять лет». Десять долгих, упорных, терпеливых и мастерских переговоров между 33 странами Европы, США и Канадой.

Само Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, подчеркивает автор, стало возможным потому, что мир устал от холодной войны и народы требовали от своих правительств прекратить противостояние по оси «капитализм - социализм», «СССР - США», «Восточная Европа - Западная Европа». Собственно, «общий зондаж» на эту тему начался вскоре после завершения Карибского кризиса (окт. 1962 г.), когда из-за острого соперничества СССР и США мир оказался буквально в шаге от мировой ракетно-ядерной катастрофы. Осознание опасности пришло уже после успешного разрешения этого трагического противостояния двух ядерных держав - США

и СССР. И советский лидер Хрущев, и американский Президент Кеннеди - оба осознали необходимость установления новых, мирных отношений на прочной договорной базе. В конце 1960-х годов - при Брежневе и Джонсоне - (1968 г.) между двумя супердержавами был подписан ряд соглашений о нераспространении ядерного оружия (с участием Франции и Великобритании), важное соглашение по Западному Берлину (1971 г.) и другие.

Урхо Кекконен вместе с советскими партнерами вынашивал планы более долгосрочного и стабильного обеспечения мира и безопасности в Европе. Финские коллеги-профессора говорили мне еще в начале 1980-х годов, когда я часто бывал в Хельсинки (читал лекции в Хельсинкской высшей экономической школе), что эта идея буквально захватила финского президента с середины 1960-х годов. По его инициативе, подчеркивает Пискулов,

несмотря на сопротивление НАТО, министры иностранных дел северных стран выступили за созыв СБСЕ (что последовательно поддерживал и влиятельный европейский политик - шведский премьер Улоф Пальме). 5 мая 1969 года правительство Финляндии вручило известную записку европейским странам, а также США и Канаде с предложением начать подготовку общеевропейского совещания в Хельсинки. Идея официально была поддержана странами СЭВ. Западноевропейские страны, США и Канада дали свое согласие начать переговоры. 3-7 июля 1973 года в Хельсинки начался первый, уже официальный этап СБСЕ, в ходе которого всеми с благодарностью были отмечены усилия Президента Кекконена по созыву Совещания и подчеркнуты намерения участников довести до завершения начатое дело.

Второй этап Совещания в Женеве длился почти два года - с сентября 1973-го по июль 1975 года. Это была очень трудная работа, неоднократно оказывавшаяся на грани срыва, подчеркивает автор. Например, когда началась «шестидневная война» на Ближнем Востоке между арабскими странами и Израилем, казалось - все, конец переговорам по европейской безопасности. Но мудрость лидеров стран преодолела тогда и эти неожиданные препятствия при помощи и личном вмешательстве финского президента.

Торжественное подписание европейскими странами, США и Канадой 1 августа 1975 года Заключительного акта означало провозглашение известных десяти принципов, в основе которых лежат действительно краеугольные ценности: мир, безопасность, сотрудничество европейских стран, отказ от холодной войны, незыблемость

послевоенных границ и политического устройства, права человека. Эти принципы хорошо работали не одно десятилетие.

Распад СССР и затем Югославии нанесли огромный ущерб делу европейского сотрудничества и безопасности. Многие положения хельсинкского Заключительного акта «зависли», а усиление противостояния между Западом и Россией в последнее время сделало обстановку в Большой Европе сложной и малопредсказуемой.

Очевидно, правы те аналитики и политики, которые предлагают начать подготовку нового Совещания по безопасности и сотрудничеству - СБСЕ-2. Европейские народы нуждаются в нем не меньше, чем в 1960-1970-х годах, когда начинался раунд переговоров СБСЕ-1.

В своей работе «Россия - Запад: обратная сторона конфликта» доктор экономических наук Ю.Пискулов развивает идеи европейского сотрудничества. В ней с позиций экономиста-международника, теоретика и практика он размышляет о корнях этого конфликта, высказывает свои суждения относительно настоящего и будущего отношений Россия - Запад, о развале однополярного мира во главе с США и американских попытках не допустить его превращения в многополярный. Автор говорит о несбывшихся мечтах Запада видеть Россию своим послушным младшим партнером, об антироссийском курсе и неприятии самостоятельной «путинской России». Следует отметить трезвый анализ и емкие оценки событий, в том числе развязанных Западом информационных и «гибридных» войн против России, парадокса конфронтации политиков и стремления к реальной интеграции европейского и российского бизнеса. Автор рассуждает о «новой глобализации по-американски», которую США

пытаются реализовать через создание глобальных партнерств: трансатлантического - с Европой и тихоокеанского - с Азией в ущерб России и Китаю.

«Обратная сторона конфликта» - это и проблемы российской экономики в условиях западных санкций и ответных антисанкций, и сценарии ее развития; взаимодействие и противоречия российских элит и политика руководства страны. Отметим как интересную авторскую трактовку развития политических и экономических сил в России в контексте конфронтации Россия - Запад и событий на Украине, так и - впервые, пожалуй, в научной литературе - критический обзор деятельности научного и экспертного сообществ России и российских СМИ.

Хочется выделить ту часть работы, которая анализирует причины и последствия беспрецедентной информационной войны Запада против России. Это тем более актуально, что сегодня и на Западе, и в России (со стороны «наших неолибералов») делаются попытки переложить ответственность за противоборство «с больной головы на здоровую». Так, совсем недавно некая Мария Снеговая, докторант Колумбийского университета (Нью-Йорк), в статье «Информационная война: Кремль начинает и проигрывает» («Ведомости», 9 сентября 2015 г.) вопреки общеизвестным фактам и хронологии событий внушает читателю, что «Россия как любая автократия, обладающая монополией на информацию, в ведении информационной войны имела изначальное преимущество перед Западом. У любого демократического правительства гораздо меньше возможностей использовать информацию в качестве целенаправленного орудия».

Еще в мае 2012 года торгпредство России в Хельсинки провело международный семинар на тему «Восток - Запад: мифы и реалии», на котором отмечалось, что сохранение и культивирование стереотипов и мифов о России времен холодной войны крайне отрицательно повлияли на отношения Запад - Россия в целом и на отношения между Финляндией и Россией в частности, задержав реализацию многих проектов и рост торговли².

А на международном семинаре в городе Турку в сентябре 2014 года, собравшем 200 участников, его организатор, директор Панъевропейского института Кари Лиухто, выразил общую точку зрения о необходимости скорейшего нахождения средств преодоления кризиса в отношениях России с Западом по формуле: услышать друг друга, понять и восстановить доверие, несмотря на различие «базовых ценностей», которые, заметим, под влиянием глобализации становятся все более размытыми понятиями.

Стоит подчеркнуть, что к мифам о российской «угрозе» и «агрессивности» отношение неоднозначное и на Западе. Показательна реакция российского эмиграционного зарубежья. Неприятие Советского Союза не означает для них неприятия современной России. «Позиция России, ее президента в нынешних международных обстоятельствах нам совершенно понятна и созвучна мыслям многих из нас», - говорит Дмитрий Шаховский, заслуженный профессор ряда французских университетов, представитель княжеского рода Рюриковичей. Он - автор открытого письма потомкам белой эмиграции, подписанного сотнями выходцев из России: «Мы не можем смириться с ежедневно обрушивающейся на нас клеветой в адрес современной России... с вопиющей

русофобией и лицемерными подходами, полностью противоречащими интересам любимой нами Европы»³.

Один из наиболее острых вопросов современных международных отношений - как остановить мир от сползания в еще большую конфронтацию, как прекратить медийный беспредел, провоцирующий это сползание. По мнению автора книги и статьи, экономиста с большим опытом международной работы, в том числе в бизнесе, началом прекращения медийного беспредела могло бы стать универсальное применение такой, казалось бы, технической части информационной политики, как международная статистика. «Круглый стол», проведенный в конце 2014 года в Вене по проблемам Украины, а фактически по отношениям ЕС - Россия, сделал своим лейтмотивом призыв «только факты и цифры» как средство от тотальной лжи и безверия. Свое честное, но наивное, на мой взгляд, предложение Ю.Пискулов опубликовал в «Российской газете» 17 декабря 2014 года, а затем направил в наш МИД. Дабы предупредить критику «необъективности и пропагандистского характера» наших оценок, говорит автор, сошлемся на коренных европейцев. Фундаментальный труд немецкого исследователя Бернхарда Роде (1245 страниц) с предисловием известного французского теоретика в области геополитики Алана де Бенуа назван им «Новая холодная война США против России» и вышел в 2012 году⁴. В центре его внимания движущие силы, цели и последствия американской стратегии в отношении России. Для нас особенно интересны главы «Продолжение американской стратегии дестабилизации России в период правления Путина» и «Новый проект США - военное окружение России».

Во время первой «холодной войны» американские спецслужбы советовали Президенту Бушу-старшему ни в коем случае не допустить сохранения статус-кво Советского Союза, а толкнуть его на путь капиталистического развития, вовлечь в новый мировой порядок под верховенством США. С этой целью американская правящая элита остановила выбор на Борисе Ельцине, который стал «непосредственным могильщиком Советского Союза»⁵. Ельцин являлся важнейшей шахматной фигурой, на которую возлагали свои мечтания теоретики американской мировой гегемонии Маккиндер, Спайкмен и особенно Збигнев Бжезинский. В 1990-х годах, по мнению Роде, Ельцин был инструментом, с помощью которого американские банки и компании осуществляли захват российской экономики и ее сырьевых ресурсов, опираясь при этом на помощь олигархов - новой проамериканской криминальной элиты России⁶.

После распада СССР правящие круги США начали новую «холодную войну» - теперь против России, с целью привести к власти силы, способные сохранить положение, которое существовало в эру Ельцина. Однако, по прогнозам Роде, перспектива глобального господства США, важнейшей составной частью которого стал антироссийский курс, неизбежно закончится провалом. Все признаки для этого налицо - однополярный мир превращается в многополярный. А «имперское перенапряжение превышает силы даже такой могущественной страны, как США»⁷.

Однако отечественные американисты-неолибералы думают по-другому. Так, одна из солидных газет в редакционной статье убеждает читателя в том, что западные лидеры обоснованно сочли, что «Путин в

украинском кризисе перешел грань дозволенного, нарушил правила игры». Их мнение якобы подкреплено общественным, которое «возмутилось после сбитого малайзийского «боинга» и требует от политиков жесткой позиции по отношению к России». С их точки зрения, априори виновата, конечно, Россия, хотя ход расследования катастрофы, всячески затягиваемый Западом, говорит об обратном. «До 2014 года Россия была сложным, но партнером, с которым можно договариваться; теперь России не верят, она считается непредсказуемой и подлежит сдерживанию»⁸. Такие бездоказательные утверждения, к сожалению, стали стартом для развязывания против России информационной и экономической войн.

Вопрос, что надо сделать сторонам конфликта, чтобы максимально снивелировать его, является, на мой взгляд, стержнем рецензируемого исследования. Предложение автора на этот счет заслуживает внимания. Встреча президентов России и США в ходе юбилейной сессии ООН (в том числе по сирийской проблеме) говорит о наметившемся прогрессе. По словам В.Путина, у Москвы и Вашингтона много совпадающих позиций по ситуации в Сирии и Украине. Продуктивной назвали эту встречу и американские, и европейские официальные лица, и ведущие СМИ. Весомо прозвучало и выступление В.Путина на Генеральной Ассамблее ООН, предложившего широкую коалицию стран против опасного противника на Ближнем Востоке, угрожающего не только странам региона, но и России, да и самой Европе, свидетельством чего является поток беженцев, усложняющих жизнь европейцев.

Из многих интересных и полезных размышлений и предложений автора книги хочу выделить его мнение о необходимо-

сти переосмысления и корректировки целей и механизмов экономической, в том числе внешнеторговой, политики России - важного фактора ее модернизации и экономического роста. В частности, это касается идеи «повального импортозамещения», политика которого плохо совмещается с доминирующей в современном мире политикой развития экспортно-ориентированной экономики. Более разумна не замена или отмена импорта, а его использование (компонентов, новейших технологий и соответствующих таможенных режимов) для развития конкурентоспособного производства и экспорта, не защита отечественного производителя субсидиями, а реальная поддержка мерами кредитно-финансовой политики предприятий и регионов, способных встроиться в глобальные цепочки создания добавленной стоимости⁹.

Отсюда вытекают задачи и содержание новой промышленной политики, то есть формирование инвестиционными бюджетными и налоговыми средствами новых и реанимация «старых» производств и услуг, но потенциально высокотехнологичных, базирующихся на традиционных национальных сырьевых и других ресурсах и конкурентных преимуществах.

Это и есть «новая индустриализация», то есть использование имеющихся факторов производства, включая те, которые еще совсем недавно считались глобальным бизнесом нерентабельными по причине конкуренции со стороны развивающихся стран с дешевой рабочей силой. А для России новая индустриализация - это еще и интенсивное участие в международном разделении труда через производственно-технологическую кооперацию с тем, чтобы преодолеть «сырьевое проклятие».

Заслуживает внимания тот факт, считает Ю. Пискулов, что политику импортозамещения (локализации) поддерживает, как ни странно, иностранный бизнес, в первую очередь европейский, создавший крупные активы в России. Председатель правления Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ) Филипп Пегорье в интервью главному редактору журнала «Международная экономика» говорит, что степень интеграции предприятий России и ЕС гораздо выше, чем во времена Советского Союза. «В этом и причина сопротивления европейского бизнеса санкциям против России. Вернуться обратно не получится»¹⁰.

Кажущееся противоречие де-факто активности европейского бизнеса в России заявлениям и санкциям официальных лиц ЕС де-юре вполне объяснимо, говорится в книге. Оно означает, с одной стороны, нежелание бизнеса резать «по живому» сложившиеся выгодные связи с одним из крупнейших мировых рынков и, с другой стороны, «по умолчанию», - согласие официальных лиц ЕС «не замечать» нарушение бизнесом санкционных директив. Напомним, что объем накопленных Германией инвестиций в России достигает 20 млрд. долларов, а оборот торговли ЕС - Россия в последние годы составлял почти 500 млрд. долларов. Его сокращение в угоду США означало бы усугубление проблем в экономике ЕС, не оправившейся от кризиса.

На мой взгляд, очень интересен раздел книги «Властные элиты и «smart»-консерватизм», в котором читатель найдет параллели между теорией и практикой современного политического руководства и руководства России эпохи Александра III. Тогда «технократическая элита» смогла адекватно ответить на модернизационные

вызовы без подчинения страны иностранному влиянию и капиталу.

Наконец, можно согласиться с выводами автора книги о том, что в сложной геополитической обстановке продолжение курса на сырьевую экономику не заслуживает оправдания. Он стал не только главным ограничением для устойчивого и динамичного экономического роста, но и растущей угрозой суверенному развитию страны. Более того, этот курс, фактически противоречащий путинской доктрине самостоятельного развития России, в очередной раз показал свою несостоятельность в результате обвала нефтяных цен и введения западных санкций. Кризис показал, что, несмотря на очередные разговоры о диверсификации, важнейшей отраслью, «священной коровой», на которую все еще молятся власть и большой бизнес, остается «нефтянка» со всеми ее преимуществами и недостатками.

Несмотря на небольшой объем (всего 75 страниц), книга чрезвычайно емкая по содержанию, насыщена интересными, свежими фактами, оригинальными авторскими оценками и опирается на солидную научную основу. В частности, содержит 100 сносок на первоисточники. Такой эффект достигается за счет неоспоримых «сравнительных преимуществ» автора: за его плечами десятилетия активного и влиятельного участия в развитии деловых связей нашей страны с Европейским Севером и Западом в целом. Не меньшее количество лет отдано теоретическому обобщению опыта и получению глубоких, комплексных знаний о предмете исследования.

Сказанное делает работу Юрия Пискулова весьма полезной для широкого круга читателей как в России, так и за рубежом.

Стоит приветствовать публикацию подобных исследований. Тем более что сегодня на Западе, наряду с примитивной антироссийской пропагандой, стали появляться не только ангажированные псевдонаучные

исследования феномена «Россия - Запад», но и вполне объективные, научные работы на эту тему, в число которых можно зачислить и рецензируемую книгу.

¹Пискулов Ю. Россия - Запад: обратная сторона конфликта. Размышления экономиста. Lambert Academic Publishing, 2015. С. 65.

²Международная жизнь. 2015. №7. С. 119.

³Российская газета. 24.12.2014.

⁴Rode Bernhard. Das Europäische Schachbrett. Amerikas neuer Kalter Krieg gegen Rußland. Hoheinrain Tübingen, 2012.

⁵Ibid. P. 432-433.

⁶Ibid. P. 435.

⁷Ibid. P. 1116.

⁸Ведомости. 14.10.2014.

⁹Пискулов Ю. Россия-Запад... С. 14-15.

¹⁰Международная экономика. 2014. №9.

Ключевые слова: СБСЕ, хельсинкский Заключительный акт, СБСЕ-2, холодная война, Большая Европа.

Сергей ФИЛАТОВ

Обозреватель журнала
«Международная жизнь»
serfilatov@mail.ru

Россия и АРАБСКИЙ МИР

Работа «Россия и арабский мир»* вызывает не только интерес (случайно удалось купить в книжном магазине МГИМО последний экземпляр), но и уважение. Ее автор - Алексей Борисович Подцероб собрал в мощной монографии такое количество событий из истории отношений нашей страны с арабским миром в самые разные эпохи, что число ссылок на источники насчитывает полторы тысячи! Огромная по объему работа проделана уважаемым исследователем, который долгие годы проработал в различных странах Арабского Востока на должностях от младшего дипломата до

Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации. Поэтому книга получилась не только научная, но окрашенная личным отношением автора к тем событиям и проблемам, о которых он неравнодушно повествует.

Поражают масштабы не только проделанной работы по многолетнему сбору материалов для монографии, но также и исторических событий - от XVII века до сегодняшних дней. Ему удалось все это собрать, систематизировать, да еще изложить легким стилем. Более 500 страниц читаются с неослабевающим интересом.

Политическое взаимодействие России и арабских стран, их торгово-экономические отношения, связи в оборонной области, научное и культурное сотрудничество, контакты в религиозной сфере представляют собой канву этой монографии.

*Подцероб А.Б. Россия и арабский мир: монография / Под ред. А.З.Егорина. МГИМО (У) МИД России, Институт востоковедения РАН. М.: МГИМО-Университет, 2015. 540 с.

Книга открывается «Обращением к читателям», написанным министром иностранных дел России С.В.Лавровым, в котором министр, в частности, отмечает: «А.Б.Подцероб убедительно, с использованием богатого фактологического материала демонстрирует глубокие корни дружественных отношений между Россией и арабскими государствами, основанных на взаимной симпатии, доверии и учете интересов друг друга».

Читатель найдет на страницах монографии документальные записи об установлении и развитии связей между Российской империей и странами арабского мира, о помощи государствам региона в советский период, состоянии отношений между РФ и странами Ближнего Востока и Магриба в новую эпоху.

Одна из глав специально посвящена разбору роли военно-морских сил великих держав в Средиземном море и Персидском заливе и их соперничеству, а также военной помощи, которую оказывал Советский Союз арабским странам.

«Место арабских стран в системе современных международных отношений предопределяется сочетанием ряда факторов - экономических, географических, военно-политических, демографических» - так начинает автор свое повествование. «Экономическая значимость арабского мира обусловлена в первую очередь тем, что на его территории находятся крупнейшие месторождения углеводородов. Только в зоне Персидского залива сосредоточены две трети мировых запасов нефти и одна треть газа. Ни в одном другом районе земного шара нет подобной концентрации энергетического сырья, не просто жизненно важного для мировой экономики, но и обеспечивающего само существование современной цивилизации...

Отдельно стоит отметить исключительную роль Ближнего Востока как мирового транспортного узла, в котором сходятся в узкий пучок морские и воздушные пути, связывающие Европу с Азией и Тихоокеанским регионом. Через Ормузский пролив (нередко называемый «нефтяными воротами») и Суэцкий канал осуществляются снабжение углеводородами Европы, Южной Азии и Дальнего Востока и грузовые перевозки между европейскими и азиатскими странами. Так, по данным администрации Суэцкого канала, через него прошли 8% мировых морских перевозок», - отмечает А.Б.Подцероб.

«Наконец, одно из арабских государств - Саудовская Аравия - занимает особое место в мусульманском мире как страна, на территории которой возник ислам и находятся Мекка и Медина, в то время как на земле Ирака, в Кербеле и Неджефе, расположены главные шиитские святыни, а тунисский Кайруан считается четвертым священным городом ислама» - вот так автор характери-

зует самые важные особенности этого района мира и переходит к значению Арабского региона для международной политики.

«Ближний Восток и Северная Африка - один из наиболее нестабильных районов мира. Сложность урегулирования возникающих здесь кризисов в немалой степени связана с наслоением друг на друга интересов государств этого региона, соперничеством вне-региональных держав, межнациональными и межрелигиозными противостояниями. Взаимное недоверие создает дополнительные трудности для выхода на политические решения. Длющиеся десятилетиями конфликты (ближневосточный и западно-сахарский) привели к появлению поколений, не знакомых с жизнью в мирных условиях и рассматривающих насилие как норму существования.

Наиболее продолжительным является ближневосточный конфликт, начавшийся в 1948 году и дважды (в 1956 и 1973 гг.) подводивший мир к ядерной конфронтации. Как показывает опыт, его урегулирование на основе договоренности между самими конфликтующими сторонами невозможно, и это прекрасно понимают в арабском мире», - подчеркивает автор.

Он специально выделяет самые тревожные особенности местной ситуации: «Специфической чертой арабского мира является то, что в качестве акторов международных отношений там выступают не только государства, но и экстремистские организации. Их акции, которые не вписываются в классические параметры «игры наций», делают развитие обстановки в регионе еще более непредсказуемым. На Ближнем Востоке и в Северной Африке активно действуют такие ассоциированные с «Аль-Каидой» террористические группировки, как «Каида аль-джихад» в Месопотамии (и связанные с нею 13 более

мелких радикальных исламистских групп), «Аль-Каида» на Аравийском полуострове, Организация «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, а также целый ряд национальных экстремистских групп, например ливанская «Хизбалла» или палестинская ХАМАС. [В дни написания этой книги про ИГИЛ еще не было слышно, а потому оно и не упомянуто, что, кстати, является ярким свидетельством, как стремительно меняется обстановка на Ближнем Востоке.]

Осуществляемые ими акции (террористические и диверсионные операции, провоцирование внутренних и межгосударственных конфликтов, создание незаконных вооруженных формирований, установление контроля над территориями) оказывают дестабилизирующее влияние не только на развитие обстановки в районе Персидского залива, Леванта, Северо-Западной Африки и в сахельской зоне, террористическая угроза «выплескивается» из Южного Средиземноморья в Европу».

Анализируя характерные особенности местного радикализма, А.Б.Подцероб замечает: «Религиозный радикализм порождается целым комплексом причин, не последнее место среди которых занимают оккупация Израилем Иерусалима и неурегулированность ближневосточного конфликта в целом, угрозы американцев и израильтян в адрес Ирана, вторжение войск США и их союзников в Афганистан...

Тем не менее основной причиной нарастания волны исламизма следует считать издержки социально-экономической и политической модернизации, которая в некоторых странах региона осуществляется слишком низкими, а в других - чрезмерно форсированными темпами. Негативную роль играет и то, что правящие режимы в арабских государствах нередко реагируют на меня-

ющуюся ситуацию с запозданием, не начиная реформы или начиная это делать лишь тогда, когда дальнейшая задержка чревата системным кризисом. В современном глобализирующемся мире данная проблема вышла за рамки национальных границ стран региона и приобрела международный характер».

Вот так - по полочкам - раскладывает автор чрезвычайно сложную, порой запутанную, но всегда интереснейшую для исследователей мозаику местных общественно-политических и экономических реалий, подводя читателя собственно к теме этой монографии - российско-арабским отношениям. И даже читатели, которые никогда к этим проблемам не прикасались, сразу получают общее представление о том, с какими партнерами мы имеем дело на Арабском Востоке.

Автор пишет: «Нельзя, наконец, упускать из виду, что Арабский Восток представляет собой составную и, пожалуй, важнейшую часть более обширного региона - исламского мира, связи с которым оказывали и будут оказывать влияние на судьбу Российской Федерации, в том числе в цивилизационном плане.

Арабы, в свою очередь, рассматривают Россию как дружественную им державу, обладающую необходимым потенциалом для того, чтобы стать одним из центров формирующегося многополярного мира и содействовать восстановлению равновесия в международных отношениях».

Главы этой книги шаг за шагом направляют читателя к истории отношений России с арабами еще в XVII-XVIII веках: и повествуют о первых торговых походах, и демонстрируют особенности отношений Российской империи с территориями, являвшимися в те года частью Османской империи, и пока-

зывают зарождение отношений с Марокко, Ливаном, Палестиной, Тунисом, Саудовской Аравией и другими странами уже в XX веке. Чрезвычайно интересные факты извлекает автор из исторических фолиантов, которые он щедро цитирует.

Весь исторический период российско-арабских отношений раскладывается по главам и по тематике: «Политическое взаимодействие», «Торгово-экономические отношения», «Военное и военно-техническое сотрудничество», «Культурные и научные связи, гуманитарные контакты», «Воздействие религиозного фактора». Можно процитировать многие отрывки из этой работы на указанные темы.

Рассматривая «Политическое взаимодействие», А.Подцероб, в частности, отмечает: «Что касается Советского Союза, то стратегический прорыв в его отношениях с ближневосточными странами произошел в 1955-1956 годах, после того как позиция, занятая Москвою во время Суэцкого кризиса, привела к установлению СССР дружественных отношений с Египтом, Сирией, а затем и с Ираком, к упрочению его авторитета не только на Арабском Востоке, но и в «третьем мире» в целом. В советской внешней политике в то время стали причудливо сочетаться идеологические соображения со стремлением обеспечить национальные интересы.

Национальная буржуазия развивающихся стран, к которой ранее относились с недоверием, начала рассматриваться как союзник в борьбе против империализма. Курс на сотрудничество с развивающимися странами был объявлен одним из важнейших внешнеполитических принципов наряду с укреплением социалистического лагеря и мирным сосуществованием. В немалой степени такое смещение акцентов объяснялось, с одной

стороны, осознанием тщетности надежд на быстрый крах капитализма на Западе, а с другой - все более явными успехами национально-освободительных движений в колониальных и зависимых странах.

Политическая поддержка СССР арабских стран, активное взаимодействие с ними на международной арене, особенно по вопросам ближневосточного урегулирования, военное и военно-техническое сотрудничество, помощь в сооружении сотен экономических объектов обусловили высокий престиж нашей страны в регионе. Советский Союз, отмечает профессор рабатского Университета Мохаммеда V Мария ат-Тауфик, рассматривался «не только как союзник и друг, но и как партнер, присутствующий в регионе и участвующий в его делах...

После распада Советского Союза курс России в отношении арабских стран формировался под воздействием как объективных, так и субъективных факторов. Не могло не сказываться и то, что наша страна буквально в одночасье перестала быть супердержавой...»

Однако в настоящее время ситуация меняется: «Россия вновь стала одним из ведущих игроков на ближневосточной и североафриканской аренах». «Политика Москвы в регионе, - цитирует А.Б.Подцероб одного из региональных аналитиков, - может расцениваться как достаточно успешная. России удается поддерживать дружественные отношения практически со всеми крупными акторами в регионе - как прозападными, так и антизападными, за исключением «Аль-Каиды» и близких к ней организаций».

Да, сегодняшние события вокруг Сирии ясно демонстрируют, что Россия вернулась на Ближний Восток всерьез и надолго. Историческая пауза после распада СССР завершилась на этом стратегическом направлении нашей внешней политики.

Что касается «Торгово-экономических отношений», то автор опять начинает издали, постепенно подводя свое исследование к сегодняшнему дню. Он пишет: «Установление российско-арабских торгово-экономических связей восходит к XVIII веку. Возможности для этого создало появление в Средиземном море кораблей превратившейся в великую державу России. Уже по заключенному в 1720 году договору со Стамбулом Россия получила право свободной торговли в османских владениях. Подписанный же 22 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийский мирный договор с Турцией предусматривал открытие Босфора и Дарданелл для русского торгового мореплавания и предоставление России режима наибольшего благоприятствования в вопросах торговли, пошлин и консульской службы (ст. 11). В нем (ст. 12) особо оговаривалось, что, «когда Российский Императорский Двор похочет сделать коммерческие трактаты с Африканскими, то есть Триполитанским, Тунисским и Алжирским кантонами, Блистательная Порты обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого Двора намерения и быть в рассуждении вышереченных кантонов ручательницей в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют».

Эта часть работы полна интереснейшей фактуры, впрочем как и другие главы. Вот один пример: «С конца XVIII столетия из черноморских портов начался вывоз хлеба за границу, в основном, правда, в западноевропейские страны. Значительная часть морского экспорта в страны этого региона находилась в руках греков, которые имели право, получая соответствующие патенты, поднимать на своих кораблях российский флаг.

Положение начало меняться к лучшему после того, как в 1802 году русские помещики

получили право вести оптовую торговлю на построенных за свой счет судах. К 1837 году Россия занимала одно из первых мест среди европейских стран по вывозу в Алжир зерна и строительного леса. Российские купцы хотя и медленно, но осваивали арабские рынки, добираясь даже до Судана (во всяком случае, немецкий ученый А.Брем встретил в 1850 году в Хартуме купца из Санкт-Петербурга, удачно распродавшего там привезенные из России товары).

Постепенно увеличивалось число торговых кораблей под российским флагом, заходивших в североафриканские порты. Так, если в 1799 году Тунис посетило с целью торговли всего два русских судна, то в 1805 году их было уже 53. Всего же с 1799 по 1818 год в Тунис совершили заходы 137 российских торговых кораблей с грузами зерна, ячменя, муки, вина, растительного масла, древесины, угля. В 1754 году на ходившем под русским флагом судне «Мадонна де ла Грация» осуществлялась перевозка грузов и пассажиров между Алжиром и Александрией. В 1757 году рейсы такого рода выполнял русский капитан Франкович. В 1840 году в Алжир зашел 21 русский корабль. В начале XX века ситуация существенно не изменилась: в 1906 году алжирские порты посетили 35 российских судов, из которых 15 не для разгрузки или погрузки, а исключительно для пополнения запасов угля и воды».

И таких историй в этой книге - сотни!

Говоря о разделе «Военное и военно-техническое сотрудничество», автор также дает читателю возможность познакомиться с многочисленными фактами и историями, многие из которых широкой публике неизвестны. Вот как, например, он описывает малоизвестные события: «По просьбе шейха аль-Баяда Каира Али-бея Великого командующий средиземноморской эскадрой граф

А.Г.Орлов-Чесменский направил в Египет три тяжелых орудия с русским офицером-инструктором и отряд находившихся на российской службе греков и албанцев. Присланные орудия сыграли большую роль при осаде египетскими войсками Яффы в 1773 году. За год до этого, 8 июля 1772 года, артиллерийская поддержка русских кораблей способствовала разгрому Али-беем Тантави турецкой армии Хасан-паши в сражении у Сайды. В ходе этой войны в поддержку Али-бея русскими войсками был занят Бейрут.

В 1832 году Россия вмешалась в конфликт между султаном Махмудом II и пашой Каира Мухаммедом Али, направив 14 тыс. солдат на азиатский берег Босфора. В результате египтяне, разгромившие турецкую армию в битве при Конье, не осмелились двинуться на Стамбул».

Так описывались преданья старины глубокой, а вот о событии, менее отдаленном - шестидневной арабо-израильской войне 1967 года, А.Б.Подцероб рассказывает, в частности: «Характерным в этом отношении выглядит подход к разразившейся 5 июня 1967 года шестидневной войне. Советский Союз и Соединенные Штаты сразу же предприняли попытку загасить конфликт. Через несколько часов после начала военных действий председатель Совмина СССР А.Н.Косыгин связался по «горячей телефонной линии» с Вашингтоном и предложил сотрудничать в прекращении боевых действий. Президент США Л.Джонсон приветствовал это предложение, подчеркнув, что «обязанность всех больших государств - обеспечить быстрый конец военному конфликту». 6 июня А.Н.Косыгин вновь связался с Вашингтоном, назвав в качестве главного условия перемирия отвод войск сторон на старые позиции. Л.Джонсон подтвердил, что войну следует остановить как можно скорее».

В тот же день Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию, призывающую к прекращению огня... Однако израильтяне продолжали боевые действия на сирийском фронте. У советского руководства не было единства мнений в вопросе о том, следует ли идти на активное военное вмешательство в конфликт. За это выступали министр обороны А.А.Гречко, председатель КГБ Ю.В.Андропов, первый секретарь Московского горкома КПСС В.В.Гришин, в то время как А.Н.Косыгин категорически возражал.

Обстановка продолжала накаляться. Заседание СБ ООН 10 июня, когда США, хотя и призвали обе стороны прекратить огонь, отказались поддержать требование СССР осудить Израиль, продемонстрировало Москве, что возможности взаимодействия с Вашингтоном исчерпаны и что придется идти на эскалацию, чтобы спасти от полного разгрома и политического краха Египет и Сирию.

10 июня того же года Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем. В тот же день А.Н.Косыгин, используя прямую линию связи, передал в Вашингтон следующее послание: «Сейчас наступил очень ответственный момент, который заставляет нас, если в ближайшие часы не прекратятся военные действия, принимать самостоятельные решения. Мы к этому готовы. Однако эти действия могут столкнуть нас, что приведет к большой катастрофе. Мы предлагаем вам потребовать от Израиля, чтобы он безоговорочно прекратил военные действия. Предлагаем вам предупредить Израиль, что за невыполнение этого будут приняты необходимые санкции, включая военные». Министр обороны США Р.Макнамара следующим образом истолковал это обращение: «Мистер президент, если вы хотите войны, вы получите войну».

На этот раз советская угроза не представляла блеф. Три эскадрильи стратегических бомбардировщиков Ту-16 (30 самолетов) были перекрашены в цвета египетских ВВС, и их командиры получили карты объектов для нанесения бомбовых ударов на территории Израиля. В Закавказье было перебазировано две эскадрильи истребителей МиГ-21, которые предполагалось направить в Сирию. В Порт-Саид вошел большой десантный корабль «Крымский комсомолец», на котором был размещен батальон морской пехоты. Главкомандующий военно-морским флотом (ВМФ) С.Г.Горшков приказал сформировать десантный отряд в составе двух десантных судов с двумя батальонами морской пехоты и отряд кораблей артиллерийской поддержки для высадки в районе Латакии с целью оказания поддержки сирийским войскам. Находившаяся в Адриатическом море атомная подводная лодка «К-131» получила приказ выдвинуться к побережью Израиля и быть готовой к нанесению удара крылатыми ракетами по Тель-Авиву. К побережью Израиля была направлена также и атомная подлодка «К-52». Советские боевые пловцы получили задание подорвать, высадившись с подлодки, израильские нефтяные терминалы и нефтехранилища. Кораблям дислоцированной в Средиземном море 14-й смешанной эскадры был отдан приказ защищать советские суда в случае нападения на них.

Не исключалась, похоже, и возможность конфронтации с американцами, в том числе с применением ядерного оружия. Во всяком случае, командиру подводной лодки «Б-74» было направлено указание С.Г.Горшкова приготовиться к использованию торпед с атомными боеголовками. Угроза применения Советским Союзом силы подействовала,

и 10 июня был прекращен огонь, правда, в условиях, когда поставленные ими военно-стратегические задачи были уже в основном выполнены. С другой стороны, события июня 1967 года впервые продемонстрировали, что советский ВМФ способен играть важную военно-политическую роль в кризисных ситуациях. По оценке газеты «Крисчен сайенс монитор», «когда советские эсминцы и подводные лодки вошли в Средиземное море, это принесло быстрые успехи советской дипломатии».

Интересно? Еще как!

А теперь несколько слов на тему «Культурные и научные связи, гуманитарные контакты». А.Б.Подцероб отмечает в этой части монографии: «Искусство нашей страны с самого начала развивалось под заметным воздействием искусства мусульманского Востока. И это было естественно. Русские паломники направлялись в Палестину, купцы вели торговлю со странами Среднего и Ближнего Востока, добираясь до них через Итиль. Одно из свидетельств тому - констатация арабскими хрониками в 876 году присутствия ладожан на караванных путях, ведущих в Багдад. Русские дружины совершали набеги на берега Хвалынского моря, отряды наемников-русов, с одной стороны, воевали в Малой Азии и Леванте в составе византийских войск, а с другой - образовывали лейб-гвардию арабских и персидских эмиров и аббасидских халифов».

Походы, походы, но в Петровскую эпоху в России всерьез занялись изучением Востока - в XVIII веке зародилась российская ориенталистика. В связи с этим автор пишет: «По мнению генерального директора ливанского Центра стратегических исследований «Аль-Истишарийя» Имада Ризка, «особенностью российской ориенталистики являлось то, что она не стремилась подходить к восточному

наследию, приспособлявая изучение его зарождения и развития к собственной точке зрения и расцветивая его, а погружалась в глубины культурного, идейного и даже фольклорного наследия, изучая его как таковое, сохраняя его корни и природу без изменений, сокращений и расцветивания. Российские ориенталистические исследования охватывали все аспекты восточного общества - экономику, философию, искусство, поэзию, литературу вплоть до народных обычаев и традиций»...

Первым российским ориенталистом был Д.К.Кантемир (1673-1723 гг.) - сын господаря Молдавии Константина Кантемира. Он получил образование в Греко-латинской академии в Стамбуле, где изучал древнегреческий, новогреческий, латинский, арабский и турецкий языки, историю, богословие и философию. В 1710 году Дмитрий Кантемир стал господарем Молдавии. В июне 1711 года во время Русско-турецкой войны он перешел на сторону России... В 1714 году Д.К.Кантемир стал советником Петра I по восточным вопросам. Он создал первую в России типографию, использовавшую арабский шрифт. Им было написано два обстоятельных труда по Турции - «История возвышения и упадка Османского двора», переведенная на английский, французский и немецкий языки, и «Книга система, или состояние мухаммеданской религии».

В 1724 году указом императора Петра Великого была учреждена Санкт-Петербургская академия наук, занимавшаяся в том числе и ориенталистскими исследованиями. Заметный вклад в них внес прусский ученый Г.Байер (1694-1738 гг.), блестящий знаток латинского, греческого, китайского, арабского, сирийского и армянского языков, в 1725 году перебравшийся в Россию и работавший в Академии наук. В 1731 году в Санкт-Пе-

тербург переехал и выпускник Лейпцигского университета Г. Кер (1692-1740 гг.), занимавшийся систематизацией азиатских монет из коллекции Академии наук, а затем служивший в Коллегии иностранных дел (КИД) в качестве переводчика и преподавателя арабского, персидского и турецкого языков. Созданная им библиотека насчитывала 100 книг по Турции, Персии, арабским странам, а также включала коллекцию манускриптов, монет и медалей».

Размышляя о нынешнем положении дел в области российско-арабских гуманитарных связей, автор отмечает следующее: «Возобновилась деятельность обществ дружбы как в России, так и в странах Ближнего Востока и Северной Африки, хотя во многих случаях она носит номинальный характер. Встречаются тем не менее и исключения. В качестве примера можно привести празднование в 2010 году в Рабате 40-й годовщины Ассоциации дружбы Марокко - Россия. Связанные с этим мероприятия проводились в течение четырех дней, причем одно из них прошло под патронатом короля Марокко Мохаммеда VI.

Несмотря на все сложности, в России продолжались активные арабистические исследования. В центре внимания российских ученых находится теоретическое осмысление основных тенденций и закономерностей исторической эволюции стран Ближнего Востока и Северной Африки в конце XX - начале XXI века. Проводилась работа по таким традиционным направлениям, как международные отношения в регионе, ближневосточный и другие региональные конфликты, терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм, экономика государств Арабского Востока, Россия и арабский мир (история, политические и экономические отношения, культурные связи), изучение ре-

лигиозно-философской мысли, а также коранической традиции.

При исследовании религиозной проблематики основной упор делался на анализе феномена политического ислама, его социальной базы, причин образования его «умеренной» и «экстремистской» ветвей. Значительное внимание уделялось специфике арабских обществ, их политической культуре, разработке проблем межцивилизационного диалога. Исследования по средневековой и новой истории осуществлялись в ряде областей, включая источниковедение и историографию, исламоведение, историю стран Ближнего Востока и Магриба, изучение арабских рукописей и мусульманской эпиграфики».

В общем, хотя процессы изучения арабской культуры и истории сегодня не столь активны, как это было в советские времена, тем не менее российские ученые и исследователи рук не опускают и делают максимум возможного, что в их силах. Однако в связи с тем, что ближневосточная и арабская тематики просто стучат в двери московской политики, надо полагать, что изучение ближневосточных стран скоро вновь войдет в ряд научных приоритетов. Надо же ясно представлять, что происходит в регионе, где уже четко обозначены большие российские интересы, в частности в области изучения современного ислама.

Вот о «Воздействии религиозного фактора» Алексей Подцероб и пишет в завершающей главе своей мощной монографии: «В период существования Российской империи, несмотря на объявление султаном Стамбула джихада Санкт-Петербургу, особого влияния на российско-арабские отношения религиозный компонент не оказывал. В советский период фактор религии также не производил впечатления на отношения нашей

страны с государствами Ближнего Востока и Северной Африки, где СССР рассматривали как державу, нейтральную по отношению к зарубежному исламу.

Исключение составляла деятельность генерального консула и дипломатического агента СССР К.Хакимова в 1925-1937 годах в Саудии. Летом 1927 года при настойчивом его содействии делегация советских религиозных деятелей под руководством советского ученого-востоковеда Р.Фахретдинова приехала на первый Всемирный конгресс мусульман в Мекку. ВКМ был создан в ответ на проведение в апреле 1926 года в Каире аналогичного конгресса, на котором СССР, Неджд и Индия не были представлены. Конгресс в Каире был создан для того, чтобы принять решение об учреждении всемирного халифата. К.Хакимов организовал прибытие в Хиджаз паломников, для чего был выделен отдельный пароход.

К сожалению, связи с Саудовской Аравией прервались накануне Второй мировой войны. А после войны КСА перешло на антисоветские позиции, настороженно относясь к атеистическому характеру Советского государства.

В целом же в арабском мире рассматривали СССР как своего союзника в борьбе с Западом. Кроме того, на Ближнем Востоке и в Северной Африке получила распространение концепция «исламского социализма», которая препятствовала переходу мусульманских сил на антисоветские позиции...

Не во всех странах отношение к СССР по исламскому вопросу было одинаковым. После своего прихода к власти председатель Совета революционного командования Ливии Муаммар Каддафи поначалу исходил из того, что, когда арабы нанесут поражение Западу, наступит этап «долгой борьбы между мусульманами и коммунистами». Однако подобный

подход быстро изменился - в Триполи осознали, что Ливии, проводящей антизападную политику, невозможно порой обходиться без поддержки Советского Союза.

Определенную роль в изменении отношения ливийского руководства к СССР сыграл первый посол ЛАР в Москве Абдель Зинтани. На него сильное впечатление произвело то, что в центре Москвы есть мечеть, где служили имам и два муэдзина и что Президент Египта Гамаль Абдель Насер молился в этой мечети. Побывав в Средней Азии, посол убедился, что, несмотря на правление коммунистов, там налицо «бережное сохранение народных обычаев, традиций, художественного и литературного наследия»...

Современную Россию воспринимают на Ближнем Востоке и в Магрибе в качестве христианско-мусульманского государства. Широкое распространение получило мнение, что «пограничное положение» РФ на стыке Запада и Востока способствует ее сближению с исламским миром, расширению сотрудничества с ним. Действительно, необходимость поддержания активных отношений с государствами как Запада, так и Востока вытекает из геополитического положения России в качестве державы, расположенной одновременно в Европе и Азии. Не меньшее значение имеет и то, что она представляет особую цивилизацию, на формирование которой оказали воздействие не только греко-византийская и западноевропейская цивилизации, но и мусульманская. Важность для РФ связей с исламскими, в том числе с арабскими, странами предопределяется также заинтересованностью в них многомиллионной российской мусульманской уммы...

В итоге религиозный фактор не является определяющим в российско-арабских отношениях. Его превосходят общее состояние

сотрудничества, позиция, занимаемая Россией в отношении ближневосточного урегулирования, а также Ирака и Сирии, уровень торгово-экономических и военных связей.

Важнейшей составляющей российско-арабских отношений является диалог цивилизаций и культур. Его проведение облегчается особым характером российской цивилизации, более, чем западноевропейская, близкой цивилизации арабо-мусульманской. Пока он ведется главным образом в рамках контактов между учеными, и его задачи четко не определены.

Симптоматично, что большое значение данной проблеме придает и Русская православная церковь. Россия и арабский мир, отмечает патриарх Московский и всея Руси Кирилл, всегда «поощряли и сохраняли духовность, рассматривая ее как существенный фактор жизни народа и общества». По его мнению, подобный подход, который должен быть передан будущим поколениям, превращает РФ и страны Ближнего Востока и Северной Африки в «естественных союзников» перед лицом вызовов глобализации.

Да, именно теме «Взаимодействие или конфликт цивилизаций» посвятил автор заключительную часть своей работы, обозначенную им как «Вместо послесловия». В ней А.Б.Подцероб уделяет основное внимание своим размышлениям. По сути, это напоминает по структуре последний том романа Л.Толстого «Война и Мир», где Лев Николаевич излагает свое видение, свою философию по поводу исторических событий, описанных в романе. Так и А.Б.Подцероб заключительные страницы данной работы посвятил концентрированному изложению своих взглядов историка, дипломата и гражданина на российско-арабские отношения.

Он пишет: «Россию нередко - и совершенно обоснованно - называют «самой восточной

страной Запада» и «самой западной страной Востока»... Тремя источниками и тремя составными частями российской цивилизации были Византия, Западная Европа и мусульманский мир. Контакты с мусульманами русы установили с давних времен. Исторически проявления ислама присутствуют во всех сферах человеческой деятельности, начиная от Булгарии и до современного мусульманства в России. В процессе выбора великим князем Владимиром Красное Солнышко религии он установил контакты с последователями ислама, и в Киев прибыло посольство, направленное Булгарией (правда, в конечном счете русы выбрали православие - восточная ветвь христианской религии).

Что касается арабской цивилизации, то она возникла на основе синтеза культур Афин, Византии, Персии, Средней Азии, левантской, кавказской, и на этом базисе арабы создали свою философию, науку и культуру. Цивилизация, с точки зрения средневековых арабов, предстает как цепь сменяющих друг друга культур - греко-византийской, персидской, индийской, китайской и арабской. С их позиции, арабы ценили у греков проницательность и мудрость, у персов - чувство государственности и умение вести политические дела, у индусов - науку, в том числе астрономию и математику, у китайцев - ремесло, у древних арабов - красноречие. При этом центральная роль Корана и меча, то есть религии и государства, сформировалась в ходе арабских завоеваний.

Культура же развивается по иным канонам, чем завоевательные кампании. Мусульманская цивилизация была результатом взаимодействия культур тех народов, которые были сплавлены в горниле единой общины, сохранив, однако, свои особые черты. Ислам - это продолжение восточной традиции. «Народ Корана» понимал «других» как продолжение

самого себя. Более того, большинство населения Сирии, Ирака и Персии в течение двух первых веков после арабских завоеваний продолжало сохранять прежние верования. В этих условиях трудно представить себе существование социальных преград, которые делали бы невозможными контакты приверженцев ислама с христианами или иудеями... Сейчас налицо активное и пассивное противодействие сотен миллионов людей угрозе, создаваемой для их самобытности, культурных и религиозных ценностей и цивилизационного своеобразия вторжением западной субкультуры и образа жизни. Это не означает, однако, неприятия всего, что связано с западной цивилизацией.

В исламских странах происходит индустриализация, и в городах появляются новые классы, как в промышленно развитых странах. В области подготовки кадров, получивших высшее образование, в мусульманском мире происходит унификация образования, направленная на сближение с западным. Нельзя не видеть стремления к заимствованию экономических достижений и научно-технических инноваций Запада. Все четче прорисовывается и позитивная тенденция к приспособлению культурных и религиозных традиций к новым, быстро меняющимся условиям бытия.

С другой стороны, все более четко проявляется фундаментализм. Он означает соединение ценностей идеологии с радикальными формами экстремистской политики, в которой главным становится воля к власти. Нужно иметь в виду, что фундаментализм может возникнуть в любой идеологии, превращенной в орудие фанатизма и нетерпимости.

Реакцией на вторжение чужой цивилизации нередко становится появление исламского религиозного фундаментализма, представляющего, с одной стороны, попытку отстоять самобытность мусульманских народов, а с

другой - намерение активного меньшинства навязать обществу свои взгляды силой.

«Салафитский проект» выглядит как еще одна эгалитаристская утопия. Невозможность его успешной реализации доказывают неудачи предпринимавшихся в разное время попыток претворить в жизнь исповедуемые исламистами идеи в «Исламском эмирате Афганистан», Пакистане, Судане. При этом стремление салафитов навязать свою модель выливается в насилие по отношению к собственным народам. К каким трагедиям и жертвам это приводит, показывает опыт целого ряда стран, и в первую очередь Афганистана, Алжира, Ирака, Ливии, Сирии. Исламский фундаментализм обращен прежде всего на конфликты в самом мусульманстве и, следовательно, разрушает его изнутри.

С точки зрения межкультурных отношений международный терроризм опасен. Он создает повод к проведению - под предлогом борьбы с этим феноменом - раздельных линий между Западом и исламским миром, зачислению чуть ли не всех мусульман в число противников цивилизации.

Существуют, увы, и планы противопоставления друг другу России и мусульманских стран, реализация которых нанесла бы гигантский ущерб и России, и государствам Среднего и Ближнего Востока и Северной Африки... Необходимо также ликвидировать причины происхождения терроризма - экономические, социальные, политические, идеологические, а также порождающие терроризм кризисы - ближневосточный, афганский, иракский, ливийский, сирийский...

Необходимость искать возможности сосуществования и сотрудничества диктуется к тому же и нарастающими процессами глобализации. Только на путях поощрения естественных межкультурных обменов и

естественного же взаимодействия цивилизаций возможна реализация давней мечты человечества о превращении мира в одну большую семью.

Целями диалога являются ослабление социокультурных основ столкновения цивилизаций. Он помогает понять сущность другой цивилизации и общность их интересов и базовых ценностей. Он способствует преодолению противостояния цивилизаций, помогая понять их универсальность. Межцивилизационный диалог, наконец, является необходимой предпосылкой сотрудничества государств при решении нарастающих международных проблем, справиться с которыми не может даже самая крупная держава мира. На основе диалога строится высшая форма взаимодействия цивилизаций - это партнерство в решении глобальных проблем. Вообще, будущее с межцивилизационной точки зрения предстает в образе взаимного ознакомления, взаимодействия и сближения. Нами накоплен немалый опыт такого диалога с арабами...

Перед Россией стоит сложная задача. Основной ее позиции является вера в гуманистические ценности и высшие идеалы, уважение свободы и права на различие, стремление к торжеству справедливости. Цель же состоит в том, чтобы донести эту позицию до других участников мирового сообщества.

Процессы, происходящие в настоящее время в межцивилизационных отношениях, не являются однозначными. Идет ли мир к глобализации или большей диверсификации, будут ли в мире отношения между нациями основаны на большем сближении либо на удалении друг от друга?

Но при всей сложности ответов на эти вопросы, нельзя не видеть четкой тенденции к упрочению взаимосвязи и гомогенизации цивилизаций. Начали вырисовываться перспективы формирования общечеловеческой цивилизации на основе взаимного культурного обогащения, естественного межцивилизационного взаимодействия, способного в конечном счете привести к конвергенции культур - вот так подводит автор итог своих размышлений.

И в заключение еще одна цитата из этой замечательной работы: «Россия обладает реальными возможностями сохранить свое присутствие в арабском мире. Большое значение имеет и то, что в силу специфики своего исторического развития Россия, по словам автора, «самая восточная страна Запада» и «самая западная страна Востока», гораздо ближе арабским странам с цивилизационной точки зрения, чем европейские государства или США. Активное участие России в делах Ближнего Востока и Северной Африки является залогом того, что геополитические реалии не будут формироваться там без учета ее интересов.

Предпосылки российско-арабского сотрудничества носят объективный характер. Какие бы режимы ни пришли к власти в странах региона, они будут заинтересованы во взаимодействии с РФ. В силу этого, несмотря на происходящие на Ближнем Востоке и в Северной Африке перемены, на будущее политических отношений России с государствами Арабского Востока можно смотреть с вполне обоснованным оптимизмом», - подчеркивает автор книги.

Ключевые слова: Россия, арабский мир, межцивилизационный диалог.

Елена АРЛЯПОВА

Докторант кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ,
кандидат политических наук
elena.s.arlyapova@gmail.com

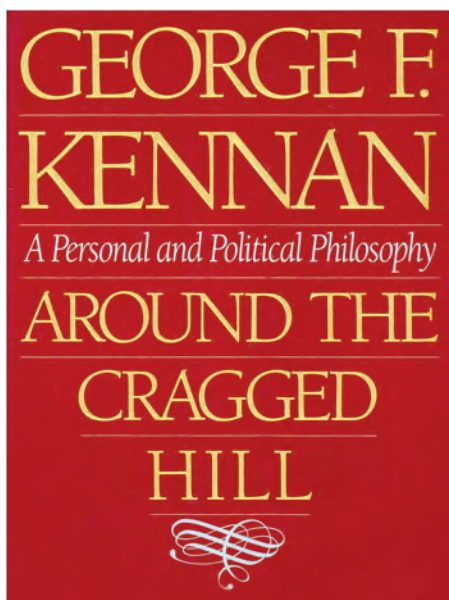
ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН О НАЦИОНАЛИЗМЕ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

На фоне все усложняющихся трактовок, объяснительных теорий, самих методов осмысления такого явления, как национализм, уже давно и далеко вышедшего за рамки традиционно рассматривавших его дисциплин и уверенно ворвавшегося в плоскость исследовательского интереса научных отраслей, изучающих международные процессы и отношения, «самоочевидные вещи» о нации и национализме в книге Джорджа Фроста Кеннана «Вокруг скалистого холма: личная и политическая философия»^{*} выглядят, как старые открытия - радуют глаз и навевают воспоминания.

«ДРУГОЙ» КЕННАН

Весьма спорная фигура в сфере практической внешней политики, Дж. Кеннан был необычайно хорош в отрыве от плоскости применения генерируемых им идей. К счастью, по завершении дипломатической карьеры он остался столь же плодотворен в облечении мыслей в тексты, с которыми, как и прежде - на службе, работал всегда самостоятельно, много и аккуратно¹. В течение нескольких десятилетий любой труд из-под пера Кеннана - профессора Принстонского университета - приковывал к себе всеобщее внимание, вызывал живой отклик аудитории. Двукратный обладатель премии Пулитцера в купе с уважением и признанием коллег из академической среды, он оставался человеком, «к которому информированная публи-

^{*} Kennan G. Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy. N.Y.: WW.Norton & Company, 1993. 272 p.

ка, по меньшей мере, прислушивается, даже если не всегда следует его совету»². Не обошел интерес читателей и критиков книгу - предмет нашего исследования*, но на этот раз потому, что «она показала, как... далек от многих своих почитателей» тот Кеннан, что был «провозглашен пророком», чьи идеи стали «правлящей ортодоксией» в США³.

Никогда ранее теоретик «политики сдерживания» не заходил так далеко в ревизии собственных взглядов и, главное, в критическом анализе окружающей действительности. Именно это повлекло за собой единодушное выделение данной книги из общего ряда его работ. Этому обязано появление в одной из рецензий эпитета

* К моменту выхода книги Кеннан уже 18 лет не преподавал в Принстонском университете.

** Большинство рецензий по выходу книги сделали акцент на отрицании Дж.Кеннаном «элементарных, каждодневных составляющих современного мира», автомобилей например.

«радикал» и повсеместное присутствие в обзорах указания на преклонный возраст Кеннана, хотя, по признанию критиков, «в свои 88 лет он пишет как никогда остро и элегантно»⁴. Книга действительно представляет собой скорее «собрание критических наблюдений» автора, нежели изложение стройной философии, личной и политической, как это заявлено в названии. Однако в тексте также присутствуют оригинальные выводы по всем поднятым блокам актуальных вопросов.

Можно спорить или соглашаться с Дж.Кеннаном, принимать или отвергать его видение, усматривать явные элементы расизма или не найти никаких из них в его замечаниях⁵, сомневаться или, напротив, не допускать и мысли о не вполне адекватном восприятии действительности**, но то, что выводы по всем 11 частям книги сделаны на базе глубокого анализа и многолетних размышлений, несомненно. Жаль, что и те немногие из критиков, кто благосклонно воспринял выход книги в свет, не пошли дальше объяснений, почему Кеннан высказался именно так по тому или иному вопросу, манкировав собственно идеи и предложения автора.

НАЦИОНАЛИЗМ В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ

Широкая эрудиция позволила Дж.Кеннану, наряду с прямолинейной экспрессией, максимально использовать иносказательную и образительность и выразительность слов***.

*** Глубокий скрытый смысл он заложил уже в названии, идейно позаимствованном из знаменитой третьей сатиры («О религии») английского поэта и богослова XVII в. Дж.Донна,

В особо интересующей нас четвертой части книги - о нации - Кеннан сразу очерчивает концептуальные рамки, предваряя главу эпиграфом с цитатой из известной работы Э.Кедури «Национализм»⁶. Этот труд примечателен для нас даже не столько тем, что, невзирая на весьма сдержанные оценки рецензентов по выходу его из печати⁷, он содержит самое цитируемое по сей день определение национализма⁸, где тот трактуется как «доктрина, придуманная в Европе в начале XIX века»⁹.

Ссылка на Кедури важна тем, что должна бы подчеркивать концептуальный выбор автора, сделанный не в пользу присутствовавшей и даже доминировавшей к моменту публикации книги Кеннана концепции национализма Э.Геллнера¹⁰, коллеги Кедури по Лондонской школе экономики и вместе с тем главного и последовательного критика его теорий¹¹. Более того, самая известная и цитируемая в российской политической науке работа Э.Геллнера «Нации и национализм» виделась ее автором «как реакция на теорию Эли Кедури, в которой, как считал Геллнер, не было сколь-нибудь настоящего понимания реальности национализма в силу чрезмерно интеллектуального фокуса»¹².

творческим наследием вдохновившего целый ряд великих мастеров XX столетия. К слову, неугасающее внимание исследователей в области литературы к творчеству Донна дает возможность уточнения названия книги Кеннана и, соответственно, его перевода на русский язык. По мнению англоговорящих литературоведов, та возвышенность у Донна, где «пик истины высок неимоверно» и «придется покружить по склону, чтоб достичь вершины, - нет дороги в лоб!» (пер. Г.М.Кружкова), - это гора, не холм¹³. Следовательно, прямое заимствование в названии книги Кеннана корректнее будет перевести как «вокруг скалистой горы», а не «вокруг скалистого холма», хотя второй вариант благозвучнее и привычнее.

Однако было бы преувеличением приписать Дж.Кеннана к числу последователей Кедури. Думается, что Кеннан процитировал именно и только те его мысли, с которыми был полностью согласен и которые четко входили в интересующий его фокус: нации и национализм в международных отношениях и мировой политике: «Что несомненно, так это то, что [националистическая] доктрина делит человечество на отдельные и отличные друг от друга нации, заявляет, что такие нации должны создавать суверенные государства, утверждает, что члены нации добиваются свободы и удовлетворения потребностей, взращивая особую, присущую их собственной нации, идентичность, а также погружая их собственные индивидуальности в большее целое единой нации»¹⁴. В остальном, и особенно в части определения истоков национализма, с чем определенные сложности испытывал Э.Кедури¹⁵, Дж.Кеннан расходился, пожалуй, со всеми наиболее известными теориями, школами и последователями, отстаивавшими тезис о том, что «национализм и нации не являются перманентными характеристиками истории человечества»¹⁶.

Действительно, несмотря на различия, «большинство теорий национализма центрированы на допущении, что национализм является продуктом и неотъемлемой частью современности»¹⁷. Тогда как Кеннан, отвечая на поставленный перед собой вопрос: «Что есть нация?», без сомнения писал, что «нации существовали прежде, чем появилась такая вещь, как национальное государство, и прежде, чем люди стали мыслить в категориях национального применительно к сути политической организации и правительства» (р. 75). Данное утверждение роднит Кен-

нана с традицией понимания этничности и сопряженных с ней феноменов крайне непопулярного ныне примордиализма. Сюда прекрасно вписывается перечень критериев, по которым, независимо от того, как именно они сочетаются или присутствуют, «мы называем какое-то сообщество людей нацией»; среди таковых названы история, традиция, география, религия и язык, при абсолютном главенстве последнего (р. 75).

Рассуждая о появлении национального государства, Кеннан апеллирует ко времени Французской революции в связи с оформлением самой «идеи концентрации всей полноты власти в пределах нации» и «возникновением на мировой сцене национального государства как независимого и суверенного субъекта» (р. 76). Важной составляющей этой концепции Дж.Кеннан видел произведенное на базе свободного выбора качество нового суверенного организма - его связь с современной теорией самоуправления и демократии. «Таким образом, мы говорим о концепции национального государства, появление которого в качестве нормальной и преобладающей формы независимой политической организации примерно совпало с... установлением нашей собственной независимости» (р. 76).

С учетом данной трактовки сути и истории национального государства национализм определен в работе как «чувство принадлежности к такому организму» и более предметно - как комбинация проявления индивидуальной лояльности государству и, конечно, принятия гражданства частью персональной идентичности. Иными словами, феномен рассмотрен преимущественно сквозь призму сочетания идентичностей и проблему доминирующей лояльности.

НАЦИОНАЛИЗМ - «БОЛЕЗНЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ»

Признавая значительную эмоциональную компоненту за анализируемым явлением, Кеннан предложил следующее деление. Первое - это «естественный и легитимный» национализм, который также может быть назван патриотизмом, «но только в лучшем смысле этого более позднего термина» (р. 77), в итоге упрощенного автором до «любви к своей стране», понимаемой строго в рамках англосаксонской традиции. Второе - это антипод национализму «легитимному». Дж.Кеннан выводит его как «патологическую форму - массовую эмоциональную экзальтацию, к которой оказываются высоко восприимчивыми миллионы людей, особенно в демократических обществах» (р. 78). Шовинизм видится ему подходящим альтернативным названием для второй формы национализма. И тогда Кеннан прибегает к интереснейшей аналогии и делает любопытные выводы. По его мнению, то же чувство беспомощности, что не дает индивидуально романтику обрести уверенность в себе и вынуждает его опираться на внешнее отличие от других, чтобы суметь сформировать собственное эго, возникает при формировании его отношения к коллективу.

Через присущие коллективу черты (главным образом численность) он определяет и свою ценность. Эти вводные обуславливают вид его патриотизма. Он носит демонстрационный характер, часто сопровождаясь повышенной тягой к внешним проявлениям лояльности, а также склонностью к нетерпимости и милитаризму (р. 79). В этой нездоровой форме национализма («реальной и ужасной болезни человеческого духа») Кеннан видел одну из двух

основополагающих причин Первой мировой войны. Но что важно, он считал ошибочным утверждать, что этот болезнетворный национализм является неизбежным производным современного национального государства как института, и делал акцент на правильной интерпретации явления и его характеристик: именно болезнь национального общества, а не значимый сопутствующий фактор. Другое дело, что он усматривал и констатировал наличие связи между ними: к этой духовной болезни оказываются особо восприимчивыми члены современных национальных сообществ (р. 80).

Дж. Кеннан прослеживает историю поражения этой болезнью на примере Старого Света, фиксируя на основе своих наблюдений смещение ее фокуса и делая интересные и теперь уже подтвержденные временем прогнозы. Так, он находил утешительным тот факт, что охватившая 100 лет назад ряд наиболее мощных европейских государств и дошедшая до своих самых страшных и опасных форм (в Германии и Франции, в частности) болезнь в течение нескольких декад по окончании Второй мировой войны заметно пошла на убыль. И в этом Кеннан четко уловил новый тренд, отметив, что теперь на место крупных держав приходят небольшие младогосударства Восточной и Центральной Европы, а конкретно - обретшие свою национальную идентичность в XX веке или все еще находящиеся в процессе обретения таковой; именно они становятся наиболее уязвимыми и восприимчивыми к патологической форме национализма, которой ранее переболели их более развитые соседи. Но и у последних, более крупных, с богатой продолжительной историей, Дж. Кеннан находил опасные остатки нездорового национализма, несмотря на

общее угасание националистических настроений.

Уязвимость западных обществ перед лицом болезни национального духа - это не причина к тотальному упразднению национальных государств уже в силу того, что эту форму политической организации элементарно нечем заменить. Но ее следует принимать в расчет, когда речь идет о будущем главенствующей формы организации применительно к международной жизни, особенно в свете оторванных от действительности теорий, как он их видел, полнейшего равенства и абсолютного суверенитета, на которых, собственно, до сих пор и зиждется концепция национального государства. Кеннан выразил надежду на снижение опасностей, сопряженных с этой конкретной формой политической ассоциации, по мере убывания гиперболизированных концептов национального превосходства и этих излишеств в коллективном самообожании (р. 81).

В рамках рассмотрения противопоставленных друг другу двух форм национализма Кеннан также заостряет внимание на двух видах человеческих реакций: индивидуальном и коллективном. Первый он относит к положительной, патриотической, ипостаси явления, а второй - наоборот, к болезнетворной, «шовинистической». Прослеживая эволюцию национализма сквозь призму коллективной реакции, Кеннан предлагает избирательный анализ знакомых ему по дипломатической работе кейсов - бывших СССР и СФРЮ, где в разное время он служил послом. На базе имеющегося опыта и теоретических заключений он приходит к следующему выводу: «Эмоциональная неустойчивость национальных обществ, особенно таких молодых и неопытных, как образующиеся сейчас из Советов и Юго-

славии государства, может, если это не скорректировать, обернуться величайшей угрозой стабильности международной жизни в завершающие годы столетия» (р. 84).

ООН И ПРОБЛЕМА МЛАДО-ГОСУДАРСТВ

Подчеркивая широкий консенсус по проблеме острой необходимости признания за национальным фактором, более чем каким-либо иным, статуса упрочившихся основ для организации политической власти в отдельно взятых единицах на глобусе, Дж.Кеннан переходит к определению его роли и значения в глобальном масштабе. Центром внимания в срезе политической жизни всего международного сообщества становится Организация Объединенных Наций, поскольку самостоятельное членство в ней, по сути, являет собой практически единственную для новых государств «тропинку от зависимого положения к независимому вхождению в мировое сообщество» (р. 84-85). Впрочем, как уточняет автор, в формальном смысле членство в ООН не является абсолютно необходимым и обязательным для признания страны независимым государством. Его доводы базируются на примерах Швейцарии, обеих Корей и нескольких небольших политий, не названных в тексте.

Важность национального для центральной организации в мировой политике и международных отношениях заложено в самом ее названии - Организация Объединенных Наций (выделено Дж.Кеннаном), что определяет имманентность ее существования как организма, созданного исключительно на базе концепта национальных государств. Путь в мировую политику на независимых началах только через членство в

ООН влечет за собой революционные изменения в структуре международного сообщества. Предшественник в лице Лиги Наций, по мнению Кеннана, давал в этом плане большой простор для маневра, предлагая своего рода промежуточную опцию посредством системы мандатов. Новый же тренд, особенно ярко проявившийся в последние годы, привел к тому, что «сегодняшнее мировое сообщество, можно сказать, состоит исключительно из номинально независимых государств, членом Организации Объединенных Наций» (р. 85).

Развитие в данном ключе стимулировало появление чрезмерного количества стран, обладающих статусом независимых игроков на мировой арене и признаваемых в таком качестве международным сообществом. После создания Лиги Наций в ней было 29 стран-членов, в учрежденной ООН - изначально 51. К 1993 году Организация насчитывала уже 162 члена, и процесс количественного разрастания отнюдь не был завершен: полным ходом шла дезинтеграция на пространствах бывшего СССР и Югославии, а кроме того, не были купированы такого же рода центробежные тенденции во вполне благополучных политиях Старого и Нового Света, таких как Канада, Испания, Швеция и т. д. Кеннан совершенно очевидно расценивал негативно продолжающуюся фрагментацию самого международного сообщества и его институционального воплощения - Организации Объединенных Наций и затруднялся не только определить, когда и где закончится этот процесс, но и закончится ли он вообще.

Кеннан считал в корне неверным и оторванным от действительности упомянутый ранее теоретический посыл о тотальном равенстве и абсолютном суверенитете. Текущие процессы фрагментации он свя-

зывает с ошибочным стремлением реализации этих теорий в плоскости практической мировой политики. Сфера международных отношений сегодня, по его мнению, испытывает перегрузки и сложности адаптации именно в связи с ошибкой в концепте признания независимости государств, когда таковое в обязательном порядке должно сопровождаться членством в ООН. При этом первое иллюстрирует как раз тезис о полном суверенитете, а второе - о полнейшем равенстве (р. 81, 86). Не уходя глубоко в детали и ограничившись лишь замечанием о блистательном характере анализа, предложенного Кеннаном в доказательство своей правоты, отметим его принципиальное несогласие вплоть до полного отрицания с обоими господствующими ныне концептами в сфере международной политики. Если бы эти искусственные нововведения были единственными превалирующими аномалиями, касающимися вопросов композиции и порядка в мировом сообществе, то все можно было бы оставить как есть, но ситуация усугубляется наличием и активностью процессов противоположного дезинтеграционным свойства (р. 90). Ярчайшим примером в глазах Кеннана выглядит Европейское сообщество. Укрупнение игроков и делегирование наднациональным образованиям части суверенных полномочий не менее пагубно сказываются на установленном миропорядке, чем тенденции обратного характера. Кроме того, в суждениях присутствует нескрываемое опасение центристских сил, которые могут появиться в подражание западноевропейскому соседу на пространстве бывших СССР и Югославии. Дж.Кеннан уже тогда совершенно осознанно и четко ставил проблему регионального лидерства, а также максимально подробно

осветил «бич» нашего времени - неразрешенную поныне дилемму национальных меньшинств в составе младого государств, которые совсем недавно имели идентичный статус в рамках более крупных и состоятельных политий, подчеркнув, что эти вопросы практически не подлежат решению в формате сегодняшней структуры международного сообщества (р. 91).

К числу несомненных прогностических удач также следует отнести убежденность в неизбежности вынесения внутренних проблем суверенных государств на международный уровень, причем в темпе стремительного нарастания. Кризис международного общения и взаимодействия, по Кеннану, во многом, если не полностью, объясняется вынужденной необходимостью функционирования прежних концептов и методов мировой политики в условиях строгого доминирования выхолащивающих их суть и купирующих возможности теоретических построений на базе дефиниций «суверенность» и «равенство». Плоскость, где национальные интересы и структуры пересекаются с международными, ожидает эпоха большой неразберихи и нестабильности. Рано или поздно эта неосознаваемая пока тема предстанет во всем своем объеме, а он огромен, поэтому необходимость новых подходов и новых институтов в сфере международного сотрудничества должна быть реализована в ближайшие сроки.

РЕШЕНИЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В своей излюбленной манере Кеннан не ограничивается критикой, но выходит с кон-

кретными предложениями. Первое, что он предлагает принять к сведению: с данной проблемой в силу ее природы эффективнее работать в региональном, а не глобальном контексте. «Если и есть проблема, - говорит он, - в отношении которой должна работать формула «никакого единообразия, общих категорий и огульных мер, каждая ситуация рассматривается в индивидуальном порядке», то это именно наш случай» (р. 92).

Второе: там, где решение проблемы лежит в плоскости создания новой региональной организации (а Кеннан считал, что это случится в большинстве обстоятельств), она, по принципиальным соображениям, не должна находиться в центре конкретной территории и желательно также не размещать ее в столице какой-либо крупной державы, дабы избежать даже намека на доминирование более мощного игрока (по примеру Брюсселя в Европе). Не складывается ощущения, чтобы Кеннан был абсолютно уверен в работоспособности предлагаемой модели, но он точно верил в такие важные возможности группирования по региональному принципу, как гарантированное вытеснение насилия в качестве явления внутри конкретного региона. Это особенно актуально в контексте разрешения конфликтов, когда вместо внешнего вмешательства может и должно, по возможности, применяться урегулирование на региональном уровне, поскольку «соседи, как правило, имеют лучшее понимание происходящего, нежели люди, находящиеся далеко» (р. 93).

Главной и наиболее трудной задачей из числа функций региональных ассоциаций Кеннан, конечно же, видел устранение путем замещения порочной системы необходимого выбора для малых политических организмов между продолжением сущест-

вования в виде сообщества подчиненного меньшинства в политическом формате большей единицы и оторванным от реалий и почти бессмысленным статусом равного и суверенного члена глобального сообщества стран в составе ООН. Вполне вероятно, что членство небольшого этнического сообщества в региональной ассоциации предложит ему много больше опций и возможностей во взаимодействии с остальной частью мирового сообщества, сделает его голос более весомым в международных делах, нежели под силу (в том виде, как сейчас) обеспечить индивидуальному членству в ООН. Приложение усилий в этом направлении Кеннан считал весьма перспективным, поскольку обе формы участия в международной жизни не являются взаимоисключающими и могут сосуществовать друг с другом. В свою очередь, это позволяет безболезненно, то есть без действий, которые могут быть расценены как унижительные, и с сохранением всех внешних атрибутов и престижа независимости малых единиц провести такое упорядочивание.

Наряду с заботой об эмоциональной составляющей процесса реструктуризации для малых игроков стоит отметить таковую у Кеннана в отношении крупных держав, особенно с учетом последовавшего буквально «культу меньшинств» в мировой политике. Увязывая и эту тему с несостоятельностью ООН в ее нынешнем виде, он заостряет внимание на том, что внезапный обрыв связей, прекращение полномочий и элементарная утрата территорий в ходе вычленения из единого ранее политического организма новых политий не проходит безболезненно и для государств, из состава которых они выходят. Здесь тоже имеет место значительный аспект, описываемый в категориях «унижения», «оскорбления» и т. п. Таким образом, реги-

ональная ассоциация как некий промежуточный, а может быть транзитный, вариант решает дополнительные задачи психоэмоционального характера для всех сторон - участниц дезинтеграционного процесса (р. 96).

Та же форма политической организации международного сообщества призвана решить вопрос этнолингвистических меньшинств в составе государств. Впрочем, Кеннан не стал углубляться в этот гордиев узел современной международной политики, ограничившись утверждением, что существующий мировой порядок работает на постоянное увеличение напряжения в данной сфере. «Ответ лежит, конечно, в создании спектра возможных политических структур, превосходящих по статусу национальное государство, но не достигающих статуса всеобщих, но относительно бесполезных структур. И где, как не в принципе региональности, может быть найден такой промежуточный спектр?» - задается вопросом

Кеннан, завершая повествование о нации и национализме в мировой политике и международных отношениях (р. 96).

Невзирая на постоянное «лобби» идеи региональной интеграции, представляющей в исполнении Кеннана ответом почти на все вызовы современности, трудно удержаться от комментария о безоговорочной остроте и широте его политического видения. Он уловил и детально прорисовал не только злободневные, но и не осознанные еще до конца сегодня проблемы международного взаимодействия. Определил направление и дальнейший ход развития мировых процессов, сопряженных с этничностью, дав не только верный прогноз в адрес востребованности и состоятельности действующих международных структур, но и блестящий анализ будущих кризисов и политических тупиков при попытке опоры на них в деле урегулирования актуальных международных проблем.

¹Райкова В.А. Московское посольство Дж.Кеннана (май-сентябрь 1952 г.) // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX - начало XXI в.): материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 25-26 апреля 2013 г. Витебск: ВГУ имени П.М.Машерова, 2013. С. 51-54.

²Schlesinger A. The Radical // The New York Review of Books. 1993. February 11 // <http://www.nybooks.com/articles/archives/1993/feb/11/the-radical/> (дата обращения: 22.05.2014).

³Hankering after a few wise men: «Around the Cragged Hill» - George F. Kennan: W.W.Norton, 16.50 pounds: Godfrey Hodgson on the personal and political testament of an American prophet // The Independent. 1993. April 17.

⁴Schlesinger A. Op. cit.

⁵Hankering after a few wise men...

⁶Kedourie E. Nationalism. London: Hutchinson, 1960 (revised in 1993).

⁷Hunter G. Review of Nationalism by Elie Kedourie. London, Hutchinson, 1960. 144 p. 21s // Race & Class. 1960. Vol. 2. №1. P. 76.

⁸Joffe A.H. Zion as Proxy? Three Jewish Scholars of Nationalism on Zionism and Israel. Jerusalem: The Leonard Davis Institute for International Relations, The Hebrew University of Jerusalem, 2007. P. 9.

- ⁹*Kedourie E.* Nationalism. 4th ed. Oxford: Blackwell, 1993. P. 1.
- ¹⁰*Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
- ¹¹*Gellner E.* Thought and Change. London: Weidenfeld and Nicholson, 1964; *Gellner E.* Review of Nationalism in Asia and Africa, by E.Kedourie// *British Journal of Sociology.* 1972. №23. P. 120-123.
- ¹²*Zuelow E.G.E.* The Nationalism Project. A website devoted to the study of ethnicity and nationalism in global perspective. 2010 // <http://nationalismproject.org/> (дата обращения: 02.07.2014).
- ¹³*Roberts J.R.* John Donne: an annotated bibliography of modern criticism, 1979-1995. Pittsburgh, Pennsylvania: Duquesne University Press, 2004. P. 40, 173.
- ¹⁴*Kedourie E.* Nationalism. London: Hutchinson, 1960. P. 71-72.
- ¹⁵*Conversi D.* Modernism and nationalism // *Journal of Political Ideologies.* 2012. №17 (1). P. 16.
- ¹⁶*O'Leary B.* On the Nature of Nationalism: A Critical Appraisal of Ernest Gellner's Writings on Nationalism // *British Journal of Political Science.* 1997. №27 (2). P. 221.
- ¹⁷*Conversi D.* Op. cit. P. 14.

Ключевые слова: Кеннан, нация, национализм, мировая политика, ООН, региональная интеграция.

ГлавУпДК при МИД России

ГлавУпДК при МИД России представляет новый проект - жилой комплекс для инопредставительств на Мосфильмовской улице

Основной сферой деятельности ГлавУпДК при МИД России является обеспечение дипломатических представительств и миссий необходимыми для работы и проживания сотрудников помещениями, а также предоставление недвижимости в аренду иностранным и российским компаниям и организациям. В хозяйственном ведении ГлавУпДК находятся исторические особняки, жилые и офисные здания.

На сегодняшний день у Главного управления на карте Москвы, пожалуй, самая внушительная география объектов недвижимости, и она постоянно расширяется за счет строительства новых современных зданий, адаптированных под изменяющиеся требования арендаторов.

Сегодня ГлавУпДК при МИД России анонсирует строительство нового девятиэтажного жилого комплекса бизнес-класса для проживания сотрудников инопредставительств на ул. Мосфильмовская, д. 42. Ввод в эксплуатацию намечен на I квартал 2017 года.

Комплекс будет оснащен современными инженерными и телекоммуникационными системами жизнеобеспечения и безопасности. На первом этаже здания разместятся центр дневного пребывания детей и помещения свободного назначения. Предусмотрена трехуровневая подземная парковка с мойкой автомобилей.

Квартиры - от одной до трех комнат, площадью от 44 до 100 кв. м, будут оборудованы кухонной мебелью и встроенной бытовой техникой.

Комплекс возводится в Западном округе Москвы, между Мичуринским и Кутузовским проспектами, где расположено большое количество посольств. С восточной стороны участок ограничен природным заказником «Долина реки Сетунь». Достопримечательностью

района является храм Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве, история которого восходит к XVII веку. В районе расположены МГУ, киноконцерн «Мосфильм».

Недалеко от здания находятся Культурный центр ГлавУпДК, спортивно-развлекательный комплекс «Премьер-Спорт», гольф-поле и другие объекты инфраструктуры. Строящаяся станция Солнцевской линии метро, открытие которой намечено на 2016 год, сделает проживание в комплексе весьма удобным с точки зрения транспортной доступности.

Вместе с офисными зданиями ГлавУпДК, расположенными в непосредственной близости, комплекс образует «дипломатический квартал» по аналогии с кварталом на ул. Мытная и на Кутузовском проспекте, где в находящимся рядом зданиях с различным функциональным назначением клиенты имеют возможность арендовать и офис, и квартиру. Такое «соседство» мест работы и проживания позволит арендаторам экономить время, не тратя его на дорогу из дома на работу и обратно.

Создание подобных «дипломатических кварталов» позволяет содействовать успешному функционированию дипломатических миссий, консульских учреждений, международных организаций, зарубежных СМИ, которые всегда будут находиться в сфере особой заботы ГлавУпДК.

Дополнительную информацию можно получить по телефону: +7 (495) 770-35-35.

СОВЕТ ЖУРНАЛА:**С.В.ЛАВРОВ**, министр иностранных дел России**А.А.АВДЕЕВ**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в Ватикане***А.И.ДЕНИСОВ**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в КНР, кандидат
экономических наук***А.С.ДЗАСОХОВ**,*доктор политических наук***И.С.ИВАНОВ**,*президент РСМД,
член-корреспондент
РАН, доктор
исторических наук***К.И.КОСАЧЕВ**,*председатель Комитета
Совета Федерации
по международным делам,
кандидат юридических наук***В.П.ЛУКИН**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол,
доктор исторических
наук, профессор***М.В.МАРГЕЛОВ**,*вице-президент
ОАО «АК Транснефть»***С.Ю.ВЯЗАЛОВ**,*генеральный директор
МИД России***А.Ю.МЕШКОВ**,*зам. министра
иностраных дел России***А.Н.ПАНОВ**,*доктор политических
наук***Г.Г.ПЕТРОВ**,*вице-президент
ТПП России***А.К.ПУШКОВ**,*председатель
Комитета ГД
по международным
делам, кандидат
исторических наук***С.А.РЯБКОВ**,*зам. министра
иностраных дел России***М.В.СЕСЛАВИНСКИЙ**,*руководитель Федерального
агентства по печати
и массовым коммуникациям***В.Г.ТИТОВ**,*первый зам. министра
иностраных дел России***А.В.ТОРКУНОВ**,*ректор МГИМО (У),
академик РАН, доктор
политических наук***А.Л.ФЕДОТОВ**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в Словакии,
кандидат юридических
наук***В.А.ЧИЖОВ**,*постоянный
представитель России
при ЕС***В.И.ЧУРКИН**,*постоянный
представитель России
при ООН, кандидат
исторических наук***Ю.К.ШАФРАНИК**,*председатель Правления
МГНК «СоюзНефтеГаз»,
президент Фонда
«Мировая политика и
ресурсы»***А.В.ВЯКОВЕНКО**,*Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в Великобритании,
доктор юридических
наук, профессор***Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН****Е.В.Ананьева,***кандидат
философских наук***Е.М.Антонова,***заведующая отделом
по подготовке тематических материалов***А.И.Давыденко,***первый заместитель
главного редактора***В.К.Злобина,***заведующая отделом
интернета и мультимедиапроектов***Ю.А.Минаев***заместитель главного
редактора***Г.И.Поволоцкий,***шеф-редактор***Б.Д.Пядышев,***Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор исторических наук***Е.Б.Пядышева,***ответственный секретарь, кандидат исторических наук***А.В.Рассадин,***политический обозреватель***Е.Ю.Студнева,***обозреватель***С.В.Филатов,***обозреватель***НАУЧНЫЙ
РЕДАКТОР:****А.Д.Дубина****РЕДАКТОРЫ:****О.Н.Ивлиева****Н.В.Карпычева****Л.А.Подчашинская****РЕДАКТОР
ПО ВЫПУСКУ:****И.Н.Знатнова****ТЕХНИЧЕСКИЕ
РЕДАКТОРЫ:****В.А.Позднякова****М.С.Тюрина****ОРГРАБОТЫ:****О.Н.Иванова**

Ежемесячный научно-политический журнал «Международная жизнь».

Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования и в список журналов, рецензируемых ВАК.

Учредитель МИД РФ и ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Издатель ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе, США, фирмой East View Information Services: 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN, 55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202; toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 4450. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.11.2015. Формат 70х100 1/16. Офсетная печать.

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции. Заказ №857.

Отпечатано в типографии ООО «Верже-РА»

Москва, 127055, ул. Суцвевская, д. 21 (БЦ «Молодая Гвардия»), подъезд 2, этаж 3, офис 2

www.verge.ru, e-mail: info@verge.ru тел./факс: +7 (495) 727-00-08, 363-61-55

INTERNATIONAL AFFAIRS

*A Monthly Journal of Foreign Policy,
Diplomacy and National Security*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: articles@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата за аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ ПО АДРЕСУ: articles@interaffairs.ru КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

Правила оформления сносок и библиографии в конце статьи:

¹Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

²Putham H. Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.

³Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS. RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв. URL: <http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464> (дата обращения: 19.03.2007).

⁴Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

www.interaffairs.ru